

№ 4 (23) 1991

Цена 2 руб.

ISSN 0236-6864

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

Я ПОДСЛУШИВАЛ КРЕМЛЬ

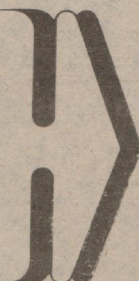
читайте на с. 30

Что же
случилось
с премьером?
с. 24

Мемуары
Отто Скорцени
с. 28

Черные дыры
космической
истории
с. 4

ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

Ассоциация «Наука — будущему страны», объединяющая многих видных советских экономистов, социологов, историков, политических деятелей, экологов, физиков, инженеров, провела «круглый стол», посвященный проблеме «Каким видится будущее нашего общества?». Дискуссия была открыта Президентом ассоциации академиком Никитой Николаевичем Моисеевым.

Мы публикуем его выступление, переработанное специально для «Совершенно секретно».
Н. Н. Моисеев — математик, специалист в области системного анализа. Он и его коллеги разработали получивший громкую известность в мире «сценарий ядерной зимы» — прогноз событий, которым суждено развернуться на Земле в случае развязывания атомной войны. Появление этой работы сыграло определенную роль в стабилизации международных отношений.

Человечество чересчур разнообразно, чтобы его развитие можно было уложить в какую-либо одну схему. Иными словами, река истории разветвляется на отдельные потоки, которые порой долго текут независимо. Однако они неизбежно сливаются когда-то снова в единый поток, хотя в общем русле еще долго различимы по-разному окрашенные струи.

Сегодня, например, принято различать техногенные и традиционные общества, если угодно — общества европейского и азиатского типов. При всей условности в таком разделении есть своя логика. Общества первого типа ориентированы на поиск новых форм жизнедеятельности, второго — на воспроизведение традиционных общественных структур, максимальную их консервацию.

На протяжении многих веков характер жизни и структура приоритетов в этих обществах были совершенно разными. Не могучий Китай с его древней культурой, с его средствами навигации и кораблями тысячелетнего водоизмещения открыл Европу, только-только начинавшую выходить из средневековья. Нет, маленькая Португалия на скорлупках-каравеллах добралась до Китая и основала там свою первую факторию. Два столетия раньше Марко Поло пешком прошел весь шелковый путь и вышел к Тихому океану. А разве не показательно, что русские землепроходцы не только добрались до Аляски, но и тоже пешком дошли до Калифорнии? Таков был настрой цивилизации, которая родилась в Европе. Европа рвалась вперед, а традиционным цивилизациям Востока открытия новых земель просто не были нужны.

Но при современных темпах развития науки, универсализации техники и технологий многое «смешалось в доме Облонских». И в странах с традиционным укладом теперь возникают весьма динамичные структуры. Хотя и очень непохожие на то, что родилось в Европе. Особенно яркий пример таких перестроек дают «новые тихоокеанские тигры». — Южная Корея, Тайвань, Гонконг. Похоже, что к ним присоединятся и Таиланд. На планете рождается новая планетарная цивилизация. Как лоскутное одеяло — очень пестрая, но единая.

Несмотря на все различия в истории и традициях государств, оказавшихся способными обеспечить высокий жизненный уровень населения, черты их современной жизни имеют много общего.

Первое — их благополучие и динамизм возникли в рамках той организационной структуры, которую сегодня принято называть либеральной экономикой. Эти общества по своей сути многоукладны. Рыночные механизмы в них служат безальтернативной системой обратной связи между спросом и производством, то есть основным регулятором повседневной жизнедеятельности.

Второе — рынок в его чистом виде не способен предвидеть изменения спроса, которые могут быть вызваны изобретением новых технологий или технических новшеств, изменением общественных потребностей, обусловленных проблемами экологии или энергетики. Поэтому в таких странах возникают и другие, нерыночные, системы обратных связей.

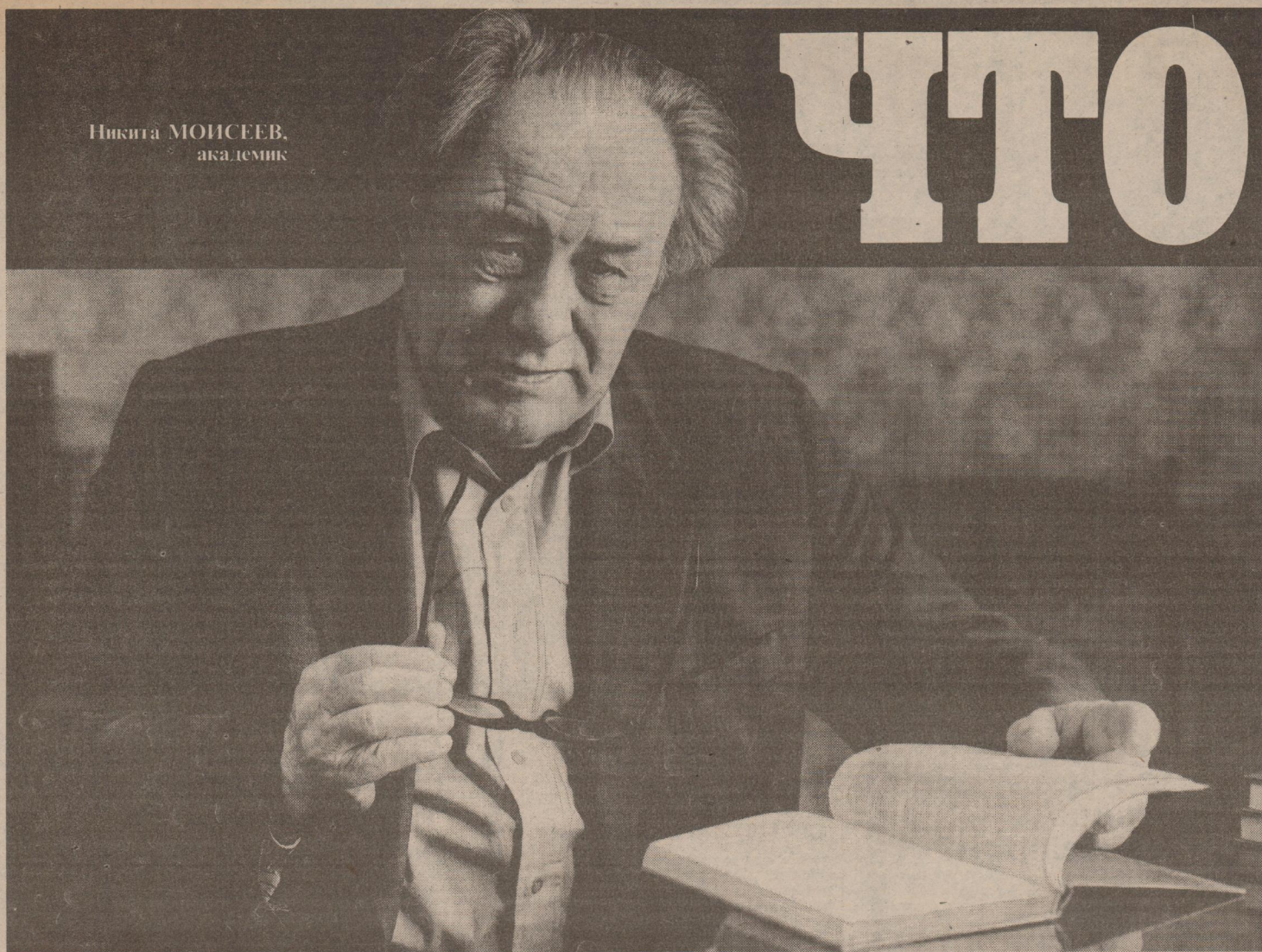
К их числу относятся различные способы государственного регулирования, порой весьма жесткие. Они сыграли большую роль уже во времена Рузвельта. В период нефтяного кризиса 70-х годов они оказались не просто демпфером, защитившим экономику от разрушения, но и силой, которая помогла западной промышленности перейти на энергосберегающие и другие прецизионные технологии. В результате симбиоза рыночного и целенаправляющего начал стал возникать новый виток научно-технического прогресса. Мир вступил в эпоху «высших технологий».

Разумеется, эти направляющие начала не сводились к директивному планированию госплановского типа или к нормативному управлению с помощью системы показателей. Государство вводило, по мере надобности, систему преференций, разного рода поощрений или наказаний в форме штрафов или налогов. Большую роль играли система государственных заказов и иные гибкие средства воздействия. Все это наложило на конкуренцию, стремление корпораций обеспечить стабильность инвестиций, сбыта, прибылей и многого другого, что свойственно современной экономике западного типа. Особенно велика роль государственного начала в стимулировании технических новшеств, позволяющих уменьшать вредное воздействие производственной деятельности на окружающую среду.

Третье — высокая децентрализация производственной деятельности. Сегодня в Соединенных Штатах больше половины валового национального продукта производится мелкими предприятиями, где занято менее двадцати человек. И эти предприятия тесно взаимодействуют с крупными корпорациями, мощными индустриальными комплексами, что превращает экономику страны в единый организм. В этом симбиозе важная роль отведена системе антимонопольных законов, которые не исключают определенной согласованности действий, особенно в таких отраслях, как информатика, энергетика. Такая согласованность проявляется в формировании общенациональных программ, таких, как американская программа «СОИ», или в организации бесприбыльных корпораций на кооперативных на-

Никита МОИСЕЕВ,
академик

ЧТО

чалах для создания новой техники, новых технологий. Особенно яркий пример такой согласованности — японская программа создания компьютеров пятого поколения.

Четвертое — интегрированность в мировую экономическую систему. Ныне возникает некий общепланетарный экономический организм, и никакая страна не может позволить себе роскошь существовать в замкнутом экономическом пространстве. Даже такой гигант, как США.

Пятое — усложнение техники и технологий требует очень высокой квалификации работников, начиная от подсобного рабочего и кончая управляющим предприятием. Отсюда рост ассигнований — как государственных, так и частных — на образование. Каждый работник становится предприятию и стране очень дорогим. Отсюда, как следствие, — рост заработной платы, объема социальных услуг, социальной защищенности и тому подобное.

Вероятно, можно назвать еще много общих тенденций развития производительных сил и организационных структур в мире. Но сказанного, может быть, и достаточно, чтобы увидеть некоторые общие закономерности, лучше сказать, тенденции современного этапа развития цивилизации.

Очень важно заметить, что ни одной стране не удалось проигнорировать эти тенденции, продвигнуться в своем развитии им вопреки. Другое дело, что путь к либеральной экономике отнюдь не усыпан розами. Америке и Европе для организации современной рыночной экономики пришлось пройти этап дикого рынка, или «эры Клондайка», в течение которой огромному большинству народа довелось пережить лишения и горе, хорошо описанные в литературе XIX века.

Да и сейчас немало стран, еще живущих по законам дикого рынка. К ним относятся почти все государства Латинской Америки. Их опыт легко убеждает, что рынок сам по себе еще не несет человеку ни сытости, ни благосостояния, ни тем более социального мира. И весьма сомнительно, что подобное рыночное общество может сделаться тем идеалом, на который стала бы ориентироваться наша «перестройка».

Но если на пути к цивилизованному обществу, способному обеспечить благосостояние и права человека, нельзя миновать этап либеральной экономики, то «эра Клондайка» — вовсе не обязательный элемент истории. Это подтверждает ход событий в Японии и разви-

ния их в программу социалистического переустройства общества. Вывод, увы, однозначно негативен. Любая попытка силового ускорения процесса социализации, перепрыгивания через ступени истории, изменения берегов, начертанных природой для исторического потока, лишь уводит в сторону от столбового пути развития. А возвращаться на него необычайно трудно. Невольно приходишь в голову одна аналогия. Если домашний олень случайно прибьется к стаду диких оленей, то у него гораздо меньше шансов выжить в суровых условиях воли, чем у тех его сородичей, которые познали тяжесть естественной жизни.

В отсутствие жесткой массовой соревновательности в мире предпринимательской инициативы расцветают бюрократические структуры и некая «псевдодеятельность», следующая принципу «чего изволите». Появляется специальная прослойка общества, узурпирующая основные права собственности. Ее преобладающие интересы — обеспечить стабильность собственного положения. Как бы ни были привлекательны идеи социализма, при их введении силовыми методами (методами социальной инженерии) неизбежно берут верх те скрытые силы, которые стремятся превратить общество в подобие некоего термитника — удивительной структуры, способной существовать сотни миллионов лет без каких-либо существенных изменений.

Сказанное выше — факты, уже установленные экспериментально. Равно как и то, что утверждение подобных порядков грозит стране застоєм, деградацией и уходом от исторической рампой куда-то в глубину, на периферию исторической сцены. А возвращение может оказаться не просто трудным, но и проблематичным. И самое удивительное состоит в том, что такой исход эксперимента можно было предсказать заранее, опираясь на ту же марксистскую диалектику, на анализ палитры человеческих интересов и помня тезис Маркса о том, что любые действия людей определяются их интересами!

Я попробовал рассказать об особенностях того участка «столбовой дороги развития общества», который пролетел через двадцатый век.

Мы не должны избежать общей участи и перепрыгнуть через эпоху. Нашу задачу я вижу в том, чтобы найти собственный путь возвращения на столбовую дорогу истории, минуя эру дикого рынка, когда люди забывают все ценности науки, культуры, когда воцаряется лишь одна мораль — мораль чистогана и сиомигун-

числе и крупных промышленных комплексов. Я думаю, что ближайшим этапом нашего развития должен стать своеобразный вариант госкапитализма, когда возникнут независимые крупные промышленные корпорации с государственным капиталом. Но эти корпорации уже будут вне всяких министерств. Они должны стать самостоятельными агентами рыночной экономики — подчиняться законам рыночной конкуренции и антимонопольным законам государства.

Госкапиталистические корпорации у нас уже однажды стали возникать. Вспомним, например, Богородский синдикат, который в двадцатых годах возглавлял Ногин, или аналогичные структуры в угольной промышленности Донбасса, организованные Пятаковым. Они были независимы от государства, они заключали по своему усмотрению договоры и по суду отвечали перед законами страны за просчеты и ошибки в своей деятельности. Анализ «феномена советской власти», как тогда говорили на Западе, показывает, что именно этим предприятиям госкапиталистического типа наша страна обязана тем, что уже через пять лет после окончания гражданской войны и полной разрухи смогла выйти на довоенный уровень производства.

Имея в виду мое представление о «столбовой дороге развития», которое я постарался объяснить, мне кажется необходимым, чтобы эти корпорации обладали правом выпускать акции и вести самостоятельную инвестиционную политику. Они должны обладать правами объединения, слияния в пределах разрешаемых антимонопольным законодательством, и постепенно превращаться в государственно-частные трансреспубликанские (а может быть, и транснациональные) корпорации.

Такой переход от отраслевого планового управления к госкапиталистическому, но рыночному, корпоративному, позволит сохранить основные промышленные комплексы, и в частности потенциал военно-промышленного комплекса — один из ключевых вопросов перестройки и создания хорошей стартовой позиции для превращения нашей страны в один из важнейших элементов мировой экономики.

Корпоративная система охватывает лишь крупные предприятия. Что же касается мелких, то они должны быть приватизированы так же, как и торговля. Это значит, что их следует продать кооперативам или сдать в аренду, или продать частным лицам. И государство не должно вмешиваться в их

тие некоторых других стран Тихоокеанского региона.

Я не буду говорить об истории Японии — мне она представляется некоторым совершенно исключительным феноменом. Но история Южной Кореи и особенно Тайваня убеждает, что при разумном использовании даже довольно ограниченных ресурсов, при достаточно высоких централизованных затратах на образование и культуру можно войти в клуб развитых наций, минуя эпоху дикого рынка. Заметим, что на Тайване именно партийные структуры Гоминдана — и по сей день правящей партии — создали основные структуры либеральной экономики. Сколь, действительно, разнообразны пути истории!

Разумеется, упомянутые страны совершенно несопоставимы с нашей огромной страной, протянувшейся между двумя океанами, но опыт «тихоокеанских тигров» все-таки служит обнадеживающим примером. Во всяком случае, он показывает, чего может добиться разумная, взвешенная политика, сочетающая принципы рыночной экономики и централизованного начала.

Мне кажется, сегодня очень важно понять, что социальное развитие — элементы социализма, если угодно, возникают естественным образом как абсолютная необходимость дальнейшего развития человечества и его производительных сил. В первую очередь действительно социалистические отношения становятся потребностью человечества лишь в условиях достаточно высокого уровня жизни, и их нет необходимости насаждать силовыми методами. Не о том ли думал сто лет тому назад один из самых глубоких последователей Маркса Эдуард Бернштейн, когда говорил, что потенциальные возможности капиталистического способа производства далеко не исчерпаны, что утверждение социализма придет через развитие производительных сил в рамках капитализма, который станет развиваться именно в сторону утверждения социалистических отношений?

Сейчас уже пришло время подвести итоги целому столетию, в течение которого развивались идеи социализма и делались разнообразные попытки целенаправленного «силового» утверждения этих идей, превраще-

ных удовольствий. И этот путь надо отыскать достаточно быстро, ибо мы потеряли уже бездну времени на противоречивые решения, нежелание считаться с объективными законами развития и расставаться со стереотипами мышления. Трудности усугубляются тем, что мы уже вступили в эпоху дикого рынка, согласимся ли мы это признать или нет!

Наше развитие очень плохо предсказуемо, ибо у нас нет направляющей идеи, а страну раздрают мелкие идеи, среди которых заметно выделяются националистические мотивы и различные утопии, показывающие нашу разобщенность и неуверенность в будущем. Не о том ли сказал еще в начале века великий русский поэт: «Не ведаем: над нашим станом, как встарь, повита даль туманом, и пахнет гарью. Там пожар».

И нет, пожалуй, дела более важного для нас — для страны, для народа, — чем утверждение общей идеи, общего понимания того, куда и как надо нам идти. Понимание должно созреть. Это непростое при нашей зашоренности и стереотипах мышления, рожденных не только прошлым, но активной борьбой с этим прошлым. Так, например, недавно появилась брошюра Гавриила Попова, в которой декларируется путь завершения перестройки. Одно из утверждений — неизбежность полного распада Союза на отдельные государства. Что не только ожидается, но и приветствуется.

Конечно, и такое может произойти в нашем непредсказуемом мире. Но это будет трагедией для всех, и для Попова в том числе!

Мои рассуждения имеют совсем другую цель. Я хочу представить себе путь перехода к либеральной экономике, наиболее безболезненный, который позволил бы сохранить то, что не случайно создавалось веками, — союз народов, вклад которого в развитие мировой цивилизации неоспорим и способный дать в наступающем веке перспективу умного человеческого существования.

Я не сторонник далеких планов и аббревиатур типа «500 дней». Давайте поговорим о первом шаге на пути к столбовой дороге. Он в наших руках. Сегодня говорят о приватизации. Я тоже не вижу другой альтернативы. Но не бездумная распродажа всего и вся, в том

жизнь и деятельность, а только следить за тем, как эти предприятия платят налоги и выполняют остальные законы страны.

Я долго был уверен, что переход к рыночным отношениям должен делаться постепенно, шаг за шагом. Постепенно нужно отпустить цены, постепенно менять финансовую политику и утверждать конвертируемость рубля. Я думаю, что до поры до времени так оно и было. Но сейчас этот эволюционный шанс уже упущен — события нарастают стремительно. И шокотерапия, вероятнее всего, — наиболее безболезненный путь из кризиса. Сейчас нужна одномоментная операция, как говорят медики. Надо одновременно и переходить к системе госкапитализма, и отпустить цены, и объявлять рубль конвертируемой валютой. Любой другой сценарий выхода из кризиса — а всякий кризис однажды кончается — нам будет стоить дороже.

Но я не верю в то, что этот сценарий будет реализован. Во-первых, его не примут «демократы», поскольку речь идет не о капитализме, а о госкапитализме. Во-вторых, его не примут «консерваторы», поскольку в нем говорится не о госсocialизме, а о госкапитализме. В-третьих, этот сценарий будет непопулярен, поскольку он неизбежно приведет к немедленному снижению уровня жизни, о чем придется сказать народу, а правду мы говорить ох как не любим. В-четвертых, для его реализации необходимо твердое, решительное правительство и Верховный Совет, способный к системному мышлению и профессиональному анализу последствий собственных решений, а опыт последних лет и бесконечные импровизации показывают, что у нас нет ни того ни другого. И наконец, последнее. Для реализации такого сценария необходимо правительство, пользующееся абсолютным доверием населения.

Вот почему я думаю, что такой сценарий реализовать не будет.

А затем — кровь и горе миллионов. И грянет диктатура. Какая? Я не знаю. Но то, что моя Великая страна в этом случае окажется на задворках цивилизованного мира, мне кажется, сомнений не вызывает.

ИЗ КОСМИЧЕСКИХ

Николай КАМАНИН

История отечественной космонавтики даже в наши дни «беспредельной гласности» предстает перед широкой общественностью в основном в виде объемистого перечня победных реляций. О просчетах и неудачах в исследовании космоса (а их было не меньше, чем достижений) и уж тем более о причинах, их породивших, говорить по-прежнему не принято. Между тем многие беды нашей сегодняшней космонавтики уходят своими корнями в кажущиеся уже бесконечно далекими 60-е годы. Это было время, когда СССР и США вступили в открытое единоборство за лидерство в «космическом марафоне». В этом марафоне мы стартовали первыми, но американцы не долго оставались в роли догоняющих...

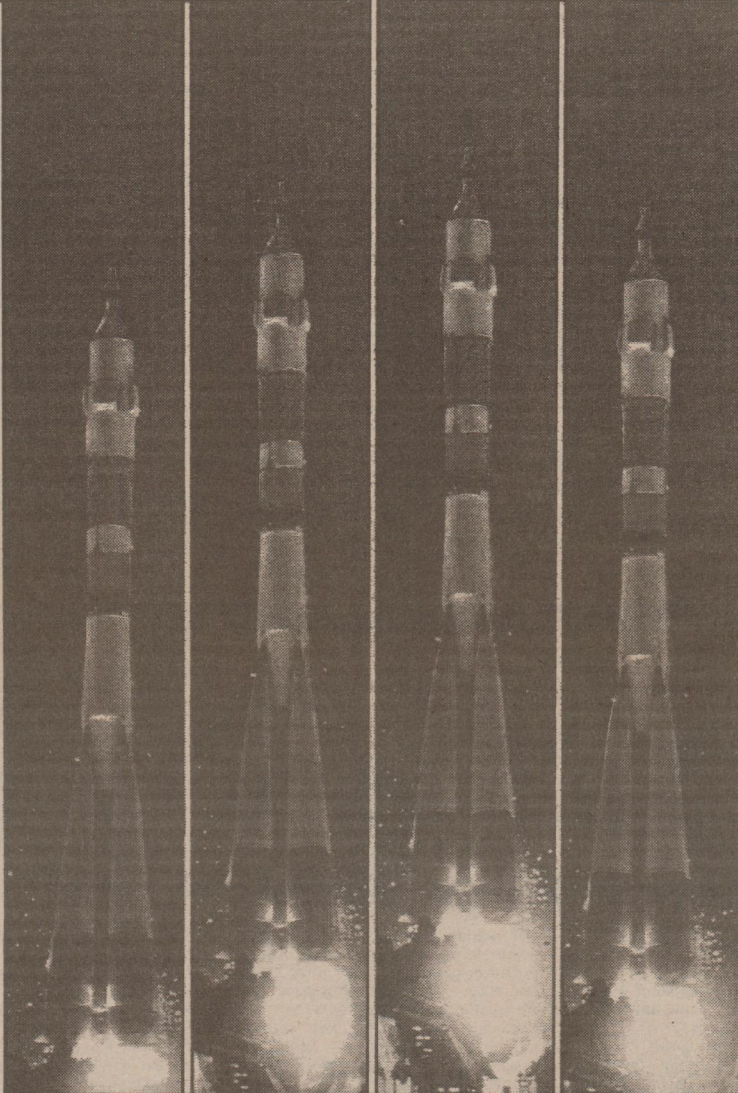
Из предлагаемых вашему вниманию фрагментов дневниковых записей помощника Главкома ВВС по космосу Николая Петровича Каманина можно получить представление об очень непростых условиях, в которых проходило становление в нашей стране одного из важнейших направлений практической космонавтики — подготовки и осуществления пилотируемых космических полетов.

...ПОЛЕТ НИКОЛАЕВА И ПОПОВИЧА СНОВА РЕЗКО УВЕЛИЧИЛ РАЗРЫВ МЕЖДУ СССР И США В НАШУ ПОЛЬЗУ — ЭТО ПРИЗНАЮТ ДАЖЕ САМИ АМЕРИКАНЦЫ. ДА, ЭТО ИМЕННО ТАК, НО ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

22.06.62 г. Не брался за дневник больше месяца. После возвращения из США написал три статьи в «Красную звезду» и закончил книгу о Гагарине — «Первый гражданин Вселенной». Книгой я доволен, можно было написать лучше и больше.

Голова все время забита мыслями о путях более успешного освоения нами космоса. Америка быстро догоняет нас, а во многом (особенно по разведывательным ИСЗ) уже обогнала. У нас были и есть все возможности в этом году совершить несколько многосуточных космических полетов человека с продолжительностью до 8—10 суток. Однако из-за плохого общего руководства космонавтикой и непрерывных ведомственных споров и тяжб успехи нашей страны в космосе за первую половину 1962 года очень скромные.

23.06.62 г. Я уверен, что суточные полеты в космос американцам не удастся освоить раньше второй половины 1963 года, но и в этой уверенности мало утешительного. Все дело в том, что мы топчемся на месте: после полета Титова к нашим достижениям прибавилось очень немного — запущено пять спутников серии «Космос». Попытки запустить «Зенит» — модифицированный разведывательный вариант «Востока» — не увенчались успехом. В одной из этих попыток отказала первая ступень, и ракета с кораблем упала в трехстах метрах от старта, причем одна из четырех боковин первой ступени сгорела прямо на

ДНЕВНИКОВ

стартовой площадке. Восстановление поврежденной при пожаре пусковой установки займет около месяца. Это означает, что совместный полет Николаева и Поповича сможет состояться не раньше середины августа.

Вероятность того, что в ближайшие два-три года американцы захватят лидерство в космической гонке, все возрастает, а мы пока ничего не предпринимаем, чтобы вновь оторваться от наседающего соперника. Судя по посланию президента Кеннеди конгрессу о достижениях США в авиации и астронавтике за 1961 год, американцы решили: 1) не жалеть средств на космические исследования; 2) централизовать руководство всеми работами по космосу в НАСА и в одном из военных ведомств, а именно в ВВС США; 3) в целях подготовки экспедиции на Луну сосредоточить главное внимание на полетах космических кораблей, пилотируемых астронавтами.

Итак, США с их высокоразвитыми электроникой и вычислительной техникой отдадут пальму первенства в космосе людям, а не автоматам. Казалось бы, нам — впервые в мире запустившим корабль-спутник с космонавтом на борту и впервые осуществившим суточный пилотируемый полет — сам бог велел отстаивать решающую роль в космосе человека, а не робота. И ведь ни для кого не является секретом пока еще недостаточно высокая надежность нашей автоматики. Однако вопреки здравому смыслу у нас явно наместился уклон в сторону сплошной автоматизации управления пилотируемыми космическими полетами. Я буду стараться убедить С. И. Руденко, К. А. Вершинина и Р. Я. Малиновского в необходимости пересмотра нашей программы.

Наши отношения с С. П. Королевым, к сожалению, не улучшаются. Он неоднократно высказывал свои претензии к ВВС, Каманину и космонавтам, выражал недовольство по поводу зарубежных поздравлений Гагарина и Титова, грозился, что пожалуется на нас Хрущеву и будет готовить космонавтов в своем ОКБ. Во всех этих претензиях и угрозах сквозит горькая обида Сергея Павловича на замалчивание его роли в осуществлении космических полетов, мотивируемое «секретностью» имени Главного конструктора. Королеву известно, что за границей его хорошо знают, что там о нем пишут статьи и читают лекции. Недовольно, что он болезненно переживает свою бессмысленную изоляцию на родной земле. Признаться, что и я после полета Гагарина делал далеко не все, чтобы поддерживать хороший личный контакт с Сергеем Павловичем.

19.07.62 г. Вчера Главком Вершинин подписал подготовленный мною доклад маршалу Малиновскому о послании президента США Джона Кеннеди конгрессу об итогах работ по освоению космоса за 1961 год. Вот основные положения моего доклада.

ВЫВОДЫ

1. США поставили перед собой как важнейшую задачу догнать и перегнать СССР в деле освоения космоса и не жалуют на эти цели средств.
2. В программах США по освоению космоса отдается преимущество пилотируемым (с экипажем) космическим кораблям, способным изменять орбиту и совершать управляемую посадку.
3. Особую заботу США проявляют по освоению околоземного космического

Основоположник практической космонавтики академик С. П. Королев и помощник Главкома ВВС по космосу генерал-полковник Н. П. Каманин

пространства и освоению Луны. Практическое решение проблем, связанных с полетами на Марс, Венеру и более далекие планеты, почти не отражается в планах на ближайшие 6—8 лет.

4. В США проведена жесткая централизация руководства всеми работами по космосу. 90% всех заказов космической техники осуществляют ВВС.

5. За 1961—1962 годы США добились значительных успехов. Отставание США от СССР в деле освоения космоса быстро ликвидируется. По освоению космических устройств военного назначения (разведка, связь, навигация, метеорология и др.) США уже опередили нас. Назревает реальная угроза, что в 1963 году США смогут обогнать нас по количеству и продолжительности полетов космонавтов.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учитывая громадное политическое, научное и военное значение первенства и успехов в космосе, СССР не может уступить США ведущую роль в космосе. СССР располагает всеми возможностями для укрепления своей ведущей роли в освоении космоса.

В целях сохранения приоритета и наращивания наших успехов в космосе представляется целесообразным проведение следующих мероприятий:

1. Пересмотреть наши планы освоения космоса с целью сосредоточить все усилия на освоении в первую очередь околоземного космического пространства и полетов на Луну. (Полеты Гагарина и Титова стоили нашей стране в несколько раз меньше стоимости наших запусков на Марс и Венеру, а принесли СССР величайшие успехи и признание их народами всего мира.)

2. Наряду с созданием беспилотных космических аппаратов главное внимание направить на развитие пилотируемых (с экипажем) космических кораблей, способных изменять орбиту и совершать управляемую посадку.

3. В 1962—1963-м и в последующие годы резко увеличить соотношение между пилотируемыми и беспилотными космическими полетами в пользу первых. (Всего в СССР выведено на орбиту 21 космическое устройство, из них только два с человеком на борту, а в 1962 году из пяти выведенных на орбиту спутников пока ни одного не было с экипажем.)

4. На вторую половину 1962 года запланировать пуск не менее пяти кораблей «Восток» с космонавтами на борту, в том числе один полет женщины-космонавтки.

5. На 1963 год заказать промышленности 12 кораблей типа «Восток», с тем чтобы к концу 1963 года довести продолжительность полета космонавтов до 8—12 суток. (У части руководителей промышленности есть настроение не строить в 1963 году корабли типа «Восток», с тем чтобы переключить все внимание на строительство кораблей «Союз». Такие предложения необходимо категорически отвергнуть. «Союз» может постигнуть судьба «Севера», а если этого и не случится и «Союз» окажется хорошим космическим кораблем, все же его освоение не начнется раньше 1964 года. В такой обстановке мы можем в 1963 году оказаться без пилотируемых кораблей и подвергнем себя риску отстать от США.)

6. Необходимо пересмотреть систему заказов космической техники и ответственность военных ведомств за ее создание. Право заказов космических летательных аппаратов предоставить только ВВС, оставив за ракетными войсками ответственность за развитие и право заказов баллистических ракет и стартового оборудования. (Существующее положение с заказами противоречит здравому смыслу и наносит ущерб делу освоения космоса. Космонавты обучаются и работают в ВВС, а корабли для них заказывают ракетные войска. Всем показалось бы неразумным и вредным, если бы летчики заказывали для моряков морские корабли или моряки — самолеты для летчиков, но многие считают возможным держать космонавтов в стороне от процесса создания и подготовки к полету космических кораблей.)

7. Руководство планированием запусков военных космических устройств и полетов космонавтов, а также руководство пуском и полетом отдать в руки военных, оставив за представителями

промышленности техническое руководство пуском только новых опытных устройств. (Главные конструкторы физически не в состоянии руководить десятками пусков и невольно тормозят подготовку очередных пусков.)

8. Целесообразно развернуть работы: — по линии создания экспериментального орбитального самолета с высотами полета 60—150 км, обеспечивающего маневрирование и управление полетом за счет аэродинамических сил;

— по линии изыскания возможностей создания воздушно-космического самолета, обеспечивающего длительные маневренные полеты за счет использования для работы двигателя газов, накапливаемых в верхних слоях атмосферы. (По данному вопросу я 16.06.62 г. обратился к г. Демьеву с предложением разработать совместный комплексный план научных и экспериментальных работ, с тем чтобы в текущем году представить в ЦК КПСС наши согласованные предложения.)

23.08.62 г. Полет Николаева и Попо-

Андрей Николаев и Павел Попович

вича снова резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу — это признают даже сами американцы. Да, это именно так, но что мы должны делать дальше? Сейчас мы готовим пуски на Венеру (одна АМС с посадкой на планету, вторая — с облетом, фотографированием и возвращением в район Земли), а в октябре мы будем производить пуски в сторону Марса. Пока неясно, когда состоятся и какими будут очередные пилотируемые полеты. Для полетов космонавтов осталось только два корабля «Восток», а новый корабль «Союз», над которым работает Королев, в будущем году едва ли будет летать, хотя Сергей Павлович обещает, что технологический (беспилотный) «Союз» полетит в мае 1963 года.

Полеты космонавтов принесли нашей Родине небывалый триумф, а пуски на Марс и Венеру остались почти незамеченными, хотя каждый из них стоил значительно дороже пуска корабля с космонавтом. К тому же пуски на Марс и Венеру не имеют никакого военного значения. В этой обстановке было бы целесообразно все усилия сосредоточить на дальнейшем освоении полетов человеком, на создании орбитальных станций и освоении Луны. Я пробовал говорить на эту тему со Смирновым и Келдышем, оба они, как мне показалось, правильно мыслят, но их сковывает багаж ранее принятых планов и одобренных предложений. Они очень осторожно высказывают свои соображения, но я доволен уже тем, что Королев, Смирнов и Келдыш согласились на строительство еще нескольких кораблей типа «Восток». Главный противник этого дела — министр обороны маршал Р. Я. Малиновский, и переубедить его очень трудно.

Перед вылетом из Москвы я узнал, что маршал Гречко вернул наш заказ на «Востоки» с резолюцией: «Отложить». Малиновский и Гречко тормозят развитие космонавтики, и оба они уверены в своей правоте. Их высокие воинские звания и военная бюрократия мешают близкому общению с ними и лишают нас возможности воздействовать на при-

нимаемые ими решения. Руднев, Смирнов, Келдыш и Королев лучше понимают оборонное значение космоса, чем наши самые высокие военные руководители. Обидно за последних, но это факт. По возвращении в Москву нужно будет подготовить письмо Хрущеву за подписью космонавтов — может быть, этот шаг хоть немного расшевелит Генштаб и нашего министра.

30.08.62 г. Вся четверка героев космонавтов вчера посетила Сергея Павловича Королева. Он лежит в кремлевской больнице на улице Грановского. Состояние здоровья Сергея Павловича неважное: очень ослаблено сердце, до предела расшатаны нервы. Раньше чем через два месяца едва ли он сможет вернуться к работе.

Как рассказали ребята, Королев интересовался планами ВВС на заказы «Востоков» и проектами заданий на очередные космические полеты. Он рекомендовал принять «Востоки» на вооружение ВВС, заказать их целую серию и начать силами ВВС регулярные учебные

...Я И КОСМОНАВТЫ НЕ СМЕЛИ УБЕДИТЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА В НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ ПО ОСВОЕНИЮ КОСМОСА. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕМЬ ЛЕТ ЛИДИРОВАЛ В КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, НО В 1965 ГОДУ ВПЕРЕД РЕШИТЕЛЬНО ВЫПВАЛИЛИСЬ США...

4.10.65 г. На совещании по программе полетов на «Восходах» все основные предложения военных были очень вежливо, но решительно отвергнуты представителями ОКБ-1. Цыбин, под руководством которого проходило совещание, сказал, что для реализации заявок Министерства обороны нужно строить десятки кораблей, и предложил ограничиться обсуждением программы полетов на пятом, шестом и седьмом кораблях серии «Восход». На двух из них предлагается провести в основном эксперименты с системой искусственной тяжести и минимумом медико-биологических и военных исследований. С нашей, военной точки зрения, испытания системы искусственной тяжести не являются первоочередной задачей (ее можно было бы решать на два-три года позже), но корабли с этой системой почти на выходе и менять цель их полета уже нецелесообразно. Главная причина малого числа военных экспериментов в космических полетах заключается в том, что Малиновский запрещал и запрещает заказывать корабли для Министерства обороны: он ждет, что кто-то когда-то построит ему идеальный военный космический корабль и тогда он закажет серию из таких кораблей. Но Келдыш и Королев решают в первую очередь чисто научные и технические проблемы. АН СССР и ОКБ-1 не должны и не могут разрабатывать военную космическую программу — это дело Министерства обороны, в котором, к сожалению, до сих пор нет единого органа, предназначенного для решения этой большой и важной проблемы.

и исследовательские полеты в космос.

3.09.62 г. Звонил генерал А. Г. Карась, он передал, что вторая наша попытка запустить АМС на Венеру также закончилась неудачей. Первые три ступени ракеты, как и при пуске 25 августа, работали отлично и вывели четвертую ступень со станцией на орбиту вокруг Земли, но четвертая ступень снова не сработала — АМС просуществовала несколько дней как искусственный спутник.

Итак, две ракеты из трех, предназначенных для пуска на Венеру, не выполнили задания. Мало надежд на отличный результат и при третьем пуске. Я не хочу злорадствовать: неудача Родины — это и моя неудача. Но нельзя не видеть, что эти неудачи закономерны и что я был прав, когда предлагал не увлекаться Марсом и Венерой, а глубже осваивать то, что по плечу современному состоянию нашей космической техники. Путь к планетам лежит через Луну и орбитальные станции. Все попытки стартовать к планетам прямо с Земли в ближайшие 5—10 лет не принесут большого успеха, и даже в более отдаленном будущем этот успех проблематичен.

Американцы кричат сейчас на весь мир о неудачных запусках советских АМС на Венеру: «Наши радары в Турции засекли, как гигантская советская ракета развалилась в космосе на три части, обломки которых носятся теперь вокруг Земли». В этом сообщении есть доля правды: третья и четвертая ступени действительно при выходе на орбиту разделились. Правда и то, что четвертая ступень не могла послать АМС по направлению к Венере и она ходит по орбите вокруг Земли. В обоих этих случаях есть одна большая удача — вывод на орбиту спутника весом более семи тонн, но есть и две крупные неудачи — отказ в работе четвертой ступени и отказ средств связи. Наша излишняя засекреченность пусков сейчас бьет по нам. В обоих случаях можно было бы сообщить о выводе на орбиту семитонных спутников в экспериментальных целях.

Час назад у меня был Гагарин — к 16.00 его вместе с Вершининым вызывает маршал Гречко. Я советовал Гагарину рассказать маршалу о наших трудностях, напомнить о предложениях ВВС по заказам космических кораблей и военным исследованиям, а также о письме Малиновскому с просьбой «передать космонавтику» из ракетных войск в ВВС. Главком хотел взять с собой и меня, но Гречко распрощался иначе: «Я не знаю, какие вопросы будет поднимать Гагарин. Возможно, что присутствие Каманина будет его смущать. Пусть Каманин находится у телефона, если потребуется — вызовем».

Я не жду больших результатов от предстоящей беседы. И все же такие встречи пугны. Более того, в создавшейся обстановке необходимы встречи космонавтов с самыми высокими руководителями партии и правительства.

5.10.65 г. Сегодня узнал от Главкома о результатах вчерашней встречи с маршалом Гречко. Выслушав Гагарина, говорившего (как я смел и рекомендовал) главным образом о нашем отставании от США в военных исследованиях на пилотируемых космических кораблях, Гречко заявил: «Передача ракетным войскам заказов на строительство космических кораблей является ошибкой... Я все время считал, что ЦУКОС находится в ведении ВВС...»

Такая неосведомленность не делает чести маршалу Гречко — она лишний раз свидетельствует о крайне низком уровне руководства «военным космосом» со стороны министра обороны и его первого заместителя. Слабо проявляется в этом деле и роль Главкома Вершинина. Когда в прошлом году мы готовили проекты «объединения космоса» под эгидой ВВС, маршал Бирюзов неоднократно говорил нам, что наши предложения поддерживают Епифанев и Гречко и Главком знал об этом. Но он ни разу не переговорил с ними по данному вопросу и «сдался» при первом же окрике Малиновского.

И все же итоги вчерашней встречи об-

надеживаются: Гречко приказал заместителю начальника НТК Генштаба генералу Трусову подготовить в ноябре заседание Военно-научного совета для рассмотрения наших предложений. После ухода Гагарина беседа Вершинина с Гречко продолжалась еще около часа. Заместитель министра обещал внимательно разобраться в космических делах и поддержать позицию ВВС.

Вчера стартовала к Луне автоматическая станция «Луна-7». Пока полет проходит нормально, и если станция прилунится мягко, то это будет нашим большим успехом.

7.10.65 г. Позавчера в конце рабочего дня был в НТК Генерального штаба. В предварительном порядке обсуждались задачи заседания Военно-научного совета Министерства обороны. Маршал Гречко предложил заслушать краткие сообщения о ходе освоения космоса у нас и в США и о наших недостатках. Он просил также присутствующих высказаться по вопросу о том, где должен быть ЦУКОС — в ракетных войсках или в ВВС?

Генералы Трусов и Юрьев в ходе дискуссии пытались объяснить все наши трудности чисто техническими причинами, но я в своем выступлении сказал, что гвоздь проблемы в организации дела. Оставляя ли существующую дряблость и распыленность усилий по освоению космоса или сосредоточить эти усилия в единой организации? Так и только так ставится вопрос. К сожалению, обсуждение этого вопроса показало, что надеяться на поддержку НТК Генштаба у нас нет оснований...

Сегодня я рассказал маршалу Руденко о моем намерении попытаться с помощью космонавтов склонить к защите наших позиций Главкома ВМФ адмирала Горшкову, Главкома ПВО маршала авиации Судца, заместителя начальника Генштаба генерала армии Батицкого и даже Главкома ракетных войск маршала Крылова. Руденко одобрил мой план, но посоветовал обсудить его с Вершинным. Конечно, реализовывать этот план будет непросто, хотя идея его очень заманчива: космонавты должны авторитетно, со знанием дела и молодой энергией попросить «старых дядей» не мешать им осваивать космос.

8.10.65 г. Главком благословил меня на тщательную подготовку «битвы за объединение космоса». Правда, я не сказал ему (как и Руденко) о намерении, кроме «обработки» военных руководителей, обратиться и к Первому секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. Наверняка Вершинин и Руденко будут против обращения в ЦК, и я не хочу связывать себе руки предварительным разговором с ними по этому вопросу.

Очередная попытка мягкого прилунения окончилась неудачно — сегодня «Луна-7» шлепнулась на лунную поверхность. Если бы средства, затрачиваемые на запуск лунников, перекладывать на постройки обитаемых спутников, мы могли бы уже осуществить многосуточные полеты экипажей.

14.10.65 г. Передал Гагарину написанный мною проект письма к Брежневу. Гагарина несколько смущают резкие по форме выражения в адрес министра обороны Малиновского, но с содержанием письма в целом он полностью согласен. Договорились, что подготовку к встрече космонавтов с Главкомами видов Вооруженных Сил будут проводить Гагарин, Николаев, Комаров и Леонов.

1.11.65 г. День за днем, месяц за месяцем неумолимо приближалась старость — все чаще чувствуется груз прожитых лет. Но сдаваться рано: мне хочется быть активным организатором полетов людей на Луну. Вероятно, облет Луны состоится в 1967 году, а еще года через два-три земляне смогут и побывать на своем вечном спутнике. Я всегда верил, что первым человеком, ступившим на поверхность Луны, будет советский космонавт. Но теперь у меня нет былой уверенности. Американцы, развернувшие грандиозные силы для освоения космоса, кое в чем уже опережают нас. Мы выделяем на космос меньше средств и, главное, очень неразумно их используем.

О наших недостатках в подготовке космических полетов я и космонавты написали письмо на имя Первого секретаря ЦК КПСС:

«ЦК КПСС товарищу Брежневу Л. И.

Дорогой Леонид Ильич!

Мы обращаемся к Вам по вопросам, которые считаем очень важными для нашего государства и нас.

Всем хорошо известны успехи Советского Союза в освоении космоса, нет необходимости перечислять наши победы. Они есть, они останутся в истории и всегда будут гордостью нашего народа. Народ, партия и наши руководители всегда справедливо связывали успехи в космосе с успехами строительства социализма. «Социализм — лучшая стартовая площадка для полетов в космос». Эта крылатая фраза облетела весь мир. Эти слова с гордостью произносили советские люди, в них верили народы социалистических стран, сотни миллионов людей за рубежом по нашим космическим успехам познавали азбуку коммунизма. Так было.

Мы, космонавты, много раз выезжали за границу, мы тысячу раз были свидетелями того, как горячо многомиллионные массы людей различных стран приветствовали успехи Советского Союза в космосе.

Но за последний год положение изменилось. США не только догнали нас, но и в некоторых областях вышли вперед. Полеты космических аппаратов «Рейнджер-7», «Рейнджер-8», «Маринер-4», «Джемини-5» и некоторых других космических аппаратов являются серьезным достижением американских ученых.

Это отставание нашей Родины в освоении космоса особенно неприятно нам, космонавтам, но оно наносит также большой ущерб престижу Советского Союза и отрицательно скажется на оборонных усилиях стран социалистического лагеря.

Почему Советский Союз теряет ведущее положение в космических исследованиях? На этот вопрос чаще всего отвечают так: США развернули очень широкий фронт исследовательских работ в космосе, на космические исследования они выделяют колоссальные средства. (За пять лет они израсходовали более 20 миллиардов долларов и только за 1965 г. — семь миллиардов долларов.) Этот ответ в основном правильный. Хорошо известно, что США расходуют на космос много больше, чем СССР.

Но дело не только в средствах. Средства и Советский Союз на освоение космоса выделяет немало. Но у нас, к сожалению, много недостатков в планировании, организации и руководстве этими работами. О каком серьезном планировании космических исследований можно говорить, когда у нас нет никакого плана полетов космонавтов. Кончатся октябрь месяц, до конца 1965 года остается немного времени, а ни один человек в Советском Союзе не знает, будет ли в этом году очередной полет человека в космос, каково будет задание на полет, какова продолжительность полета. Такое же положение было и во всех предыдущих полетах кораблей-спутников «Восток» и «Восход», что создаст совершенно ненормальную обстановку в период подготовки космонавтов к полету, не позволяет заблаговременно в спокойной обстановке готовить экипажи к полету.

Мы знаем, что в стране есть планы создания космической техники, знаем решения ЦК КПСС и правительства с конкретными сроками изготовления космических кораблей. Но мы знаем также, что многие из этих решений не выполняются совсем, а большинство выполняется с большим опозданием по срокам.

Космические полеты людей становятся все более сложными и длительными. Для подготовки таких полетов нужно много времени, нужна специальная аппаратура, учебные корабли и тренажеры, которые сейчас создаются с большим запазданием кустарным способом. Короче говоря, нужен государственный план космических полетов людей, в котором планировались бы задачи полета, дата, состав экипажа, продолжительность полета, срок готовности корабля, тренажера и другие наиболее важные моменты подготовки полета.

До настоящего времени полеты пилотируемых кораблей проводились по плану Академии наук СССР, а непосредственное управление и техническое обеспечение организовывалось представителями промышленности и Министерством

обороны СССР. Военные вопросы в программе полета включались довольно относительно, что можно объяснить тем, что внутри Министерства обороны нет организации, которая занималась бы комплексными вопросами освоения космоса.

Космосом занимаются все: ракетные войска, ВВС, ПВО, ВМФ и другие организации. Такая раздробленность усилий и средств на освоение космоса мешает делу, много времени уходит на согласование планов и решений, на решения часто отражается ведомственный подход к делу.

Существующее положение с организацией космических исследований противоречит духу решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС и должно быть изменено.

В 1964 году начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Бирюзовым была создана специальная комиссия. Комиссия, обстоятельно изучив организацию работ по освоению космоса, пришла к выводу о необходимости объединения всех космических работ на базе Военно-Воздушных Сил. Это предложение поддержали Маршал Советского Союза Бирюзов С. С., генерал армии Епишев А. А. и Маршал Советского Союза за Гречко А. А. Но после трагической гибели Маршала Советского Союза Бирюзова эти разумные предложения отбросили и организовали ЦУКОС при ракетных войсках. Но создание этой организации ничего не изменило. Осталась ведомственность, раздробленность и несогласованность.

Командование ВВС и мы, космонавты, неоднократно обращались в Генеральный штаб, к министру обороны и в Военно-промышленную комиссию с конкретными предложениями по строительству и оборудованию космических кораблей, способных решать задачи боевого применения. Наши предложения, как правило, не поддерживались руководством ракетных войск. Мы получали резолюции: «Восток» военного значения не имеет, заказывать их нецелесообразно», «Заказывать «Восходы» не будем, нет средств».

В 1961 г. мы имели два «Востока». В 1962 г. мы имели два «Востока». В 1963 г. мы имели два «Востока». В 1964 г. мы имели один «Восход». В 1965 г. мы имели один «Восход».

(Американцы в 1965 г. запустили два корабля «Джемини» и предполагают запустить еще два до конца этого года.)

Почему для полетов космонавтов не строили корабли? Во всяком случае, не из-за недостатка средств. Это происходит потому, что руководители ракетных войск больше верят спутникам-автоматам и недооценивают роль человека в космических исследованиях. Стыдно признать, но это факт — в нашей стране, первой пославшей человека в космос, четыре года ведутся дискуссии на тему «Нужен ли человек на борту военного космического корабля?». В Америке этот вопрос твердо и окончательно решен в пользу человека, а у нас и сегодня многие ратуют за автоматы. Только этим можно объяснить, что у нас на 30—40 спутников-автоматов строится 1—2 обитаемых корабля. Многие спутники-автоматы стоят много дороже обитаемого корабля, многие из них не достигают цели!

«Востоки» и «Восходы» с человеком на борту полностью выполняли программу научных исследований и вместе с тем приносили для страны большой политический эффект.

Мы не собираемся умалять значение автоматических космических аппаратов. Но умаление ими по меньшей мере вредно. На «Востоках» и «Восходах» можно было бы провести большой комплекс очень нужных военных исследований и довести продолжительность полета до 10—12 суток. Но у нас нет кораблей, не на чем летать, не на чем выполнять программу космических исследований.

Кроме изложенного есть и другие недостатки в организации наших полетов, устранить которые своими силами мы не можем. У нас в стране нет единого штабного пункта управления космическими полетами. В процессе полета космический корабль не имеет связи с командным пунктом в промежуток времени от 6-го до 13-го витка каждого суток.

На полигоне не созданы условия для поддержания натренированности и хорошего отдыха космонавтов.

У нас есть еще другие вопросы, которые ждут своего решения. Многие вопросы можно было бы решить и без обращения в ЦК КПСС. Мы неоднократно обращались к министру обороны по этим вопросам. Нам известны обращения командования ВВС в Министерство обороны и правительство, но эти обращения в большинстве не достигали цели. Мы много раз встречались с министром обороны, но, к сожалению, это были недовольные встречи. И сегодня у нас нет уверенности, что поднимаемые нами вопросы могут быть решены в Министерстве обороны.

Дорогой Леонид Ильич! Мы знаем Вашу большую занятость и тем не менее просим Вас познакомиться с нашими космическими делами и нуждами.

Приближается 50-летие Великого Октября. Нам очень хотелось бы для этого великого праздника добиться новых больших побед в космосе.

Мы глубоко убеждены в том, что решение вопроса об объединении военного космоса на базе ВВС, продуманное планирование космических исследований и создание космических кораблей для решения задач боевого применения пилотируемых космических летательных аппаратов в значительной мере укрепят оборонную мощь нашей Родины.

Летчики-космонавты СССР: Ю. Гагарин, А. Леонов, П. Беллев, Г. Титов, А. Николаев, В. Быковский. 22 октября 1965 г.з.

Несколько дней назад Юрий Гагарин лично вручил наше послание одному из помощников Брежнева. Прошла неделя, но Леонид Ильич даже не ознакомился с содержанием письма. Он находит время заниматься делами Алжира, Замбии и другими «срочными» проблемами, но не может выкроить одного часа, чтобы поинтересоваться причинами нашего отставания в космосе. Надежды на маршала Гречко также минимальны: он не пойдя против позиции Малиновского. Наши «космические усилия» продолжают оставаться разрозненными, плохо управляемыми.

3.11.65 г. Спутник «Протон-2» успешно выведен вчера на орбиту ракетой-носителем УР-500. Эта ракета, созданная в ОКБ Челомея, уже вторично выводит в космос груз весом более 12 тонн. Американцы еще не могут запускать такие тяжелые спутники, а мы их запускаем, но с минимальным, по сути дела, практическим эффектом, поскольку у нас пока нет пилотируемого корабля подходящего веса. Это лишний раз свидетельствует о несовершенстве наших планов развития космонавтики: создали главный и самый дорогостоящий компонент космической системы — ракету грузоподъемностью 12 тонн — и «забыли» подготовить соответствующую ей полезную нагрузку. А ведь при четком планировании можно было бы уже иметь многосуточный космический корабль с продолжительностью полета до 30 суток, способный маневрировать на орбите.

15.11.65 г. В конце прошлой недели получил от Гречко документ, из которого следует, что письмо космонавтов наконец возымело действие — Брежнев переслал его Смирнову с резолюцией: «Космонавты поднимают очень важные вопросы. Разберитесь, подготовьте предложения для рассмотрения в ЦК КПСС». Письмо Смирнов оставил у себя, а перечень затронутых в нем вопросов послал министру Афanasьеву и маршалу Гречко с просьбой лично рассмотреть их в десятидневный срок и представить свои предложения. На этом документе Гречко написал: «Крылову, Захарову, Вершинину, Судцу, Горшкову. Ознакомиться, имея в виду рассмотрение этого вопроса на Военно-техническом совете МО».

Сегодня я вызвал к себе генерала Кузнецова и космонавтов Гагарина, Титова, Николаева, Комарова и Леонова (Гагарин не приехал — у него простуда). Больше двух часов мы вели разговор о предстоящих «боях за объединение космоса», наметили тезисы выступлений на ВТС МО Гагарина, Комарова и Титова. От меня космонавты поехали к маршалу Судцу, чтобы выяснить его позицию. Часа через два они возвратились и доложили, что первая «разведка боем» оказалась неудачной: Судец высказался за предоставление руководящей роли в

военных космических исследованиях командованию ПВО.

Итак, есть уже три претендента на руководство военной космонавтикой — ракетные войска, ВВС и ПВО. Я сознаю, что мы беремся за очень трудную задачу. У ВВС будет много противников, и мы можем и не добиться желаемой цели, но нелпохо уже и то, что по моей инициативе этот вопрос будет рассмотрен в МО, МОМ, Совете Министров и ЦК КПСС. Обсуждение письма космонавтов в высоких инстанциях может оказаться полезным для всех заинтересованных сторон в активизации их деятельности по освоению космоса.

16.11.65 г. Рассказал о вчерашней встрече космонавтов с маршалом Судцом Главкому Вершинину и Руденко, реакция обоих была одинаковой: «А чего ты хотел? Ведь это же Судец! Если бы космонавты предложили «объединить космос» на базе ПВО — вот тогда можно было бы ожидать, что он высказается против этого предложения...»

Сегодня Николаев, Титов и Леонов были у первого заместителя Главкома ВМФ адмирала Касатонова (Главком Горшков в отпуске). Моряки остаются верными своей позиции — они полностью поддерживают ВВС. Сегодня же космонавты собирались поехать к Епишеву, но оказалось, что он болен. К маршалу Крылову решили пока не ездить.

18.11.65 г. Вчера Николаев, Титов и Леонов были у маршала Москаленко. Маршал очень любезно побеседовал с ними и сказал, что он давно поддерживает идею о передаче военной космонавтики в ведение ВВС. Одновременно Москаленко высказал сомнение в том, что этот вопрос может решить Министерство обороны, и рекомендовал обратиться в ЦК к Устинову. Маршал, по видимому, не знает о письме космонавтов к Брежневу, а его рекомендация насчет обращения к Устинову совершенно несостоятельна: Устинов — старый друг ракетчиков и противник авиации, и обращаться к нему мы не будем.

На послезавтра назначено заседание Военно-технического совета Министерства обороны, на котором по поручению командования ВВС предстоит выступить генералу М. Н. Мишуку и мне. Я подготовил тезисы своего выступления на совете:

«Хорошо известно, что США тратят на космос баснословные средства — этот золотой дождь оказывает благотворное влияние на результаты проводимых ими космических исследований. Но главная причина нашего отставания не только и не столько в том, что Америка расходует на космос больше средств, чем мы. Главная причина нашего отставания — в плохой организации дела.

1. У нас плохое планирование. Осуществление длительных (до 30 суток) космических полетов — очень сложное дело. Их готовят десятки крупных организаций, а плана полетов нет. Когда состоится очередной пилотируемый полет? Этого не знает ни один человек в стране.

2. У нас нет пилотируемых космических кораблей. Начиная с 1961 года космонавты и командование ВВС десятки раз просили построить серию кораблей «Восток» для отработки длительных (до 15—20 суток) полетов и для проведения военных исследований. На наших ходатайствах писали резолюции: «Корабли типа «Восток» военного значения не имеют, заказывать их не будем». (Подобные резолюции писали царские генералы лет 60 тому назад на просьбах о постройке самолетов.) «Востоки» и «Восходы» могли бы дать нам возможность провести ряд ценных военных исследований, но эти корабли Министерство обороны не заказывало, ссылаясь на отсутствие средств. Но средства были, только расходовали их не на строительство обитаемых космических кораблей, а на создание автоматических устройств, запускавшихся к Луне, Марсу и Венере. На пуски этих автоматов израсходовано в десятки раз больше средств, чем на полеты «Востоков» и «Восходов», а полученные при этом результаты не идут ни в какое сравнение с итогами полетов космонавтов.

3. За последние пять лет в СССР не построено ни одного принципиально нового космического корабля. За эти годы лишь гагаринский «Восток» был превращен в «Восход» ценой резкого снижения надежности корабля. Ответственные товарищи из ракетных войск (Семенов, Мрыкин, Керимов) еще в 1961 году уверяли нас, что «Востоки» не нужно строить потому, что уже в 1962—1963 годах мы будем иметь космические корабли «Север» и «Союз». Этих кораблей у нас нет до сих пор, как нет теперь и «Востоков».

4. Почему мы не имеем корабля «Союз», обещанного нам еще в 1962 году? Главная причина — неверие в человека: считали, что стыковку космических кораблей можно доверить только автоматам. Три года труда ОКБ-1 пропали почти впустую, и только в 1965 году поняли, что главным звеном при осуществлении стыковки должен быть человек, а космонавт. (При разработке системы стыковки пренебрегли опытом, накопленным в авиации по дозаправке самолетов в воздухе.)

5. Почему на наших пилотируемых космических кораблях, по существу, не проводятся военные исследования? Во-первых, потому, что мало кораблей, а во-вторых, потому, что совершенно неправильно составляются программы полетов. В настоящее время «Восход-3» готовится в основном для эксперимента с «искусственной гравитацией», которая могла бы и подождать два-три года. В программе полета «Восхода-3» почти нет военных исследований — даже для такой важной аппаратуры, как «Сви́нец», места на борту корабля не нашлось.

6. Фото- и киноаппаратура, визиры и другое оборудование космических кораблей за пять лет не улучшены. По-прежнему отсутствует радиосвязь между командным пунктом и кораблем на 6—13-м суточных витках полета.

Все эти наши недостатки объясняются слабостью влияния Министерства обороны на науку и промышленность. В Межведомственном научно-техническом совете по космическим исследованиям при АН СССР, возглавляемом Келдышем, есть и представители Министерства обороны. Но этот Совет уже более двух лет не собирался, а военные молчаливо одобряют его бездельность.

Из шестнадцати членов Госкомиссии по пускам пилотируемых космических кораблей девять являются военными. Такой состав Госкомиссии мог бы обеспечить проведение линии Министерства обороны, но фактически среди военных

нет единого мнения даже по принципиальным вопросам, и нередко они выступают на противоположных позициях (Керимов, Мрыкин, Бульчев).

Для более успешного освоения космоса и выполнения экипажами космических кораблей военно-исследовательских работ необходимо объединить на базе ВВС подготовку и проведение пилотируемых космических полетов. Для решения этих задач ВВС имеют ЦПК, Центр по разработке космической техники, ЦНИИ-30, ГКНИИ, Институт авиационной и космической медицины, две академии и службу поиска».

22.11.65 г. В субботу 20 ноября был на заседании Военно-технического совета МО. Присутствовали Гречко, Захаров, Главкомы видов Вооруженных Сил, председатели соответствующих НТК и несколько генералов из Генштаба. Все докладчики и выступавшие, кроме генерала Мишука и меня, высказались против объединения и централизации руководства космонавтикой на базе ВВС. Космонавты не были приглашены на совещание, Гречко разрешил присутствовать только Гагарину, да и то «забыл» предоставить ему слово.

В своем выступлении я указал на причины отставания в освоении космоса, связанные с недооценкой значения пилотируемых полетов, — отсутствие перспективного плана полетов, недостаточное внимание к разработке новых космических кораблей и совершенствованию устанавливаемых на них систем связи, жизнеобеспечения и другого оборудования. Но меня не поддержал даже наш Главком, побоявшийся выступить против «стенки» ракетчиков и других представителей наземных войск. Маршал Гречко одобрил мнение большинства.

Итак, мы потерпели еще одно сокрушительное поражение. Но борьбу прекращать нельзя, хотя у нас и мало надежд на ЦК КПСС и Совет Обороны — туда уж тем более не пригласят космонавтов и задавать тон там будут Устинов, Смирнов, Малиновский, Гречко и другие «знатоки космоса» и «друзья авиации».

23.11.65 г. Космонавты Гагарин, Беляев и Леонов возмущены итогами совещания у маршала Гречко и намеревались добиваться личной встречи с Брежневым. Я рекомендовал им не горячиться: прежде чем бросаться в очередную атаку, надо еще многое обдумать и наметить четкий путь к достижению наших целей. Пока мы всецело зависим от ракетчиков с их неповоротливыми спутниками. А может, решение проблемы

следует искать в создании орбитальных, воздушно-космических самолетов и самолетов-разгонщиков? Такой путь хотя и представляется долгим, но он вполне реален, и именно в нем я вижу будущее практической космонавтики.

20.12.65 г. «Джемини-6», а затем и «Джемини-7» благополучно приводинились в Атлантический океане. США в 1965 году выполнили в космосе все, что планировали, и даже больше. Мы за этот год произвели в полтора раза больше пусков, чем за предшествующий, но по обитаемым кораблям мы безбоянно отстали — в нашем распоряжении был всего один корабль «Восход-2». Нескольким решениям Совета Министров и заверения С. П. Королева о постройке трех «Восходов» и нескольких «Союзов» остались на бумаге: кораблей у нас пока нет. Последнее решение ВПК обязывает Королева обеспечить полет двух «Восходов» и двух «Союзов» до XXIII съезда КПСС.

31.12.65 г. Кончается 1965 год. Лично для меня он был хорошим годом — родился внук, в моей семье все здорово, я много и с интересом работал. Но результатами работы я неудовлетворен. Я и космонавты не сумели убедить министра обороны и руководителей государства в необходимости пересмотра организации работ по освоению космоса. Советский Союз семь лет лидировал в космических исследованиях, но в 1965 году вперед решительно вырвались США, и они, конечно же, будут делать все возможное, чтобы укрепить свое лидерство.

В наступающем, 1966 году нам предстоит большая работа: планируется выполнить пять-шесть полетов космонавтов, должна быть осуществлена стыковка кораблей на орбите, пройдут испытания самой мощной нашей ракеты Н-1. Этот год будет решающим для подготовки облета Луны и высадки экипажа на ее поверхность. У нас еще есть все возможности первыми облететь Луну в 1967 году, а в 1968—1969 годах высадить на Луну человека. Но сейчас у меня нет уверенности, что мы выполним свои планы, — много времени мы теряем впустую.

Публикация
Льва КАМАНИНА

Фото из семейного архива

Космическая свадьба
(Валентина Терешкова, Андриан Николаев, Р. Я. Малиновский с женой, С. П. Королёв)

Автор публикации Юрий ДРУЖНИКОВ родился в Москве в 1933 году, окончил историко-филологический факультет педагогического института. В 1977 году возбудил ходатайство об эмиграции, однако разрешение получил только спустя десять лет. В настоящее время живет в США (Техас).

Все должны были его любить. Многие любили — кто теперь проведет грань? Некоторые уважают по сей час. Но речь дальше не о любви, как полагал проникательный читатель. И не о поэзии (профессор Колгейтского университета Ричард Сильвестр уже занимался интереснейшим исследованием о Сталине как герое советской поэзии). Вопросы вполне прозаические: почему герои поэм шли именно в Кремль? Где на самом деле жил Сталин? Откуда управлялась страна?

Как и все советские люди, он был где-то прописан. Не на небе. Местом тем был действительно Кремль. Взоры прогрессивного человечества были устремлены по месту его прописки, а он, подобно многим другим советским людям, жил в другом месте неписанным. Теперь все знают где. При его жизни это была стратегическая тайна, которую хранило (не считая спецслужб) весьма ограниченное число лиц.

Большинство тех, с кем он встречался по делам или без, привозили в Кремль, где он после переезда продолжал иногда бывать. Туда, где он жил, нужных лиц доставляли в машинах с занавешенными окнами. Сопровождающие говорили: «Везем в Кремль». Такая серьезная игра. Настолько серьезная, что и много лет спустя даже для авторитетных авторов источником информации служил официальный миф. Скрупулезно точный Роберт Конквист в книге «Большой террор» (издание 1969 г.) констатирует, что Сталин жил в скромной квартирке в Кремле.

Надо определенно уточнить, что Иосиф Виссарионович выехал из Кремля в московский пригород в 1934 году. Квартира его в Кремле оставалась. Всегда ожидал покушения, он до последнего момента не говорил даже начальнику охраны генералу Власику, что поедет домой. Но почти всегда уезжал в Кунцево. Потом настал период, когда он вообще перестал выезжать, а затем, подобно многим старикам, перестал и выходить из этого дома. Даже советоваться с делушкой Лениным в Мавзоле перестал.

В телефонных переговорах, которые могли поделушать враги народа, на жаргоне охраны, приближенных и его самого Кунцевская дача называлась «Ближняя» в отличие от других, дальних его дач. Я узнал о кунцевском доме, попав в гости к Сталину. Правда, сам хозяин за полгода до этого умер. Очутился я там в конце 1953 года. Потрясение, несмотря на легкомыслие молодости, оказалось настолько сильным, что детали впечатались в память навсегда.

Дом этот позднее был описан в книге Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу» (Лондон, 1967, в основном страницы 17—23). Далее мне придется не раз сравнивать то, что, конечно же, автор писем к другу знает лучше, с тем, что я, однако же, видел собственными глазами. Светлана Иосифовна была последний раз в кунцевском доме в день смерти Сталина, а я — после.

Разночтения представляются важными, любопытными. Они имеют свои причины.

Был я студентом третьего курса пединститута в Москве, на Пироговке. Сейчас в Америке и на других материках немало выпускников нашего института — хоть организуй вечер встречи. Ответственную за культурно-массовые мероприятия в группе звали Нина Иванова. Тоненькая белокурая девочка, она оперативнее других вышла замуж, само собой, за нашего однокурсника. Оказалась она жесткой, со вздорным характером, избалованной. С мужем ссорилась на лекциях, делая аудиторию соучастницей семейной ссоры. Казалось, лекция по зарубежной литературе эпохи Возрождения читается на коммунальной кухне.

Всегда голодные, мы глотали слюны, когда в перерыве она вытаскивала из маленького зеленого чемоданчика бутерброд с красной или белой рыбой, какой-нибудь фрукт зимой. Восемь лет прошло после войны, но многие в группе с начала войны ни разу сытно не поели. Зато общественная деятельность Нины заслуживала уважения. Она пеклась о коллективных походах в кино и музей, о кассе взаимопомощи, в которой иногда удавалось взять займы рубль, если вернул предыдущий долг.

В конце ноября Иванова подошла ко мне между лекциями и шепотом спросила:

— Хочешь попасть в список желающих посетить дом Сталина?

Я выпучил глаза.

— Скорей всего, не получится, — поспешно прибавила она, — но шанс есть. Никаких вопросов! Молчи как рыба и всегда носи с собой паспорт.

Оставалось догадываться в чем дело: отец Ивановой был начальником хозяйственного управления Кремля.

Боюсь перенести сегодняшний цинизм на ощущения того времени и исказить картину. Ни намека на злоупотребления Сталина сказано не было. Многие воспринималось в лоб. Бог стал-полубогом. Но посещение дома, где полубог жил, казалось ирреальным. Тем не менее через пару дней культорг Иванова сообщила, опять по секрету, что путевка оформлена и нас повезут в «только что открытый закрытый музей». Терминология не вызвала недоумения, суть тоже. Естественно, после смерти Сталина открывались музеи. Есть же музеи других великих людей. Объявить нельзя: толпа начнет давить, как на похоронах. И требование естественное: «Паспорта! Главное, чтобы у всех были с собой паспорта!» Кругом враги.

Падал пушистый снег. Разбрасывая снежное месиво, к скверу возле института подкатил небольшой автобус — белый верх, голубой низ, — обляпанный

грязью. Шофер проверил путевку и пересчитал пальцем севших. Нас двенадцать. Окна закрыты занавесками, но не сплошными. Проехали Киевский вокзал, оказались на Минском шоссе. С него свернули влево за Поклонную гору. Сразу попали в густой лес. Снег перестал идти.

Вдруг дорога и снег вокруг стали чистыми, поновому обвисли от тяжести лапы елок. Ни жилья, ни людей, если не считать милиционеров, прогуливавшихся вдоль обочины. Везли недолго. Никто не шутил, не смеялся. Молчали торжественно, будто на похоронах.

Автобус свернул, и пасмурный день озарился светом прожекторов. Шофер затормозил. Когда глаза привыкли, стало видно, что нас окружают военные в форме ГБ. Не выясняли, кто мы и что, знали. Просто стали пересчитывать. Потом открылись ворота. Автобус въехал и снова замер.

Позади забор высотой метров пять, темно-зеленый. Внутри, на некотором расстоянии от него, еще заграждение — из колючей проволоки. Вдоль забора — узкая асфальтовая дорожка, освещаемая фонарями под черными абажурами. Сейчас бы сказал — лагерная зона.

Снова несколько человек в форме вокруг автобуса. Двое влезли в проход и берут паспорта, глядя каждому в лицо и сверяя со списком. Заглядывают под сиденья, что приводит в смущение прекрасную часть группы, стискивающую колени. Проверяющие уходят в служебное помещение, а в автобус влезает двое молодых людей в штатском и с равнодушным видом садятся на заднее сиденье. Стоим, молчим, ждем.

Через некоторое время по ступенькам взбирается женщина средних лет, я бы сказал, строго-красивая. Здоровается, предупреждает:

— Нельзя отставать ни на шаг, нельзя фотографировать, нельзя записывать. При выходе из автобуса нельзя брать с собой никаких сумок, свертков или книг. Нельзя курить. Мужчины должны оставить шапки на сиденье.

Она делает паузу, кивает шоферу, чтобы трогался. Гебисты расступаются. Стоя на ступеньке, вполоборота к нам, женщина меняет интонацию на вполне экскурсоводскую.

— Вы находитесь на территории, где расположен дом, в котором жил, работал и умер гениальный вождь прогрессивного человечества Иосиф Виссарионович Сталин. Когда товарищ Сталин выбрал участок в Кунцеве, здесь был пустырь, голое место. Лес, по которому мы едем, посажен искусственно, по указанию товарища Сталина.

Заявление это казалось неправдоподобным: автобус двигался минут десять (а может, показалось, что так долго) по чистой узкой асфальтовой дороге, на которой нельзя разехаться, по большому, настоящему

лесу. Вековые сосны и ели росли то густо, то реже, но вплотную к автобусу с обеих сторон.

— Кроме того, — продолжала экскурсовод, — здесь искусственно прорыты овраги, насыпаны холмы, и все это по личному указанию товарища Сталина, который очень любил природу. Видите, в лесу дорожки? Когда шел снег, их протоптывали, чтобы он мог гулять в лесу.

Днем шел снег, и в лесу действительно были протоптаны дорожки. Для кого? Ведь любитель лесных прогулок умер прошедшей весной... Может, просто забыли отменить приказ протоптывать? Изредка в лесу видны фонари и торчащие трубы с кранами для полива.

Незаметно на нас выплыло двухэтажное здание, окрашенное в зеленый цвет, с застекленной террасой и обычным парадным входом, возле которого автобус встал. Нам предлагают вылезти и стоять на месте, не двигаться. Нас пересчитывают. Автобус отъезжает. Наступает мертвая тишина. Дом, как явствует из объяснений экскурсовода, спроектирован архитектором Мироном Мержановым по личным указаниям Сталина и построен в 1933—1934 годах. Здесь нужен комментарий.

Мержанов строил и другие дачи генсеку на Кавказе и в Крыму. К мысли о выезде из Кремля Сталина, по свидетельству дочери, подтолкнуло самодушество жены 8 ноября 1932 года. Но, думается, другим, более практическим соображением было желание отделиться от остальных партийных лидеров. Все они жили в Кремле. Ему хотелось иметь свой особый «кремль».

Дорожки тщательно расчищены, лишний снег вывезен. Справа от входа укрывающая небольшая дверка. Товарищ Сталин не любил парадного входа, объясняет экскурсовод. Машина подходила вплотную к этой двери, и он исчезал в ней. Что это было, думаю я теперь: скромность, революционная привычка к конспирации или чувство постоянной опасности? А может, свойство характера?

Глядя вверх, на второй этаж. Сперва второго этажа у дома не было. На крыше размещался соларий. Но владелец дома больше любил лесную прохладу. Второй этаж был пристроен в 1948 году, вспоминает автор книги «Двадцать писем к другу». Стояла надстройка без дела, если не считать одного приема китайской делегации. Нам экскурсовод объяснила иначе:

— Надстройку (видите, она меньше первого этажа — дом на доме) приказано было быстро сделать во время войны. Тут «жили представители генерального штаба». Там, в небольшом помещении, днем и ночью решались судьбы страны да и всей Европы.

Нас ведут вокруг дома. Едва начинает смеркаться. Вдоль застекленной террасы, укрытые от мороза рогожами, выстроились кусты, припорошенные снегом. Чуть далее — вишневые деревья, наверху, красивые, когда в цвету. Из пояснений явствует, что под рогожами — розы. Садовники сажали и ухаживали за ними по указаниям и под наблюдением хозяина дома. Сам он не любил работать в саду. Но иногда брал ножницы и срезал сухие ветки.

С противоположной стороны дома открывается вид на березовую рощу, посаженную искусственно. Там беседки. В них шезлонги, столы, кресла. Старик гулял от одной беседки до другой. Туда ему приносили чай.

— Еще до начала строительства дома, — говорит экскурсовод, — сюда начали перевозить двадцати- и тридцатилетние деревья из Московской и Смоленской областей. Именно тогда у товарища Сталина зародился великий план преобразования природы нашей родины.

От березовой рощи дом отделяет ложбина, похожая на широкий ров с текущим внизу ручьем. Через ров переброшен мост с толстыми перилами. Много лет спустя я узнал, что средневековая идея возродилась в мозгу человека XX века. Холм, на котором поставили дачу, окапали гигантским ровом, перебросив через него два моста. Рвы заполнили водой, поступающей из реки Сетуни, тщательно охранявшейся от истока до Кунцева.

По мосту, миновав березовую рощу, выходим к оранжевым. Яркие сияют стеклянные стены и крыши. Внутри на ветках грозди винограда. Виноград выращивался по личным указаниям, вино делалось по рекомендациям хозяина. И в этой области он был специалистом.

— Садовники высокой квалификации работают тут над осуществлением агрономических идей Мичурина и Лысенко, одобренных товарищем Сталиным, — просто объясняет экскурсовод.

Без сомнения, они были не только высокой квалификации, но и определенных чинов. Кто еще мог тут находиться постоянно, внутри двух колец охраны — грузинской и русской, не говоривших на общем языке? Кому еще доверяли бы выращивать для него овощи и фрукты? Ведь экскурсовод пояснила, что Сталин любил питаться свежими овощами со своего огорода и давал указания, как их правильно выращивать.

Время от времени наша группа останавливается. Снег перестает похрустывать под ногами, экскурсовод умолкает, и наступает тишина. Она давит на уши. А может, это просто кажется от нервного напряжения. Все-таки 1953-й.

Другой, то есть заборный, мир здесь отсутствует. Живая природа, созданная искусственно, красива, но остается муляжом. Жизнь здесь остановилась в марте. Время умерло вместе с хозяином усадьбы. Ни птицы, ни белки на деревьях. Необитаемый остров. Ни войти, ни выйти без сопровождающих, которые у тебя за спиной. Ощущение жителя чужой планеты, хотя где-то недалеко Москва.

Внезапно, возвращаясь лесной дорожкой к дому, обнаруживаем, что мы не одни. Навстречу движется

группа, которая уже вышла из «музея». Впереди женщина-экскурсовод — полный двойник нашей. Позади двое — близнецы-братья. Между ними группа писателей. Узнаю Алексея Суркова, Бубеннова, Ажаева, сестру Владимира Маяковского.

Смеркается. Загорелись фонари. Лес оказывается освещенным. Едва мы приближаемся к дому, человек в форме ГБ открывает парадную дверь. Экскурсовод входит первой, последними двое в штатском. Здесь тепло.

— Снимайте пальто, вешайте на вешалку. На обувь привязывайте тапочки...

Обыкновенные музейные тапочки с веревками. Будь это сегодня, кто-то обязательно спросил бы, носил ли такие тапочки сам. Тогда в прихожей тишина нарушалась лишь шуршанием одежды. Ощущение мавзолея.

Без пальто и в тапочках я оглядываюсь. Налево, прямо и направо двери в комнаты. Между дверями лифт. Рядом ванная и уборная. На панели лифта четыре кнопки. Значит, еще один этаж вверх и два этажа вниз.

— Вверх, — произносит экскурсовод, — кинозал. Про «визу» не упоминает. Никто, разумеется, не спрашивает. Нет упоминания о бункере, в котором Сталин провел опасные месяцы войны, и в книге «Двадцать писем к другу».

Нас вводят в комнату метров двадцати, почти без мебели, если не считать большого овального стола посередине и дивана.

— На столе вы видите газеты за первые дни марта. Сюда приносили по утрам почту, и он сам просматривал. Вы видите письма трудящихся о беззаветной любви к нему. Эти газеты и письма товарищ Сталин прочитал не успев...

Ну, разумеется, письма о любви. Письма с мольбами и горем текли по другой реке. Лишь чистый ручеек отзывался в эту обитель.

Возвращаемся в коридор и проходим в столовую. Обыкновенная квартира. В Москве в те времена были лучше, красивее, дороже — у академиков, народных артистов, лауреатов Сталинских премий. Сам раздатчик премий жил скромнее их. Тут сервант светлого дерева, недорогой. В нем посуда. Посередине, под матерчатых с кистями оранжевым абажуром, стол. Диван с круглыми валиками и высокой спинкой. Остатки моды тридцатых годов. На столе ваза с яблоками. На серванте открытая бутылка «Боржоми», стакан. Холодильник — не очень большой, склонен считать, один из первых советских. Невысокий книжный шкаф. За стеклянными дверцами сочинения — конечно, Маркс и Энгельс, Ленин. Для примера открыты книги: в них ученические подчеркивания заученных всеми со школы цитат.

— Здесь он обедал, — поясняет экскурсовод (как выяснится позже, на самом деле чаще всего не здесь).

Кухня не в доме. Еще выходя из березовой рощи, экскурсовод обратила внимание на длинный крытый переход, соединяющий дом с флигелем. Там были кухня и столовая для челяди: шоферов, охраны, официантов, садовников, поваров, генералов охраны, коммандантов имения. Хозяин не переносил кухонных запахов, объяснили нам тогда. Напоминали они ему о детстве, которое он не любил вспоминать? Или это было сделано для отдаления прислуги?

— В доме было заведено, что подавальщица, которая приносила еду, сперва пробовала каждое блюдо...

Экскурсовод вдруг выговаривает это, оставив без объяснения, и сразу ведет из гостиной налево, в зал, который никак не вяжется с небольшой квартирой. Скромность хозяина несколько гипертрофируется. Зал длиной метров тридцать. Овальный противоположный конец, как в дворняжках особняках позапрошлого века. Много одинаковых окон, плотно задрапированных тяжелыми белыми гардинами, такими же, как во всех важных учреждениях центра Москвы.

Нижняя часть стен, метра на полтора от пола, коричневая, отделанная карельской березой, что выглядит довольно казенно. Под окнами — батареи электрического отопления, укрытые решетками из такой же березы. В промежутках между окнами висят портреты. Это члены Политбюро: Маленков, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов, Молотов, Хрущев...

Посреди зала, на всю его длину, стол. Плоскость покрыта темно-зеленым бильярдным сукном. Вокруг спинки жестких кресел из светлого дерева. Вдоль стен кресла, диваны. На полу колысальный ковер на весь зал — кажется, единственная действительно дорогая здесь вещь.

— Мы с вами находимся в помещении, где проходили заседания Политбюро, — торжественно произносит экскурсовод. — Товарищ Сталин любил, чтобы каждый из присутствующих сидел за столом точно под своим портретом.

Ничто не смутило нас, двадцатилетних, тогда. Теперь читаю старую свою записку и оставаюсь без глаз. Что за домашние сборища лидеров? Они кто, подпольщики? Или генсеку лишь было ехать на службу? А этот «подпортретный» ритуал?

В отличие от последующих поколений Политбюро тогда мы знали их не только поименно, но и в лицо. Сталин при жизни Берие не отдалил. Портрета Берия не было. Значит, убрали — единственное, что я тогда сообразил.

Экскурсовод опустила руку на спинку отодвинутого жесткого кресла с подлокотниками. Место это сбоку, возле угла, не во главе стола. На зеленом сукне лежат аккуратно заточенные, непользованные простыми и цветными карандашами, пачка листов чистой бумаги. Подле пепельницы покоится трубка. Известно, что он перестал курить за несколько месяцев до смерти. Но трубка лежит.

— Товарищ Сталин любил сидеть за этим столом один и работать.

Чуть левее книга — не трудно узнать том из Собрания сочинений Ленина. На странице отчеркнуто красным карандашом несколько строк и что-то мелко написано поперек поля. Экскурсовод прочитала надпись. Какою-то многозначительной банальностью.

Позади стула у стены буфет, в котором он хранил свои бумаги, конверты с зарплатой (которую не расходовал) и лекарства, кои принимал по своему усмотрению. Например, капал в воду йод и выпивал. Врачи не могли его лечить не только потому, что их пересажали, но и потому, что указания, как во всех других областях, мог давать медицине он, а не врачам ему.

На стене китайская вышивка — большой яркий тигр, да еще копейные репродукции: портреты Горького и Шолохова, картина Репина «Запорожцы пишут письмо султану». Рядом несколько крупных фотографий детей. Экскурсовод комментирует:

— Товарищу Сталину понравились эти фотографии советских детей в «Огоньке», и он попросил увеличить их.

Читаю у г-жи Аллилуевой, что из восьми собственных внуков пятерых он не пожелал даже увидеть. Я не в состоянии объяснить себе, как сопоставить оба эти факта.

Рядом с отодвинутым его креслом у стены небольшой стол. На нем два телефона — белый и черный. Один обычный, другой «вертушка». Два стула. Тот, что пониже, — с короткими ножками.

— Товарищ Сталин был невысокого роста, — разгласила государственную тайну экскурсовод. — Когда он говорил по телефону, ему было неудобно сидеть, и он приказал плотнику подпилить ножки стула. На большом стуле сидела секретарша.

Вот так, невзначай, открывается вчерашняя истина. Обыкновенный стул, у которого простой советский крепостной мужик подпилит по приказу помещика ножки. Этот кургузый стул-уродец, стул-коротышка, стул-карлик, сделанный нормально, а затем изуродованный, и был тронном державы. Местом, откуда она управлялась посредством двух телефонов — черного и белого. По второстепенным вопросам звонил черный телефон, по важным — белый, только и всего. Или не звонил, когда хозяин дремал. Веками столицами России значились Петербург и Москва. Советская истина в том, что секретной столицей СССР с 34-го по 53-й год был город Кунцево Московской области. Западных кремленологов правильнее было называть кунценологами. Если б знали тогда сей факт.

«В этой комнате прошли все последние годы, почти двадцать лет», — отмечает в письмах Аллилуева, добавляя, что рядом с большим залом был малый. Нам его не показали. О веселых ночных застольях за этим гигантским столом, которые восточный человек уважал, когда был моложе, тогда не было сказано ни слова.

— Иосиф Виссарионович любил народные песни, — сказала экскурсовод, — русские, грузинские и песни других народов. Вы видите радиолу и большую коллекцию грампластинок.

От стола заседаний Политбюро нас сразу провели в дверь рядом с рабочим местом. Спальня. Маленькая квадратная комната, пара окон, тусклый свет. Слева по-старинному высокая и довольно широкая кровать (в России она называется «полторной», в Америке «квинсайз») с деревянными спинками, аккуратно застеленная покрывалом. Подушки тщательно взбиты, одна на другой, покрыты накидкой. Напротив кровати платяной шкаф. Створки обычные, даже не резные. Дверцы открыты. Внутри две трети под вешалки, треть — полки для белья.

На вешалках в шкафу как мрамор: френч и шинель с погонами генералиссимуса, брioni с широченной красной полосой — атрибуты генерального полковника, знакомые целому поколению. Дизайнеры проектировали уникальный костюм для одного человека. Лучшие анонимные портные меряли его перекошенную физическим уродством фигуру, чтобы скрыть изъяны. Мастерицы-золотошвейки плели узоры. Но — один френч. А мог бы иметь форму на целую роту генералиссимусов.

Рука потянулась, но прикоснуться я не решился. Вещи ношенные, не раз чиненные. Рядом два обычных темных мужских костюма, в которых мы его никогда не видели ни на фото, ни в кино. Носил дома один? Принимал гостей? Или держал про запас для срочного отъезда в Вену или Цюрих?

На полках аккуратно положены стопочками нижние рубашки, кальсоны, свертнутые в шарик черные, многократно стиранные носки. Внизу две пары черных ботинок, чиненных гуталином и тоже, замечено, поистертых. А рядом, у той же стены, еще книжный шкаф. Опять книги Ленина и советских писателей.

За несколько лет до той экскурсии мой школьный учитель истории Петр Васильевич Гора, большой знаток марксистской диалектики, которую он вдалбливал нам по «Краткому курсу ВКП(б)», неспешно ставя двойки, не раз повторял, что Сталин ежедневно читает по пятьсот страниц. Откуда учитель взял эту цифру? Когда же гению, читая по пятьсот страниц в день, обдумать прочитанное? С недоумением вспоминаю убогую библиотеку, уместившуюся в паре небольших шкафов, я размышляю о вкусах этого бистрочитателя и о литературе, одаренной его премиями в соответствии с его вкусом.

Мы между кроватью и шкафами. За окнами уже тьма. Здесь, в спальне, такие же белые учредительские шторы. Перед ними черный рояль. Для чего и когда появился рояль в доме? Светлана Аллилуева вспоми-

нает о роляе, добавив, что не знает его происхождения. Она обратила внимание на перемещение роляя из большого зала в спальню, где Сталин на самом деле не спал. Сопровождающая нас женщина тогда говорила так:

— Крышка открыта, будто кто-то только что играл... Нет, товарищ Сталин сам не играл на роляе. Этот роля принадлежал товарищу Жданову. Товарищ Сталин очень любил товарища Жданова и любил, когда тот играл. Когда Жданов умер, Иосиф Виссарионович приказал этот роля привезти. На этом роляе играли те, кто бывал в гостях.

— Здесь? — вырвалось у кого-то.

— Нет, не здесь. Роля переносили в зал.

Роля принадлежал покойному сверку Светланы Иосифовны. Между тем экскурсовод открыла дверь, которую мы не заметили. Это был еще один выход — из спальни на застекленную террасу. Плетеная дачная машина, кадки с землей для цветов, но без цветов. На террасе стоял холод. Мороз зарисовал стекла узорами.

— Последние месяцы, когда он уже не мог гулять, он любил сидеть на этой террасе, — сказала экскурсовод. — В ту последнюю зиму, несмотря на морозы, он любил подолгу сидеть здесь в тулупе, шапке-ушанке и валенках.

Продолжение, возвращаемся в спальню, оттуда в зал. Теперь зажгли для нас свет в левой, если идти из спальни, части помещения. Здесь, на светлом лакированном паркете, стоят несколько калушек с пальмами и наискосок, не увязываясь с залом для заседаний, выдвинулся вполне домашний диван с круглыми валиками и нелепо высокой изогнутой спинкой, заканчивающейся полочкой для статуэток. Диван как диван. Такой же стоял и у нас в комнате до войны. Очень неудобно было на нем сидеть. Голос экскурсовода звенит и падает:

— На этом диване вождь советского народа товарищ Сталин лежал больной и скончался...

Неожиданное слово повисло в тишине. Из глаз ее выступили самые настоящие слезы. Заплакала Нина Иванова, за ней кто-то еще из девочек. Наконец экскурсовод справилась с собой и продолжила спокойно:

— Справа вы видите алые подушечки с орденами и медалями, которыми его наградили партия и правительство.

Она аккуратно и долго перечисляет, каким орденом, за что, когда. Наши глаза бегут за ее указательным пальцем. Вдоль стены, прикрывая камин, веники из бумажных цветов с железными зелеными листьями: от ЦК, от Совмина, от Союза писателей и прочих организаций; будто его еще только будут хоронить. Но студенты уже бродят по его апартаментам, заглядывая в шкафы. Значит, он все-таки умер. А если умер, для чего такая тщательная охрана? Почему нас стерегут, чтобы никто ни на шаг не отстал? И сейчас помню это чувство, тогда у меня возникшее. Чувство западни. Привезти-то привезли. А вот выйдем ли отсюда? Нас провожают в прихожую и велют одеться.

— А где кабинет? — робко спрашивает кто-то.

Ответа не поступает. После я прочитал у Аллилуевой, что кабинет был запрограммирован архитектором. Но дом много раз перестраивался по приказам хозяина, и кабинет за ненадобностью исчез.

Для нас открыта дверь. Выбираемся на воздух. Он промозглый и сырой. Автобус отворяет дверцу. Кино прокручивается в обратном порядке: лесная дорога в спящем свете прожекторов, проходная. Осмотр, проверка документов по списку. А он тоже подвезжал и спелил? Или для него прожекторы выключали? Наконец выезжаем на шоссе. Через полчаса нас выпускают у станции метро «Киевская». На душе пустота и странное чувство освобождения.

Дочь Сталина называет кунцевский дом мрачным и пустым. Это субъективное ощущение. Мне он таковым не показался. Светлый, просторный, а при том нашем коммунальном уровне жизни — просто роскошный. Вокруг сказочная природа. В чем же неуязвимость в душе? Поняне не могу объяснить собственное ощущение. Попробую сформулировать так: шел в театр на Шекспира, а увидел Софронию.

Нынче, после воспоминаний Хрущева и Аллилуевой, после исследования серьезных историков, мы знаем больше подробностей о состоянии его здоровья, о том, как он умер. У него было высокое кровяное давление, и некому было его лечить. Незадолго до смерти он парился в бане, что не пошло ему на пользу. В конце склероз сосудов, инсульт с параличом половины тела и потерей речи. Нашли его на ковре в другой комнате и перенесли в большой зал, как сообщили вызванной к отцу дочери. Не смею спорить. Любопытно лишь, что экскурсовод сказала:

— Его нашли на ковре в этом зале, возле этого дивана. Подняли и положили на диван.

Перелистывая литературу, вижу множество различий, касающихся дома в Кунцеве. Необходимы точные детали его жизни и для историков, и для писателей. Мы все собираем детали — с миру по нитке.

Каков на самом деле был этот человек наедине с собой? Его вкусы, привычки, любимые занятия, его ум, мораль, культура, отраженные в быту по принципу «стиль — это человек»? Описывая этот визит, я стараюсь отделить то, что видел собственными глазами, от слышанного и прочитанного. Вечерние впечатления записаны в моем дневнике зимой, в начале 1954-го. Теперь необходимо кое-что прибавить.

«Формула «Сталин в Кремле» выдумана неизвестно кем», — пишет г-жа Аллилуева. Известно кем, осмелюсь я не согласиться. Конечно, им самим. Это была неотъемлемая часть большого государственного мифа. Попробуйте заменить на формулу «Сталин в Кунце-

ве» — и мифа нет. Главным мифодержателем умер. Но мифодержавие осталось. (Прошу прощения за слова собственного изобретения, но нет подходящей замены самодержавию и самодержавию.) Возникла идея музея.

Дочь была в этом доме в декабре 1952 года на дне рождения отца. Затем ее вызвали за несколько часов до его смерти. Светлана Иосифовна вспоминает важную подробность. «Готовились открыть здесь музей наподобие Ленинских Гор. Но затем последовал XX съезд партии, после которого, конечно, идея музея не могла прийти кому-либо в голову». Я побывал в музее (и не я один) более чем за два года до указанного съезда. Но в промежутке между смертью Сталина и открытием музея произошло следующее.

На второй день, вспоминает Аллилуева, Берия приказал всем покинуть территорию. Сразу начали грузить и вывозить мебель и вещи на склады МГБ. Может, Берия, спрошу я, вознамерился переехать в особняк из своего дома на углу Садовой-Кудринской и Качалова, неподалеку от Музея Чехова? Прислуге, прожившей здесь двадцать лет, откуда было деваться. Двое застрелились. После отстранения Берии все стали заводить обратно, восстанавливать, как было. Пригласили назад бывших командантов, прислугу. Не ошибусь, если скажу, что это происходило во второй половине лета и осенью 53-го.

В конце шестидесятых я познакомился с женщиной, музейным работником. Она рассказала, как осенью того памятного года ей позвонили и пригласили в приемную на Лубянку. Женщина простилась с мужем и детьми, взяла мешочек с сухарями и ушла.

Принял ее пожилой человек в майорских погонах. После проверки документов он весьма корректно попросил проехать с ним в одно место, где, как он выразился, «нам нужна ваша консультация». Ее привезли в Кунцево. Там майор объяснил в чем дело:

— Есть решение открыты в доме Сталина музей. Я был при Сталине всю жизнь. Сейчас здесь все, как при нем. Посмотрите, пожалуйста. Можно ли в таком виде открыть?

Ее провели по дому. Она насчитала шестнадцать комнат (нам показали не все). Во всех стояли диваны. На каждом диване лежала бурка.

— А где он спал? — спросила она.

— Этого никто не знает, — просто ответил его телохранитель. — В какой комнате он спал и когда — днем или ночью, мы только догадывались, чтобы его не беспокоить. Спал он одетым. Изнутри запирали дверь или только накидывали дверную цепочку. Если прислуга знала, где он, то в щель просовывала ему еду. Но разве это важно?

— Это личный музей, — отвечала женщина-музеевед. — В нем, согласно науке, необходимо сделать так, чтобы посетителям было ясно, где гостиная, где спальня и так далее. А тут получается, что все комнаты одинаковы. Например, у посетителей обязательно будет возникать вопрос: «Почему он спал в разных местах?» И экскурсоводы должны объяснять.

Майор ее внимательно выслушал и попросил:

— Вы не могли бы изложить все ваши претензии на бумаге?

— У меня нет абсолютных никаких претензий, — сказала, похолодев, музеевед. — Просто вы спросили — я ответила.

— Вот и изложите для руководства...

— А портреты были? — спросил я женщину.

— Какие портреты?

— Членов Политбюро?

— Нет, портретов точно не было.

Не упоминает портретов и автор книги «Двадцать писем к другу».

Через несколько дней музей принял посетителей. Видимо, спешили выполнить указание и наскоро заперли лишние комнаты. Чья была идея музея? Какова цель? Может, просто ритуальная инерция. Зачем развесили членов Политбюро?

Думается, распорядясь об открытии музея, сподвижники вождя думали не столько о его славе, сколько о себе.

Мифодержавие работало. Трон опустел, но субординация осталась в списке действующих лиц около трона. И кто его займет, было неясно. Не отказался бы ни один из них. Но корабль накренился, собираясь затонуть. За подол шинели мифодержца придворные держались, как за сапеловый круг, стараясь выплыть, остаться у престола.

В самом деле, Сталин вполне мог проводить заседания Политбюро с их портретами вместо них. Портреты столь же активно выражали свое мнение, как и оригиналы. Но зачем ему было глядеть на портреты тех, кого он глубоко презирал и использовал в качестве прислуги? Сегодня мне ясно: это они сами распорядились повесить свои портреты в этом зале и сочинили легенду о том, что Сталин сажал их под портреты. Так делал Сталин: на фотографиях он оказывался задним числом рядом с Лениным. Так они становились обладателями его скипетра.

Не знаю, сколько всего лиц и каких социальных категорий побывало в поместье в Кунцеве. Полагаю, немного. Слышал, что музей через несколько лет закрылся. О нем, разумеется, не объявляли. Закрылся так же таинственно, как был открыт. XX съезд тут ни при чем. Происходило это в дни смуты, когда окружение Сталина еще не знало, что делать: петь «Сулику» или затанцовывать праж. Впрочем, музей мог бы служить любой из двух противоположных целей. И пожалуй,

второй еще лучше. Но об этом чуть позже.

Для приведения впечатлений в норму той зимой я решил совершить паломничество в Кунцево еще раз, самостоятельно. Найти место и посмотреть хотя бы снаружи, из леса, как оно выглядит, чтобы лучше запомнить. Намерением своим я поделился с приятелем, а он мне рассказал про человека, который туда пару лет назад съездил.

Человек пересек лес, держа за руку маленького сына. Успели они пройти буквально несколько шагов в направлении запретной зоны, когда тихо подехала машина и его пригласили сесть. На допросе спросили, почему он оказался на шоссе. Он искренне ответил, что слышал, будто здесь проезжает товарищ Сталин, и хотел показать его сыну. Итог — десять лет за умысел покушения на вождя.

— Туда хочешь? — поинтересовался приятель.

— Так ведь Сталин умер, — возразил я.

— Многие ты понимаешь! Сталин умер, но дело его живет.

В общем, тащиться туда я побоялся и вскоре об «умысле» позабыл. Бывать в тех краях я стал, уже когда у меня появилась машина. К тому времени город Кунцево, а с ним и реку Сетунь, идущую по низу Вознесенского леса, досаждало садоником из органов в начале тридцатых годов, и древнее село Очаково, владение поэта Хераскова, и ряд прилегающих деревень — словом, всю эту древнюю окрестность, включая сталинское имение, Хрущев росчерком пера присоединил к городу Москве.

За годы после Сталина Минское (раньше Можайское) шоссе, построенное на костях сотен тысяч заключенных, перерубила широкая Минская улица. Теперь в этой части и шоссе названо Проспектом маршала Гречко.

Минскую улицу местные жители одно время почему-то звали Хрущевским шоссе. Перерезала эта новая улица и нелюбимое шоссе, идущее лесом вдоль Поклонной горы к сталинскому имению. Лес остался, но вокруг началось запрещенное тут при хозяине жилище строительство. Стандартные коробки одинаковых домов заполнили Очаковскую округу и пойму реки Сетунь, демонстрируя собой унылое торжество такого градостроительства, на фоне которого даже сталинский ренессанс выглядит шедевром. В лесу, по другую сторону шоссе, сохранилась дача Калинин, куда иногда поселяют высоких гостей — лидеров братских компартий. Им показывают и Кунцевский дом-музей.

На территорию имения я попал снова в 1976 году, поехав навестить больного приятеля-журналиста. Он лежал в одном из корпусов, где раньше помещалась сталинская охрана. Тут теперь возвели многоэтажное терапевтическое отделение больницы №1 Четвертого управления Минздрава, филиал «кремлевский». Остановка автобуса на бывшем девятом километре Минского шоссе скромно называется «Первая больница». Не самая шикарная из их больниц, однако ж не для простых смертных. В одной палате с моим приятелем, появившимся тут по блату, лежали зам какого-то министра, сын ответственного ЦК и личный шофер Блатова, помощника Брежнева, — вот она, отечественная табель о рангах.

Шофер Блатова жаловался, как растравил себе язву желудка из-за свадьбы дочери шефа. К свадьбе Блатову слали посылки секретари обкомов со всех концов страны. Шофер две недели носился как угорелый по почтам, вокзалам и гостиницам, собирая «барашков в бумажке». И конечно, со всеми пил. Вот и открылась язва.

Ближе к вечеру разговоры в палатах стихли. Послышался треск радиоприемников. И шоферы, и министры вытаскивали из-под подушки коротковолновые приемники и настраивались на волну «Голоса Америки».

Я вышел из бывшего корпуса охраны и пошел к лесу. Через ров вел мост, но дальше дорогу перекрывал высоченный забор, столь памятный со студенческих лет. Поместе как бы урезали. Вспомнился один из разговоров в больнице (лежа рядом с домом Сталина, больные то и дело возвращались к священной теме). Сын ответственного ЦК рассказал, что перед крупными партийными мероприятиями в доме Сталина поселяют лиц, которые сочиняют и согласовывают доклад для руководства. Атмосфера хорошо способствует творческому началу.

Еще через десяток лет я попал к знакомой в Дом ветеранов кино, построенный возле того же леса. Ветеранам разрешают ходить на окраину парка, но, конечно, не к секретной обители. Вокруг нее вознеслись новые железобетонный забор. А внутри, говорят, все так и стоит, как раньше. И правильно. Вдруг опять понадобится? Переждем стихию, а там видно будет, что делать с национальной святыней.

А моя бы воля, я б музей Сталина в Кунцеве сейчас опять открыл. Правдивый или лживый — не имеет значения. Чем лживей, тем, как ни парадоксально, реальней.

Хорошо бы только у хозяина дома разрешение просить. Все-таки личная собственность. Не знаю, простил ли он, что мы тогда попали к нему в гости с соизволения Политбюро, но без его приглашения. Может, тень его, ночью бродящая по вытоптанным в снегу дорожкам, еще прикажет насчет непрошенных гостей распорядиться?

РЯДОМ С

ДЕ ГОЛЛЕМ

Сказать, что судьба этого человека необыкновенна, — значит ничего не сказать. Судите сами: выходец из России, он был одним из основателей голлистской партии во Франции, соратником легендарного генерала де Голля, 12 лет занимал высокий пост заместителя мэра Парижа, отвечал за работу полиции... С 1966 года этот искрящийся энергией, юмором, обаянием человек живет в двух странах. Полгода — во Франции, полгода — в России. Он известный политик, крупный бизнесмен, один из «отцов» издательства «ДЭМ». Зовут его Алекс (или Алексей Александрович) МОСКВИЧ.

В московской и парижской квартирах Алексея Александровича можно увидеть портреты де Голля и Ленина, иконописное изображение Христа.

— Скажите, Алексей Александрович, что означают для вас эти три символа?

— Мысли и идеи, которые символизируют эти три имени, оставили свой след в истории и будут еще долгое время служить предметом размышлений для будущих поколений. Они наряду с буддийским учением определяют вектор истории, эволюцию отношений между людьми на всем земном шаре.

— Каким образом вы оказались в ближайшем окружении генерала де Голля?

— Летом 1940 года я написал де Голлю письмо, в котором изложил мои соображения о международном положении. Я, в частности, обратил внимание генерала на два момента: война между Германией и Советской Россией неизбежна; «Свободная Франция» должна поддерживать наилучшие отношения с Советским Союзом.

Де Голль прочел письмо, вызвал меня к себе и заявил, что мое мнение совпадает с его мнением и что он предлагает мне поехать в Москву с миссией Стаффорда Криппса в качестве представителя «Свободной Франции».

Я отказался. Дело в том, что у меня были личные счеты с немцами, а мой отец говорил, что мужчина, который не воевал, не мужчина. Все это я объяснил де Голлю и, таким образом, получил дипломатическую миссию «миссию риска». Это была миссия в Дакар, где де Голль намечал высадку английского флота с французскими солдатами. Я был направлен в Африку, где уже планировалась война с Роммелем и сторонниками маршала Петена.

— Вы кавалер ордена Почетного легиона?

— Я офицер ордена Почетного легиона за боевые заслуги. Воевал в Африке, Франции, Лотарингии и Эльзасе. Звание получил во время войны. За то, что предупредил генерала де Голля о готовящемся наступлении фон Рундштедта. Предупредил за 14 дней до наступления. И генерал поверил мне. И дал команду нашим войскам подготовиться. Может быть, именно тогда началось наше сближение.

— Алексей Александрович, то, что вы многое сделали для становления голлистской партии, мы знаем. Менее известно о том, что вы возглавляли личную охрану де Голля.

— Поскольку во время второй мировой я был сначала парашотистом, а затем начальником французской разведки на Восточном фронте, то имел кое-какой боевой опыт... После войны мне предложили отвечать за безопасность собраний, которые проводила наша партия. Я организовал службу порядка очень быстро, набрав в свою команду около пятидесяти—шестидесяти бывших парашотистов. Естественно, что в нашу задачу входило и обеспечение безопасности генерала. И, кажется, со своими обязанностями мы справлялись неплохо.

— Может быть, вы припомните какой-нибудь любопытный эпизод?

— Когда человеку поручается организация какой-либо службы, то это означает, что он подбирает себе сотрудников, потом не мешая им работать и принимает соответствующие решения, ни с кем не советуясь, не консультируясь и не создавая каких-либо комиссий. Так я и сделал.

Но, поскольку вопрос задан, расскажу об одном эпизоде. Однажды — это было в 1947 году — де Голль собрал своих друзей по партии и объявил о намерении выступить в Венсенском лесу на городском митинге. Там собралось более полумиллиона человек. Я поставил позади генерала десяток телохранителей, двое из которых отличались тем, что рост их приближался к росту де Голля.

Он заметил их и приказал: «Уберите эти свечи немедленно!» Пришлось подчиниться. Но одного я все же оставил, и, надо сказать, хорошо сделал. Когда восторженная толпа стала настойчиво приближаться к де Голлю, он схватил его в охапку и оттолкнул в сторону.

— Однажды внуку де Голля, Жану, задали такой вопрос: «О политической судьбе генерала написано множество статей и книг. Но каким был он в семье, в быту?» Жан ответил: «Дед был прекрасным семьянином, любил обниматься с детьми, внуками. Был всегда честен, открыт...» А как бы вы охарактеризовали де Голля?

— Для этого мне нужно, по крайней мере, написать книгу. Слишком уж незаурядная фигура! И я бы написал книгу о том, каким он был ранним, робким в быту человеком, каким великим политиком!

— Теперь, если позволите, поговорим о другом периоде вашей жизни.

Правда ли, что, когда вы ведали в мэрии делами полиции, парижская мафия была уничтожена?

— Мафию уничтожить невозможно. Но можно сделать так, что она станет работать на государство, а не против него. Будучи облеченным властью (в том числе и законодательной), я это и сделал. Я никогда не принимал законов, не соответствующих общественной морали. И понимал, что нужно просто легализовать то, что давным-давно существует и будет существовать вечно, пока земля вертится. Пусть лучше государство берет налоги с проституток, владельцев публичных и игорных домов, чем этим займется рэкетир. Нужно бороться с бандитами, насильниками, наркобизнесом и т. д. А с тем, что не противоречит общественной морали, бороться не следует.

— Вы с 1966 года живете одновременно в двух странах, в двух столицах: в Париже и в Москве. Кем вы себя больше ощущаете: парижанином или москвичом?

— Этот вопрос мне уже неоднократно задавали. Однажды — в городском совете Парижа. Это случилось после вторжения советских войск в Венгрию. На Западе тогда, в частности у нас в совете, поднялась по этому поводу страшная волна возмущения... Предложили высказаться и мне... Я вышел на трибуну и произнес: «Мне кажется, у меня нет права критиковать американцев за то, что они проводят проамериканскую политику. Так же нет у меня права критиковать и советских за то, что они проводят просоветскую политику. Я могу критиковать французское правительство за то, что оно недостаточно проводит профранцузскую политику...» И тут же раздался голос в зале: «Так что же, может быть, вы больше русский, чем француз?» Я ответил: «Настоящий мужчина может любить много женщин, но двух из них он любит особенно: свою мать, которой он прощает все, и свою любовницу, которой он ничего не прощает. Так вот, я прошу все России и ничего не прошу Франции».

— Интересно, как реагировал зал?

— Все умолкло.

— Самое время обратиться к вашим истокам. Кто были ваши родители, чем они занимались?

— У отца весьма бурная биография. В 16 лет он уже сидел в тюрьме за участие в революционном движении, в 18 лет его сослали в Сибирь. Но дедушка имел большие капиталы, благодаря которым отцу удалось осуществить побег в Швейцарию. Эмиграция. Отец участвовал в работе II Интернационала, дружил с Розой Люксембург, с Бенито Муссолини, который был в то время социалистом. В Россию вернулся в 1914 году и пошел добровольцем воевать с немцами. Был награжден

двумя Георгиевскими крестами, попал в плен под Танненбергом. Трижды пытался бежать, и лишь в третий раз с помощью бельгийского моряка это ему удалось. Вернулся в Киев. Умер от заражения крови в 1935 году.

— А кто по образованию были родители?

— Отец — экономист, кандидат экономических наук. Мама училась на юридическом факультете Киевского университета.

— Как сложилась ее судьба?

— Она погибла в Бабьем Яру. Разделила судьбу многих моих родственников. Это очень болезненная для меня тема. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Расскажите о вашей личной жизни.

— Мне повезло с дочкой. Она у меня просто удивительна: умна, изысканна, прекрасна образованна, доктор частного права, работает адвокатом при Государственном совете (этого надо было добиться, ведь только в одном Париже 15 тысяч адвокатов, а в Госсовете — всего 65!). У нас очень нежные, душевные отношения, каждый день Николь приходит ко мне домой, и мы обедаем, она понимает меня, я понимаю ее.

— Но живете порознь?

— Да, так лучше. Мы ценим свободу друг друга. Я, кстати говоря, живу один. Уже тридцать лет. Но с женой не развелся. Ведь, если бы я развелся, тогда бы все женщины, с которыми я встречался, имели бы возможность посягать на мою свободу. Я этого не хотел и не хочу!

— Алексей Александрович, вы чрезвычайно занятой, деловой человек, бизнесмен. Скажите, деньги для вас — главное? В них вы видите смысл жизни?

— Как ни странно, деньги для меня, бизнесмена, не главное. А смысл жизни (моей, да и всех) я вижу в том, чтобы человек себя реализовал! А реализовать себя он сможет, если будет заниматься только тем, чем не занимается не может, то есть своим делом! А деньги, что деньги... Они всегда приходят сами, если делаешь то, что любишь...

— Наш ежемесячник называется «Совершенно секретно». Не могли бы вы поделиться с читателями какой-либо своей тайной?

— Тайны, которые я знаю, касаются французской политики, и раскрывать их еще нельзя. Но когда-нибудь потом я хотел бы подробно с вами поговорить о том, чего практически никто не знает. Я был в 1958 году одним из участников заговора, который фактически привел де Голля к власти. Это очень пекотливая тема... Пока же могу вам сказать только, что все мы (участники заговора) руководствовались идеей спасения государства. И ради этого шли на все!

Беседу вели
Богдан ДУБЕНСКИЙ
и Евгений СТЕПАНОВ

Публикация в «Совершенно секретно» (1990. № 9—12; 1991. № 1) фрагментов книги «Разрыв с Москвой» Аркадия Шевченко, крупного советского дипломата, работавшего на ЦРУ, вызвала огромный интерес читателей. Давая зеленый свет этим мемуарам, мы, конечно, понимали, что в них изложена версия человека, который всеми силами пытается представить себя личностью с высокими моральными принципами, идейным борцом против коммунизма. Впрочем, такой линии придерживаются почти все изменники, и это совсем неудивительно: западное общественное мнение вряд ли пришло бы в восторг, если бы люди узнали всю подноготную вербовочной работы своих спецслужб.

Истинные обстоятельства вербовки Шевченко пока хранятся за семью печатями в сейфах ЦРУ, хотя мы отнюдь не склонны отбрасывать идейный фактор в его переходе к американцам — неприятия системы «развитого социализма», прогнившей коррупцией и догматизмом, свойственно было многим представителям советского истеблишмента. Однако от неприятия Системы и даже борьбы с ней до сотрудничества с ЦРУ — целая пропасть.

В любом случае, судя по откликам, нашим читателям было интересно познакомиться с мемуарами бывшего посла, открыть для себя то, о чем еще не так давно в советской прессе писать было не принято.

Один из откликов получен от журналиста-международника Александра Паладина, в 1973—1979 годах работавшего собкором АПН в Оттаве, а в 1981—1986 годах — собкором «Известий» в Вашингтоне. Не разделяя всех его оценок, мы тем не менее считаем, что любой из наших читателей имеет право на свое понимание Шевченко и сложившейся вокруг него обстановки.

Редакция готова выслушать и другие мнения на эту тему.

Известие об измене Шевченко застало меня в Канаде. Североамериканским «масс-медиа» эта новость доставила видимое удовольствие, а нашу малочисленную колонию в Оттаве повергла в смутнение. В ту пору уходы советских граждан на Запад были сравнительно редки, а тут политического убежища в США попросил не балетный танпюр, не шахматист и не рыбак с промыслающего на Ньюфаундлендской банке сейнера — представитель мидловской элиты. И, хотя об истинных размерах нанесенного государству ущерба приходилось только догадываться¹, настроение у всех было, что скрывать, паршивейшее.

Люди, знавшие Шевченко прежде, отзывались о нем, мягко говоря, нелестно, да ведь кто из нас не крепко задним умом? К тому же известно, как бывало в те времена: пока человек на коне, с него готовы иконы писать, а оступись — значит, пьяница, бабник, приспособленец... Словом, случившееся было воспринято неоднозначно, а потом и забилось.

Как вскоре выяснилось, ненадолго.

¹Факт своего сотрудничества с ЦРУ Шевченко признал лишь семь лет спустя, опубликовав «Разрыв с Москвой».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Через полгода после побега Шевченко его показали в вечерних новостях телекомпания Эн-би-си. Как ФБР и ЦРУ ни охраняли своего агента от всевозможных нападений, но уберечь не смогли. Опасались КГБ, а проморгали удар в спину, заодно с Шевченко угодив под огонь собственной прессы. Самое курьезное состояло в том, что изменник стал жертвой... измены. О том, как это случилось, в мае 1979 года в своей книге «Содержанка перебежчика» со множеством скабрёзных подробностей поведала профессиональная вашингтонская проститутка² Джуди Чавес.

Опуская эти подробности, скажу, что с Джуди Шевченко сошелся не «с течением времени», как он расплывчато пишет в «Разрыве с Москвой», и не после того, как узнал о самоубийстве жены, а всего через пару недель после побега. Забегая вперед, добавлю, что предательство своей содержанки он тоже недолго переживал, два месяца спустя женившись на Элейн.

Как бы там ни было, к Джуди бывший зам. генерального секретаря ООН воспылал такой страстью, что возжелал ее руку и сердце. (Любовь зла — полюбишь и «колл-герл».) Он осыпал избранницу подарками и деньгами³, купил ей новый «шевроле-корвет», возил ее отдыхать на Вирджинские острова, водил по ресторанам, но взаимности так и не добился: сердцу не прикажешь, даже если оно бьется в груди проститутки. Зато Джуди получила возможность в течение полугода быть в курсе едва ли не всех его дел.

После вояжа на Вирджинские острова сотрудники ФБР передали Шевченко коллегам из ЦРУ. Его снабдили новыми легендой и именем, из «французского дипломата Андре Рингланда» превратив в «финна Элку Коопенена», из гостиницы перевели на частную квартиру и приобщили к полезному для американских спецслужб труду по составлению мемуаров.

При посредничестве ЦРУ Шевченко связался с нью-йоркским издательством «Саймон энд Шустер» и, вдохновившись обещанным гонораром в 600 тысяч долларов, засел за воспоминания под названием «Из неволи — на свободу». Полагаться он мог только на память да на поставляемые изружниками материалы. Среди них Джуди, к своему изумлению, обнаружила... «Пентхаус», порнографический журнал, который, в ее представлении, годился лишь в ее ремесле. Шевченко же и ЦРУ были иного мнения о «Пентхаусе», в чем Джуди убедилась, наткнувшись в журнале на исчерпанную вдоль и поперек статью о происках КГБ против ООН. В статье, в частности, утверждалось, что в 1960 году КГБ устроил диверсию, убрав тогдашнего генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда⁴.

Пытаясь завоевать сердце своей со-

²В своей книге Джуди сама себя так аттестует, поэтому вряд ли есть смысл прибегать к эвфемизмам вроде «куртизанка», «гетера» или, выражаясь более современно, «путана». Примененное Шевченко выражение «девушка по вызову» (по-английски — «колл-герл») обозначает специализацию Джуди.

³От приставленных к Шевченко охранников Джуди узнала, что в тот период он состоял на содержании ЦРУ.

⁴До того как по подкаске ЦРУ за эту тему взялся Шевченко, повсеместно господствовало мнение, что гибель Хаммаршельда — на совести западных спецслужб.

держанки, Шевченко давал ей читать все, что успел сочинить. Одна из прочитанных ею таким образом глав касалась инцидента с американским самолетом-шпионом У-2, засланном 1 мая 1960 года в глубь территории СССР и сбитым в районе Свердловска. Из последующего варианта мемуаров эта глава, однако, исчезла.

— В чем дело, Энди? Их не устраивает то, что ты написал? — полюбопытствовала Джуди, на чьих глазах изружники систематически забирали сочиненное перебежчиком.

Андрэ-Элка-Аркадий промолчал.

Тем временем Джуди сама замыслила написать книгу. Ненадолго оказавшись вовлеченной в тайную операцию местных спецслужб, она стала бояться, как бы это не вышло ей боком. Билл, давний знакомый, с которым она поделилась своими опасениями, только усилил тревогу:

— Ты связалась с людьми, которые способны на все. Уж я-то знаю: сам несколько лет в ЦРУ проработал. Мой тебе совет: пока не поздно, выходи из этой игры.

Билл же подсказал, как это сделать. Следуя его рекомендациям, Джуди решила убить трех зайцев сразу: избавиться от Шевченко и К^о, обеспечить свою безопасность, а заодно хорошо заработать.

Тут самое время упомянуть о том, что Джуди, хоть и годилась Шевченко в дочку, была не по своим двадцати двум годам умна и расчетлива. В жизни она исповедовала принцип: «Если не хочешь, чтобы тебя использовали, сама используй других», — поэтому задуманное не вызвало у нее ни малейших угрызений совести. А задумала Джуди рассказать о своей связи с Шевченко по телевидению, после чего выпустить книгу. Тогда, расудила она, тронуть ее не посмеют, и на полученный гонорар можно будет жить припеваючи.

Билл эту идею одобрил и свел Джуди с корреспондентом Эн-би-си Джимом Полком. Того уговаривать не пришлось: о подобных сенсациях журналисты только мечтают. Условившись, что Джуди зазовет Шевченко в ресторан, где Полк со своей съемочной группой устроит засаду. Ни дать ни взять — осовремененная на американский лад история про Юлифу и Олоферна! Только в отличие от своей ветхозаветной тезки⁵ Джуди вызвалась, прибегнув к коварству, покончить со своим воздыхателем без смертельных последствий для оного, да и двигала ею отнюдь не забота об общественном благе⁶.

Трагикомедия с участием трех представителей трех древнейших профессий была разыграна 9 октября 1978 года. Утром Полк заснял интервью с Джуди, после чего отправился со своей бригадой в ресторан «Железные ворота», куда в полдень должен был прибыть Шевченко. Выбрали это заведение неспроста: его английское

⁵Джуди — уменьшительное от Джудит, т. е. Юлифу.

⁶Потом, правда, «Бостон глоб» воздаст Джуди должное фразой: «Она исполнила свой долг перед Родиной», — но эти слова, заставляющие вспомнить моцартовскую «Пышку», одна из самых солидных американских газет отнесет к интимным услугам, которые «колл-герл» оказывала агенту спецслужб США.

наименование — «Irrigate» — созвучно слову «уотергейт», связанному в сознании американцев с крупнейшим в их истории политическим скандалом, в котором были замешаны Белый дом, ЦРУ и ФБР.

В назначенный час Шевченко в сопровождении сотрудника ЦРУ по имени Фил пришел в ресторан и в ожидании Джуди заказал двойную порцию виски. Заметив его, Полк подал сигнал притаившимся на кухне помощникам и вместе с ними ринулся к намеченной жертве. Шевченко опешил, а Фил опешил. Пока телекамера в упор расстреливала обоих, Полк осыпал жестоко обманутого изменника вопросами, в буквальном смысле приперев его к стене.

Вечером пораженные американцы узнали, как и за чей счет Шевченко проводил время после своего разрыва с Москвой. Запало скандалом: местные налогоплательщики не терпят, когда их кровные доллары расходуются не по назначению, тем более — на такое. Немудрено, что состоявшаяся назавтра пресс-конференция президента Картера началась с вопроса:

— Не много ли ЦРУ тратит на девиц легкого поведения?

— Если суммы, названные известной вам особой, соответствуют действительности, то это противоречит моей политике борьбы с инфляцией, — отшутился глава Белого дома, представив затем дело так, будто со своей содержанкой Шевченко расплачивался из собственного кармана, используя полученный от «Саймон энд Шустера» аванс. (Чудны твои дела, Господи, коли ты позволяешь какой-то «колл-герл» вынуждать первое лицо в государстве, снискавшее симпатии и доверие избирателей прежде всего своей искренностью, изворачиваться и говорить неправду!)

Та, что заварила всю эту кашу, смотрела телетрансляцию пресс-конференции Картера на квартире надежных друзей в Балтиморе, куда благодарно перебралась накануне. Заявление президента возмутило ее до глубины души:

— Я девушка честная, — вполне обоснованно, применительно к ситуации, воскликнула Джуди, а меня пытаются выставить лгуней. Ну, я им покажу!

Через три дня она созвала собственную пресс-конференцию, где предъявила вещественные доказательства своей правоты, удостоверившись, что за полгода их знакомства Шевченко истратил на нее почти сорок тысяч долларов. Поскольку к тому времени выяснилось, что аванс от «Саймон энд Шустера» Шевченко получить не успел, версия про спасение местных властей, спецслужб и их подопечного рухнула окончательно. И если ЦРУ и ФБР отделались легким испугом⁷, то с Шевченко американская пресса церемониться не стала. Во многих сообщениях по этому поводу на все лады обыгрывалось то обстоятельство, что он был застигнут врасплох. По-английски, если перевести дословно, это выражение звучит грубовато: «был пойман со спущенными штанами» — но тут оно оказалось как нельзя более кстати.

...«Содержанку перебежчика» я прочитал года через три после ее выхода в свет, когда сам оказался на месте описанного.

⁷«Главная наша ошибка, — привел еженедельник «Ньюсуик» мнение «ветерана разведки», — заключалась в том, что мы дали этой... свободу рук».

С МОСКВОЙ

МЕМУАРЫ — ИЛИ ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ?

санных в ней событий. Бывая потом в «Железных воротах» и других местах похождения Шевченко, которые упомянуты в книге, я живо представил себе, как все происходило. А там и Шевченко опять замесился на американских телеэкранах, как ни в чем не бывало выступая с комментариями о советско-американских отношениях и событиях в СССР. Стараясь держаться солидно, он, однако, не говорил, а тараторил, словно боялся, что в любую минуту его лишат слова, и оттого желаемого впечатления не производил⁸. Тем не менее американские телекомпании охотно приглашали его в свои передачи, ибо он устраивал их во всех отношениях: репутацией специалиста в обсуждавшихся вопросах, еще недавно входивших в коридоры Кремля, тем, что всегда, в случае чего, можно было от него открититься (не свой же!), а главное — готовностью делать и говорить то, чем коренной, уважающий себя американец погнушается.

В ноябре 1982 года умершего Брежнева сменил Андропов. Как водится, «масс-медиа» США принялись судить и рьять, что он за птица. Интерес к фигуре Андропова подогревался тем обстоятельством, что он долгие все в истории СССР возглавлял органы госбезопасности и снискал на Западе репутацию мастера секретных операций и закулисных интриг. Разборчивостью американская пресса никогда не отличалась, а тут, в азарте конкурентной борьбы отпустить все тормоза, стала заглаживать, тиражируя затем по всему белу свету, лобные были и небыллицы, лишь бы пахли сенсацией.

Таким образом, и мы, работавшие в Соединенных Штатах советские граждане, узнали о новом руководителе своего государства массу подробностей — когда лобопытных, когда занятых, а когда и смехотворных. Воспользовавшись благоприятным моментом, всплыли из небытия перебежчики. Для них из них пробил звездный час. Помню, вашингтонское радио передало интервью с Владимиром Сахаровым, который, подобно Шевченко, некогда работал в МИДе, во время заграникомандировки был завербован американцами, несколько лет сотрудничал с ними, а потом, бросив семью, сбежал в США. Там, однако, его заслуги перед ЦРУ должным образом не оценили, и долгое время он перебивался с гамбургеров на кока-колу⁹. А оказалось, что Сахаров — сущий кладезь информации об Андропове. Заявив, что он был якобы вхож к тому в дом, перебежчик битый час заливал вашингтонским радиослушателям про то, как всемогущий шеф КГБ, вернувшись с работы, первым делом опрокидывал стаканчик «Чивас Ригал»¹⁰, включал записи Майлза Дэвиса¹¹ и ловил кайф.

Само собой, американцам подобные байки нравились. Меряя Андропова (вернее, распространявшиеся о нем слухи и домыслы) на свой аршин, они пришли к выводу, что в душе новый лидер

СССР — скрытый либерал и поклонник американского образа жизни.

Одну из своих передач Андропову посвятил и ведущий популярнейшей телепрограммы «Найтлайн» Тед Коппел. (Впоследствии и я не раз с ним встречался в эфире.) В тот вечер он пригласил поделиться со зрителями своим мнением о советском руководителе бывшего шефа ЦРУ Уильяма Колби, какого-то — сейчас уже не помню — американского журналиста, во время венгерских событий 1956 года работавшего в Будапеште (Андропов в ту пору был там нашим послом), и Шевченко. Нашу сторону представлял Владимир Познер, тогда еще мало кому известный в СССР, зато своими регулярными — и всегда очень удачными — выступлениями по американскому телевидению снискавший заслуженную популярность и авторитет в США.

По завешенному в «Найтлайн» обычаю Коппел начал с разминки, задав вопрос, на который участники передачи должны были по очереди дать краткий ответ. Тут-то Познер в отличие от остальных находившихся востанковском телецентре и обнаружил, что в числе прочих должен вести спор с Шевченко. Между тем дискуссия пошла по второму кругу, Коппел опять предоставил слово нашему журналисту, а тот и говорит:

— Прежде чем ответить, хочу внести ясность в один вопрос. Я не прочь дискутировать с любым участником передачи, включая мистера Колби, но с этим... (Познер сделал выразительную паузу) джентльменом из принципиальных соображений разговаривать не стану.

Коппел, конечно же, сразу смекнул, куда клонит Познер, но, будучи еще и отменным актером, решил ему подыграть:

— Кого вы имеете в виду?

— Шевченко.

— А в чем дело? — с напускным недоумением сделал круглые глаза ведущий «Найтлайн».

— Для меня он изменник Родины. Вполне допускаю, что вы в США иного мнения на сей счет и даже, возможно, считаете его героем. Но хотел бы напомнить, что, перебежав к вам, Шевченко бросил семью.

Что-то, а культ семьи жители США чтут свято и не стесняются выставлять это напоказ. По неписаным законам американской политики, будь ты хоть семи пядей во лбу, но если не обзавелся счастливой, многодетной семьей, то в борьбе с оппонентами лучше не ввязывайся. И уж совсем непростительно для претендующего на то-либо деятеля семьи разбить¹², тем более — бросить.

Словом, реплика Познера попала в самую слабую точку Шевченко. Режиссер «Найтлайн» мигом уловил драматическую ситуацию и дал команду разделить картинку пополам: на одной половине экрана — продолжающий говорить Познер, на другой — тужащийся строить хорошую мину при негодной игре Шевченко. Тот попытался скорчить пренебрежительную гримасу, а явил собой жалкое, даже жутковатое зрелище. Из сострадания камеру от него наконец отвели, но прийти в себя до конца передачи он так и не смог.

¹²Рейган — первый и последний в истории США президент, кому сошел с рук совершенный в молодости грех развода.

Более того, как потом выяснилось, с голубых американских экранов Познер убрал Шевченко надолго. Лишь в феврале 1985 года дважды герой телескандалов опять явился пред очами американцев, представ в новом обличье — как «самый крупный шпион ЦРУ» (на жаргоне местных спецслужб — «суперкрот»). Дотоле факт вербовки Шевченко от широких масс населения США утаивался: по официальной версии, при побеге ему помог госдепартамент, а ФБР и ЦРУ сыграли роль пособников и охранников. Теперь же в телепрограмме «60 минут» громко, на весь мир было объявлено, что на самом деле Шевченко несколько лет работал на ЦРУ, пока советские контрразведчики не попытались вытащить его за ушко да на солнышко; тут, дескать, у «суперкрота» не осталось иного выхода, как забиться в норку-убежище под названием США.

Строго говоря, первым эту новую версию огласил небезызвестный сотрудник журнала «Ридерс дайджест», автор многочисленных книг о КГБ Джон Баррон. Тот назвал Шевченко «суперкротом» еще в 1983 году, посвятив ему немало страниц в очередном сочинении про деятельность советских органов госбезопасности. Но в США Баррону веры мало: ни для кого не секрет, что он тесно связан с местными спецслужбами и пишет с их подачи и благословения.

Другое дело — «60 минут», авторитетнейшая телепрограмма, который уж год по шкале популярности входившая в первую пятерку передач ТВ США. То, что каждое воскресенье предается огласке в этой программе, вызывает потом множество пересудов, нередко становится предметом дискуссий и разбирательств на всех этажах «истеблишмента». Если в «60 минутах» утверждалось, что в лице Шевченко рыболовы из ЦРУ подцепили добычу, которую, дескать, даже не с чем сравнить¹³, значит, оседает в сознании миллионов американцев, это именно так, и никак иначе.

На следующий день не менее авторитетный «Тайм» подтвердил сказанное накануне по телевидению. Будь его читатели поамятливее, они бы вспомнили, что в октябре 1978 года этот журнал, ссылаясь на мнение специалистов американской разведки, писал о Шевченко совершенно иначе: «Он мало что знал о внутреннем механизме текущей советской политики или советских разведывательных операциях», поэтому для ЦРУ «он оказался значительно менее ценным источником разведывательной информации, чем поначалу предполагалось. Но не зря сами американцы про себя говорят, что из-за местных «масс-медиа», каждодневно обрушивающих на обывателя лавину банальнейших, зачастую противоречивых сведений, память у них короткая-прекороткая, долго факты не держит. В результате за Шевченко утвердилась репутация «суперкрота», что, разумеется, послужило лучшей рекламой его мемуаров, которые он так досочинил и опубликовал под зна-

¹³«Это как если бы Эл Хейг был завербован иностранной разведкой в свою бытность замом помощника президента по национальной безопасности Генри Киссинджер», — перевел на понятный американцам язык ведущий, добавив, что в тайну сотрудничества Шевченко с ЦРУ посвящали всего пять человек, включая главу Белого дома.

комых читателям «Совершенно секретно» названием «Разрыв с Москвой».

«Саймон энд Шустер», однако, было тут ни при чем. В свое время Ричард Снайдер, глава этого издательства, лично прочитал рукопись воспоминаний Шевченко и не нашел в ней ничего заслуживающего публикации. Тогда Шевченко попытал счастья в издательстве «Ридерс дайджест пресс», и опять неудачно. Главному редактору издательства Стивену Фриммеру мемуары беглого зам. генерального секретаря ООН показались пресными и бессодержательными. Решив, однако, что дело можно поправить, если приставить к Шевченко квалифицированного помощника, он вызвал своего самого опытного сотрудника Генри Херта:

— Постарайся вызвать из этого русского побольше читательской информации о его встречах с советскими «шпионами», о кремлевской политической кухне и тому подобном. Возможно, он просто не понимает, как делаются бестселлеры.

Херт взялся за поручение с двойным энтузиазмом, поскольку в то время писал книгу про советских шпионов. В общей сложности он битые сутки возился с Шевченко, задавал ему сотни наводящих вопросов, сам стал похож на выжатый лимон, но вернулся к Фриммеру с пустыми руками:

— Дохлый номер. Одни общие фразы.

В 1981 году Шевченко и сам махнул на эту затею рукой, признавшись одному из появившихся за океаном друзей, что с воспоминаниями ничего не выходит и уж, очевидно, не выйдет.

И вдруг четыре года спустя на прилавках появилась книга «Разрыв с Москвой». Местная пресса мигом произвела новинку в бестселлеры, а выпустившее мемуары издательство «Альфред А. Кнопф», едва поспевая за читательским спросом, принялось подпечатывать все новые и новые тысячи экземпляров. Принимал поздравления и подготовивший воспоминания к публикации Эшбел Грин, с которым мне довелось познакомиться годом раньше — на презентационной книге Струба Тэлботта «Смертельные гамбиты».

Так что же случилось? Чем объясняется такую метаморфозу?

На все Соединенные Штаты Америки нашлись лишь один человек, который заинтересовался столь удивительным зигзагом привалившей Шевченко удачи и решил докопаться до истины. В июле 1985 года в консервативном еженедельнике «Нью рипаблиц» появилась его статья «Шпион, который пришел, чтобы продать»¹⁴ (о том, как изобрели «суперкрота» Аркадия Шевченко). Подготовил ее Эдвард Эпстайн, видный представитель немногочисленного отряда тех американских журналистов, кто руководствуется принципом «подвергай все сомнению» и практикует трудный, но благородный жанр журналистики, именуемый «investigative reporting».

Преуспеть в этом жанре дано лишь тем, кто располагает обширными связями в сфере своих интересов. Эпстайн такими связями обзавелся давно и вот уже четверть века выдает на-гора хорошо аргументированные статьи и книги на темы, так или иначе затрагивающие деятельность спецслужб. В знак признания его заслуг Эпстайна ввели в состав «Консорциума исследователей разведывательных проблем», куда входят сотрудники конгресса, представители корпораций, старшие офицеры ЦРУ, идеологи «новых правых».

Словом, тайный мир тайных служб Эпстайн изучил досконально. Что он и продемонстрировал своей статьей в «Нью рипаблиц». Мне лишь остается пересказать его аргументы, доказывающие, что «Разрыв с Москвой» следует отнести к мемуарному жанру весьма специфического свойства.

Правдивость «Разрыва с Москвой» вызвала у Эпстайна сомнения с первого

⁸В этом смысле перебежчики друг на друга похожи. Сколько за годы работы в Северной Америке мне ни довелось их видеть и слышать, все они вели себя суетливо-подобострастно. Если что Шевченко и выделяло, так это женоподобные голос и внешность.

⁹В отличие от нас американцы считают то и другое «джанкфул», т.е. бросовыми, вредными для здоровья продуктами.

¹⁰Знаменитый сорт шотландского виски.

¹¹Легендарный джазовый музыкант.

же абзаца, где говорилось о победе Шевченко «в пятницу, 6 апреля 1978 года». В действительности же 6 апреля в том году приходилось на четверг. И если эту неточность еще можно отнестись к разряду досадных «ляпов», то многое другое навело Эпстайна на мысль о «липе», подтвердив то, что ему подсказывал здравый смысл: не может быть веры человеку, привыкшему обманывать даже самых близких людей.

Скажем, упоминая свою первую встречу с сотрудником ЦРУ Бертом Джонсоном, Шевченко описывает, как он мчался, петляя, по скоростному шоссе, чтобы избежать от привидевшихся ему следов из КГБ. В результате он был остановлен и оштрафован за превышение скорости дорожным полицейским¹⁵. Не поленившись поднять архивы местной полиции, Эпстайн установил, что ни в том, 1975 году, ни позже штрафам за нарушения ПДД Шевченко не подвергался по той простой причине, что, подобно другим высокопоставленным сотрудникам ООН, обслуживался машиной с личным шофером и даже не имел водительских прав¹⁶.

Столь же неправдоподобны воспроизводимые в «Разрыве с Москвой» долгие беседы по душам, которые Шевченко будто бы вел с Хрущевым на борту теплохода «Балтика» по пути в Нью-Йорк. Мало того, что вряд ли бы советский руководитель стал откровенничать, да и вообще разговаривать, с первым встречным 29-летним дипломатом, еще год назад имевшим низший в МИД СССР ранг атташе, а тем более — делиться такими секретами, как отношения СССР с Кубой и КНР, и высказываться о необходимости «любым способом избавиться от Хаммаршельда». В те годы, когда мемуары Шевченко еще носили название «Из неволи — на свободу», об этом в них не было ни строки. Ни словом о своих встречах с Хрущевым-он не обмолвился и при собеседовании с Хертом, хотя тот специально поднимал этот вопрос. Лишь в интервью Би-би-си в 1979 году Шевченко вскользь упомянул о том, что однажды видел Хрущева во время приема на «Балтике», да и то — издали. Что же до рассуждений о «необходимости избавиться от Хаммаршельда»

да», то они явно заимствованы из упоминавшейся выше статьи в журнале «Пентхаус»...

Не более достоверна, если не сказать, кощунственная сцена прощания Шевченко с безмятежно спящей в навсегда покинутой мужем постели женой. В разговорах с приватниками и другими служащими нью-йоркского дома, в котором жил перебежчик, Эпстайн выяснил, что еще за неделю до того, как супруг ее бросил, Лина Шевченко переехала на дачу в Гленкове, а ее место тут же заняла «фигуристая брюнетка», которую хозяйин квартиры велел впускать даже в его отсутствие.

Таким образом, заключает Эпстайн, Шевченко — дутая величина, а его мемуары разительно напоминают «Записки Олега Пеньковского», увидевшие свет через несколько лет после того, как этот агент американской и английской разведок был разоблачен и расстрелян. Десять лет спустя, расследуя беззакония ЦРУ, образованная конгрессом США комиссия Черча дозналась, что, как ранее и предполагалось, за Пеньковского его загробные «воспоминания» настроили взятые в руки перо рыцари плаща и кинжала. Так сказать, вдохнули вторую жизнь в своего агента, вложив в его уста все, что сочли нужным.

То же самое, считает Эпстайн, проделали с Шевченко, только, учитывая его подмоченную репутацию, операцию «Суперкрот» осуществили в несколько приемов. На начальном этапе и пригрозил Джон Баррон, который давно уже используется в подобных целях. Обычно ЦРУ подсылает к нему своих доверенных лиц, уполномоченных раскрыть те или иные секреты взамен на их публикацию при условии, что «во избежании ошибок и неточностей» Баррон, перед тем как сдать свою рукопись в набор, ознакомит с нею заказчика. Подчас таким образом Баррону скармливают заведомо лживую информацию, в коей правды нет ни на цент. Об этом в 1976 году цинично поведал бывший сотрудник резидентуры ЦРУ в Мехико Джозеф Беркхолдер Смит:

— Мы помогли Баррону материалами для его книги «Тайный мир советских тайных агентов», в которую он включил и придуманную нами историю.

Главный же герой этой истории на несколько последующих лет превратился во внештатного комментатора телекомпания Эй-би-си и, войдя в образ «суперкрота», с важным видом знатока, по прежней скороговоркой стал просвещать американцев по вопросам глобальной политики.

Александр ПАЛЛАДИН

Хаймо Путны и Елена Светлова в Вене

Останавливает полицейский машину и предлагает водителю «дыхнуть» в трубочку. Тот отказывается. «Ну, что ж, — любезно говорит полицейский, — если вам неприятна эта процедура, я готов подуть в трубочку вместо вас, но тогда вам придется заплатить штраф — гарантирую».

У здания гимназии находят труп. Приезжает полиция. Осматривает место происшествия. Все идет, как обычно, но при составлении протокола возникает неожиданная заминка: как пишется слово «гимназия»? Через «е» или через «ю»? В конце концов решают перенести труп к почте...

— Не обидно, что твои коллеги служат вечной мишенью для юмора? — спрашиваю моего друга австрийского жандарма Хаймо Путны.

— Да что ты?! — усмехается он. — Я еще никогда не встречал полицейского, который принял бы анекдот на свой счет. Для этого надо быть законченным кретином, заслуживающим отдельного анекдота...

Шутки шутками, думаю я, смеясь над очередным анекдотом, но к полиции здесь относятся совсем иначе, чем у нас. Полицейский в Австрии — человек уважаемый. По общественному положению он ближе к учителю, священнику, нежели к сфере услуг. Дело здесь, конечно, не в трепете перед униформой, а в поведении стражей порядка. Вежливые, приветливые, они контрастируют с нашими ребятами в серых шинелях. В Австрии никому не придет в голову откупиться от инспектора дорожной полиции ловко вложенной в права купюрой, как это повсеместно принято в Союзе. И когда я в свою очередь рассказываю Хаймо байку про гаишника, угодившего под колеса и поразившего хирурга видом полных «пятерок» сапог, замечаю недоумение: зачем, мол, бедный милиционер набил деньгами голенища? У него нет портмоне? Объясняю: зарплата маленькая, жить-то хочется, он сдерет с таксиста, таксист сдерет с пассажира, тот тоже постарается компенсировать затраты, и вот так мы друг дружку и душим без конца. У вас, говорю, правила, а у нас — исключения, мы даже в официальных бумагах пишем: «Просим в порядке исключения...» И вот за этим занятием разговором мы подъезжаем к дому.

Хаймо оставляет машину на улице: в гараже нет места для двух автомобилей, там стоит «фольксваген» Улли с укрепленным на крыше багажником для горных лыж. Через пару дней семья в полном составе — Хаймо, Улли плюс трое детей в возрасте от полутора до шести лет — отправится на курорт. Неделька в горах обойдется

моим друзьям в кругленькую сумму, но на отдыхе экономить не принято.

Австрийский жандарм — примерно то же самое, что и американский шериф или ... вариант русского Анискина. Поле его деятельности — сельская местность со своей спецификой. В отличие от крупных городов убийства здесь большая редкость, но это совсем не значит, что жандарм сидит без дела. Напротив, по выражению Хаймо, жандарм — «девочка для всего». Проще сказать, что не входит в круг его обязанностей. Работа тяжелая, отнимает много времени, но и оплачивается нормально.

— До 1972 года, — рассказывает Хаймо, — зарплата в полиции была низкая. Естественно, находилось мало желающих служить в этой сфере. Знаю, что командир подразделения жандармов получал маленькую премию, если удавалось привлечь молодежь. Мой месячный заработок, включая сверхурочные, доходил до 20 тысяч шиллингов (около 10 тысяч рублей по специальному курсу или примерно 3000 по коммерческому, что ближе к реальности).

— Как оплачиваются сверхурочные?

— Вдвойне. То же самое касается выходных дней. Поэтому никого не надо уговаривать, всегда есть желающие подзаработать.

— Можешь ли ты что-либо планировать на будущее или ты никогда не знаешь, что будет завтра?

— Не позднее 27-го числа мы получаем план работы на новый месяц, так что я могу кое-что загадать на уик-энд, но вполне может случиться, что меня вызовут на службу. Теоретически может сорваться отпуск, если мое присутствие на работе необходимо. Но ведь я знал, на что иду, выбирая профессию полицейского. Жаль, что не удастся уделять достаточно времени семье, что некоторые вещи приходится отодвигать на задний план, но все эти минусы не настолько драматичны, чтобы распрощаться с формой...

Форма ему очень идет. Тонкий пуловер, короткая кожаная куртка, двенадцатизарядный пистолет на боку. Полагается еще и карабин, но это для серьезных случаев. По крайней мере, Хаймо еще ни разу не стрелял в человека.

— Я очень много стреляю на тренировках, — говорит он, — но моего мастерства, наверно, недостаточно, чтобы противостоять человеку, отлично владеющему оружием. Наш район довольно благополучный в криминальном отношении, хотя бывают разные ситуации.

— Приходится ли тебе близко сталкиваться с проблемой наркомании?

— Наша задача — сообщить факты специальной группе, которая подчиняется непосредственно министерству внутренних дел. Ну, допустим, задержу я человека с четырьмя-пятью граммами кокаина в кармане, а дальше? Главное — найти торговца и установить связи.

— А как у вас с проституцией?

— Проституция в Австрии разрешена. Естественно, проститутка должна быть зарегистрирована, а не заниматься древним промыслом на свой страх и риск. Но эти заведения притягивают к себе нередко довольно опасную публику. В сельской местности вряд ли встретишь «красный фонарь», это принадлежность большого города, но вот не так давно и у нас была такая попытка. Действовал этот дом под видом клу-

ВИДЕО

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Видеоприложение к ежемесячнику «Современно секретно» — это возможность еще раз убедиться в том, что все тайное становится явным.

«Современно секретно»-видео — это не только публицистика и остротность, это удачная попытка заглянуть в мир тайн и секретов.

Во втором (1991 г.) номере видеоприложения:

- смертная казнь ... как это происходит;
- возможен ли секс в женских колониях строгого режима;
- интервью с настоящим советским людоедом;
- коллекция зарубежного видеодетектива, а также другая совершенно секретная информация.

Продолжительность каждой кассеты — 90 мин.
Стоимость — 200 руб., оплата по перечислению.

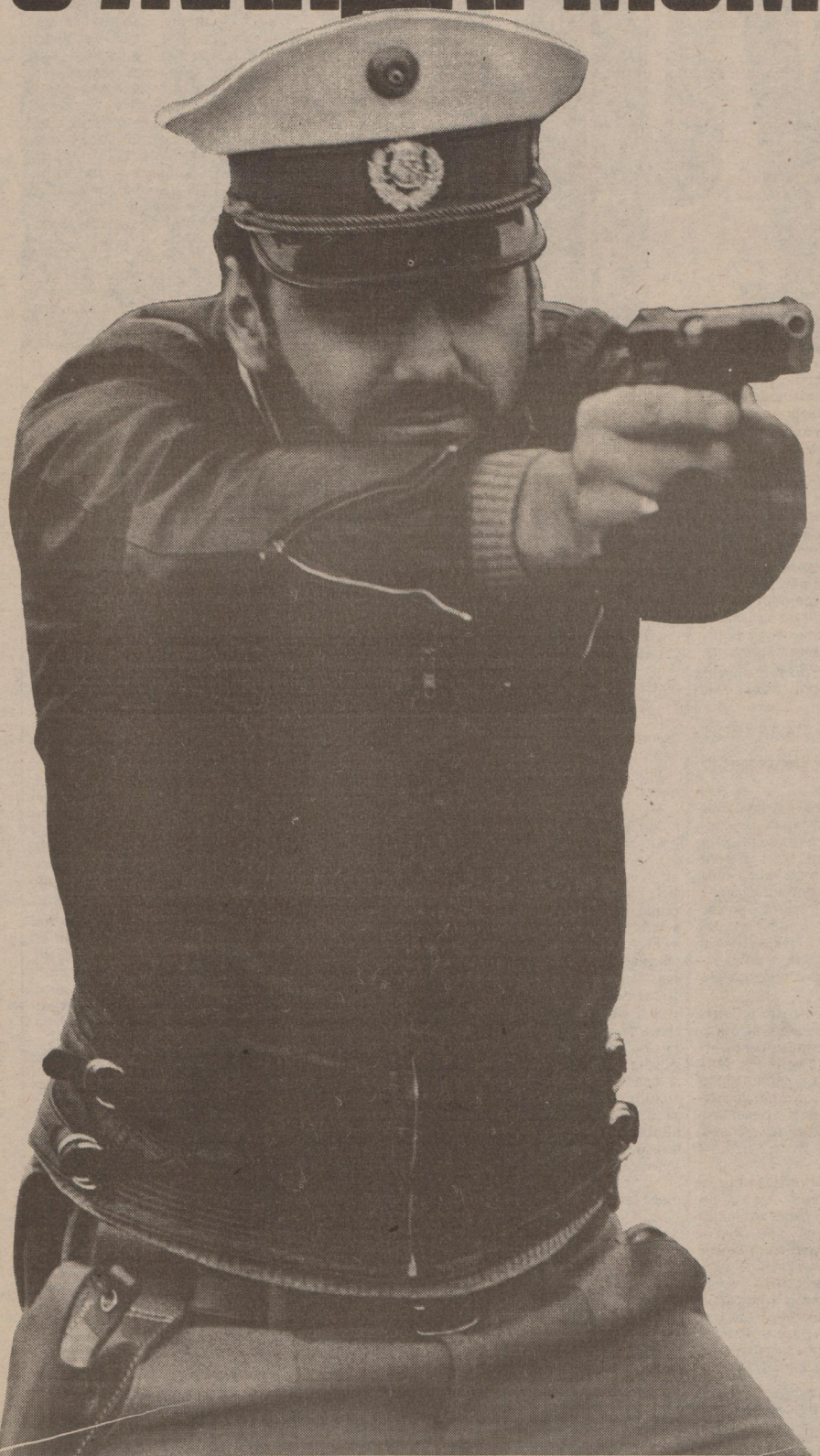
Ваши предложения на видеопубликации «Современно секретно» № 1, 2 (1991 г.) просим высылать по адресу: 119021, Москва, Зубовский бульвар, 4, ИАН, комната 6039, тел. 110-47-28

ПРОГУЛКИ С ЖАНДАРМОМ

Елена СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно секретно»

ПОЛИЦЕЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ба. Известно было, что там продавалось спиртное без соответствующего разрешения. Но доказать что-либо было сложно. Клиенты помалкивали, девочки часто менялись. Явиться туда в форме и наблюдать — бессмысленно, прийти тихонько в штатском и выведывать — запрещено законом. Как быть? И вот нашли остроумное решение... Установили рядом с домом пост и начали проверку машин, причем всех водителей предупреждали, что в «клубе» неблагоприятная обстановка, все может случиться и в этом случае им придется выступить в роли свидетелей. Практически все разворачивались и уезжали. Кому же хочется официально признаться, что ходит к проституткам? А заведение, лишившись посетителей, закрылось.

Как-то раз мы с Улли заехали к Хаймо в жандармерию. Было любопытно увидеть управление изнутри. В достаточно просторных комнатах размещаются 24 сотрудника. На всех шесть автомобилей плюс один мотоцикл. Компактные «фольксвагены» сейчас заменяют на японские «субару», более приспособленные для гористой местности. Машин на всех хватает, как и бензина, впрочем. После дежурства можно принять душ. Есть кухня с электроплитой. Обедают обычно в кафе, благо всевозможные закусочные и рестораны здесь на каждом шагу.

Недавно Хаймо Путц принимал участие в расследовании любопытного дела. Один человек бросил работу и занялся своеобразным бизнесом. Используя прежние контакты, он приобретал в кредит различные инструменты и оборудование. При этом он сообщал несуществующий номер счета. Набрал он изделий на 360 тысяч шиллингов и понемногу реализовывал их за полцены. Это продолжалось четыре месяца. Фирмы забили тревогу, так как счета возвращались неоплаченными. Однажды один из продавцов увидел машину мошенника у ресторана и тут же позвонил в жандармерию. Местного «Бендера» задержали. За две недели следствие было завершено, две трети инструментов удалось вернуть обратно. Попутно раскрыли и три грабежа, совершенных тем же любителем легких денег.

В одну из пятниц, когда Хаймо удаётся помянуть дежурством с сослуживцем, мы садимся в машину и отправляемся в Вену. До столицы чуть больше двух часов езды по отличному автобану. Останавливаемся в Коллинг-хаус — студенческом общежитии, на время рождественских каникул превращаемом в гостиницу. Это самый центр, буквально рукой подать до знаменитого рынка, где выставлены напояз матово-желтые бананы и кроваво-красные апельсины, где сочится свежестью десяток сортов маслин и нежатся на зимнем солнце неведомые мне тропические плоды, переливаются бесчисленные сорта сыра, соседствуя с сухими винами известных марок. Настоящий восточный базар в центре Европы — куда до него Центральному рынку с нагло-безразличными физиономиями дельцов.

Хаймо когда-то учился в Вене и любовно показывает нам улицы праздничного города. Наш жандарм отнюдь не выглядит провинциалом, дорвавшимся до столицы, наоборот, лучшего экскурсовода еще поискать.

Поздним вечером мы сидим за импровизированным столом в номере, пьем крепкое темное пиво и представляем себе нашу будущую встречу в Москве. В

открытое окно врывается невыносимый визг полицейской сирены. Нить разговора прерывается, и ночь замирает.

— Как ты относишься к преступникам? — спрашиваю Хаймо, когда сирена растворяется в городе.

— Пытаюсь понять, — говорит он.

— Ты веришь людям?

— Верю, хотя на моем месте эту веру легко потерять. Как-то я допрашивал парня, который обвинялся в нанесении телесных повреждений своей подруге. Она была беременна. Собственно, это был не допрос, а очень долгий откровенный разговор. Много часов мы сидели друг против друга, и мне казалось, что он взял судьбу в свои руки. Он плакал, душа его была открытой. Так я думал. А потом, спустя три-четыре года, он уехал в Вену, и я прочитал в газете страшную историю. Речь шла именно об этом парне. Он жил с молодой женщиной, у которой был маленький ребенок. Однажды они лежали в постели, а малыш плакал. Мешал. Мать и не думала встать. Тогда встал он и... начал бросать ребенка об стену. Он делал это до тех пор, пока ребенок не успокоился навсегда. Самое страшное, что они еще два-три дня жили в этой квартире, спали, ели, а рядом лежал мертвый ребенок... Когда я узнал об этом, неделю не мог прийти в себя. Я был нравственно уничтожен, просто не знал, как жить дальше.

— Выходит, ты в нем ошибся?

— Выходит, так. Нельзя заглядывать в чужую душу.

— И все-таки ты не озлобился, не разуверился в людях?

— Если это когда-нибудь случится, я уйду из полиции.

По воскресеньям он вместе с семьей ходит в церковь. Достает молитвенник, и его голос сливается с голосами других прихожан. Дивно звучит орган. Что может быть светлее утренней службы?

А потом началась война в Персидском заливе. Американские корреспонденты уже ночью начали передавать сообщения в живой эфир. Я впервые в жизни видела войну, как она есть, слышала ее голос. В каждом доме работал телевизор, в каждой машине приемник был настроен на военную волну.

Персидский залив — Прибалтика. Прибалтика — Персидский залив. Шел январь 1991 года.

Наш маленький австрийский праздник кончился. Надо было лететь в Москву. В полукилометре от аэропорта на шоссе стояли заслоны, и машины медленно проползали мимо бравых автоматчиков. Защита от террористов... Некоторые послушно съезжали на обочину.

Перед выходом на летное поле прогуливался автоматчик. Моя четырехлетняя дочь послушно протянула для досмотра мягкую куклу и одежду для Барби.

Пора было переводить часы на московское время.

© Е. Светлова, 1991

Редакционные телетайпы отстучали: «Фрунзе. 17 августа (ТАСС). Сегодня отсюда в Москву отбыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Он принимал участие в торжествах, посвященных вручению ордена Трудового Красного Знамени городу Фрунзе. В аэропорту К. У. Черненко провожали первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев...»

В аэропорту Фрунзе «Манас» Черненко действительно провожали Усубалиев и другие официальные лица. Но проводы эти были вовсе не 17 августа, а двумя сутками раньше.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

СЕКРЕТНЫЙ ВИЗИТ

В среду, 15 августа 1979 года, все перекрестки по аэропортовой трассе в Алма-Ате были с утра запечатаны милиционерскими мотоциклами и «луноходами» (так клиентура патрульных машин называла их за тихую скорость ночных объездов укромных закоулков и скверов). Прибавилось и молодых людей в штатском. Оцепление не сомневалось: прилетает сам Брежнев. У кого-то новость вырвалась по рации в эфир. Ее приняли машины аварийных служб, «скорой помощи» и такси. Слух скользнул во все районы города и моментально стал всеобщим. И вот уже весь город бросился не на центральные магистрали приветствовать высокого гостя, а по продовольственным магазинам, потому как в каждый приезд Брежнева прилавки полнились почти сказочно.

Однако на правительственной стоянке в аэропорту знали, что прилетает не Брежнев, а его «альтер эго» — Константин Устинович Черненко. Он не бывал в Казахстане сорок девять лет. С начала 30-х, когда ему довелось служить в войсках ОГПУ, стоявших, как известно, от «обычной» Красной Армии особняком. До службы в ОГПУ молодой Черненко уже вкусил сладость руководящей работы, правда на районном уровне, — заведовал отделом пропаганды и агитации в Новоселовском райкоме комсомола Красноярского края.

Накануне Черненко сообщил по ВЧ Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву, что летит в соседнюю Киргизию (туда, к слову, на отдых с рыбалкой на озере Иссык-Куль, бывало, наведывался из Финляндии Урхо Кекконен; Хрущев мечтал превратить Иссык-Куль в «мировую жемчужину») — вручать Фрунзе орден Трудового Красного Знамени, а потом завернет в Алма-Ату.

После Хельсинкского совещания 1975 года, где Черненко отнеслись Громыко и окончательно сделался Первосоветником генсека, он стал явно предпочитать кабинетным бледным самым дальние воюки. Его неспроста заносило то в Данию, то в Грецию. Везде Черненко старался понравиться и запомниться. Болгары под руководством дальновидного Тодора Живкова готовили для вручения Черненко орден Георгия Димитрова. О

наградах Константину Устиновичу хлопотали и другие зарубежные друзья.

С возрастом у людей охота к перемене мест обычно затихает. У Константина Устиновича напротив. Маршруты и планы поездок внутри страны он тоже строил продуманно. Так, чтобы не распылять даром собственных сил, но и не казаться тяжелым на подъем. Седьмой десяток все-таки... И он бодрился не духом единым — всеми средствами отечественной и мировой медицины. Верил, что его гепатит лишь хронический, но никак не цирроз печени — заболевание, которое медики квалифицируют как расплату за обильные общения с Бахусом.

С заведомой предсмотрительностью Черненко усиленно «крепил связь с массами», для чего собрал в Красноярске верных ему людей — сотни аппаратчиков Сибири и Дальнего Востока. Выводы формулировал уже как ПЕРВЫЙ человек партии и государства. Чтобы его не истолковали правильно, на всякий случай призывал глубоко изучать воспоминания Брежнева «Малая земля», «Возрождение», определяя их «содержательным учебником политической мудрости, сокровищницей партийного опыта». Что на подходе еще один шедевр — «Молдавская весна», где устами Брежнева Черненко объявляется единственным достойным ПРЕЕМНИКОМ генсека, скромно помалкивал, помня о том, что история не любит, когда ее подталкивают в спину.

В поездках по стране помимо родных, красноярских мест нацеленно выбирал еще и те, где судьба осаждала его пожизненной дружбой с Леонидом Ильичом. Летал в Молдавию, в свой избирательный округ — Кишиневский-Ленинский, и там заручался сердечными приветствиями дорогому, зная: тому будет очень приятно слышать, что о нем помнят, его уважают, его любят.

И вот теперь — Казахстан. В приезде Черненко явно было нечто большее, чем желание вручить орден Красного Знамени «родной» погранзаставе Хоргос. Никаких случайностей в дворцовой политике нет. Будущему хозяину лучше один раз самому глянуть, чем сто раз услышать. Тем более что даже ВЧ не гарантирует соблюдения тайны. При Брежнев об этом помалкивали, а с приходом Андропова телефонистки спецкоммунатора перед началом разговора уведом-

ляли об этом открыто. И вручение награды погранотряду, как и поездка во Фрунзе, не более чем ширма, из-за которой можно разглядеть очень и очень многое.

Во Фрунзе Черненко все проделывал с несвойственной ему торопливостью. Возложил цветы к памятнику Ленина. Вручил орден Трудового Красного Знамени. В темпе посетил Выставку достижений народного хозяйства и на Аллее дружбы народов «посадил» дерево. Было видно: поспешал, хотя и старался казаться степенным.

...Наконец — показался серебристо-синий Як-40. Лету от столицы Киргизии всего-то минут сорок, езды «Волгой» не более трех часов, а на «ЗИЛе» или «Чайке» и того быстрее. Места живописные. Но, выбрав самолет, Черненко дал понять, что его интересуют вовсе не ландшафты.

Подали трап. Открылась овальная дверь. Понесли цветы.

Их Черненко с холодною улыбкой, мгновенно пробежавшей по тонким бесцветным губам, передал, как банный веник, кому-то из сопровождавших. Руки Константин Устинович пожал всем. Его холодная ладонь была вялой. Испарина выступала на желтоватом лбу, а маслянистые глаза полнились озабоченностью, будто ему предстояло не орден заставе вручить, а по меньшей мере объявить из Алма-Аты войну Соединенным Штатам.

В ту пору меж членами Политбюро существовал обычай мужского поцелуя. Гостю сия церемония была противоположена. Тщательно скрываемая астма могла обернуться удручающим кашлем. Импортный ингалятор снимал на жару затруднения с дыханием. Этот мини-приборчик, прикрыв в ладони, Черненко незаметно подносил ко рту. Жадным полудыхом втянув целебной аэрозоли, снова прятал таким же ловким движением свою штучку в боковой карман. Казалось: какой-то миг он рассматривал в ладони то ли зажимал, то ли брелок. У каждого могут быть свои маленькие слабости и даже странности.

Рядом с ним двигался, смущаясь своего высокого роста, только Кунаев. Остальные шли, почтительно поотстав.

До вылета на заставу (я тоже был определен в сопровождающие) Черненко долго беседовал с Кунаевым. При пол-

ной откровенности собеседники могли бы одарить друг друга интересными сведениями. Константин Устинович, например, мог бы припомнить октябрь 1930 года. Он был тогда новобранцем в учебном эскадроне Джаркентского погранотряда. Эскадронным командовал И. С. Головин, позднее полковник в отставке. О нем впервые я услышал в начале 60-х годов, будучи в чехословацком городе Брно в качестве сотрудника «Алматинской правды». В конце Великой Отечественной Головин был военным командантом этого города.

Как свидетельствует боевой дневник погранотряда Хоргос, с помощью учебного эскадрона из Джаркента (ныне город Панфилов) недалеко от границы была остановлена «откочевка более ста семей казахов с их имуществом и скотом». Реляция из погранотряда Хоргос была победной: сопроводившая кочевку «банда наголову разбита».

Предгорье границы с Китаем, река Хоргос, места — хоргосские, чунджинские, джаркентские — хорошо знакомы мне по журналистским командировкам. Наслушался от уйгурских, казахских, русских старожилов такого, что хватит для раздумий на полжизни.

В 30-е годы в приграничье действительно орудовали шайки контрабандистов и уголовников. Но они не имели ничего общего с казахскими крестьянами-шаруа. Время для местного населения было жестокое. Особенно для казахской, уйгурской, дунганской бедноты. Кремлевский наместник Голощекин с большим рвением и даже сладострастием осуществлял в Казахстане сталинский план коллективизации одновременно с переводом кочевников на оседлость. На его языке этот процесс назывался «коренизацией» местного населения. Массовые репрессии усугублялись невиданным голодом. В начале 30-х, при Голощекине, возглавлявшем крайком партии, Казахстан потерял более четырех миллионов человек — половину всего казахского населения.

Иные истории в своих сиятельных трудах о полной победе колхозного строя в Казахстане, определяя «откочевку в Китай» как «одну из специфических только для этих мест форм борьбы наших врагов с колхозным строительством», называли беженцев бандитами. В

Китай же уходил от репрессий и голода в надежде когда-нибудь вернуться к священным могилам предков. С родных мест снимались семьями и целыми аулами.

В тот октябрьский день 1930 года откопавка состояла из «более ста семей казахов с их имуществом и скотом». По прикидкам старожилов приграничья, это более полутысячи человек, не считая сопровождающих, поименованных в «историческом формуляре» бандой. Без пулеметного огня «наголову разбить» банду невозможно. В пленных ОГПУ не нуждалось.

Пулеметчиком в тот день был молодой Черненко.

Службу он постигал с натугой, но из пулемета стрелял метко. Под Красноярском, в селе Большая Тесь, некогда богатом охотничьим промыслом, на мазил смотрели с немалым презрением. Белке в глаз юному Костыльку попасть было слабо, но в ОГПУ получили «братья» живые мишени размером куда крупнее, в чем и преуспел пулеметчик Черненко.

Не думаю, чтобы наедине с Кунаевым Черненко развспоминался о службе в ОГПУ. Но кое-какие «водные» он, видимо, давал, рассчитывая в ближайшем будущем видеть себя в новом качестве. Важно было укрепить свое реноме и в ретроспективном плане.

К тому времени Константин Устинович уже прочто занял место Главного Советчика при Брежнев. Напомню, что по инициалам и в силу специфики своего положения Черненко удостоился «титла» Кучер. Седоком же был, разумеется, доверчивый, охочий до жизненных радостей и блестящих наград Леонид Ильич. Десятилетия служебного братства с Черненко так и не дали ему ощущения, что тот распоряжается им, Седоком. Десятилетия власти в конце концов привели Кучера, перед которым заискивали даже Суслов и Пельше, к естественной мысли: а не пора ли легализоваться?

Не эту ли мысль и привез с собой Константин Устинович в Алма-Ату на тайную апробацию? Неспроста же Кунаев обронил тогда при мне, своем помощнике: «Лечу в Чунджу посмотреть на будущего генсека!»

...В четверг, 16 августа 1979 года, я занял место в конце салона и на четверть не заполненного самолета. Летный экипаж, обливаясь потом, сел в свои кресла, проверил связь. От синих гор до дрожащей линии горизонта степь исходила в жарком мареве. Ждали Черненко с Кунаевым. Негромко обсуждали трагическую весть. Из Харькова сообщили: там по халатности авиадиспетчера столкнулись под углом 90 градусов белорусский и молдавский самолеты. Погибли 47 геологов и футбольная команда «Пахтакор».

Под такие грустные разговоры на аэродром вместо Кунаева вдруг прибыл Предсовмина республики Ашимов. Мне было приказано отдать Ашиму копию речей и распорядок церемонии вручения ордена заставе и предполагавшихся встреч, расписанной поминутно, что я, мгновенно распечатав портфель, и сделал.

А с Кунаевым, как оказалось, приключилось нечто странное. После долгих бесед с Черненко его, пребывавшего в отменной физической форме, уже поутру одетого, так зажал приступ в дверях загородной дачи, что, по словам начальника охраны, «аж пот на лбу выступил». В уже поданный к крыльцу черный «ЗИЛ» Кунаев сесть не смог — каждое движение отдавалось мучительной болью.

После короткой пробежки самолет взмыл в знойное семиреченское небо.

Жаряща на «заставе молодости» была адова, а в клубе, где предназначалось слушать просветляющую душу речь, дышалось, как в пекле. На открытый воздух перенести встречу Черненко не мог: не Кастро, как говорить без трибуны, без микрофона, без графина с водой?

Накануне приезда почетного гостя на заставе навели марафет. Домики заново отштукатурили и побелили. Разрисовали на плацу белые линии. Выкрасили в снежный цвет бордюры. На окнах сменили занавески, не успев даже кое-где сорвать бирки с обозначенной на них

ценой. Красиво зацементировали дробленой плиткой три широкие парадные ступени. Заготовили несколько саженцев, чтобы один из них, на выбор, «посадили» в память о своем пребывании на заставе бывший однополчанин.

Дерево Константин Устинович «посадили», хозяйство осмотрел, отстраненно прочел четкий лозунг над трехстворчатыми дверями главного дома: «Отличная служба — твой долг, воин границы!».

Испытание всем Константин Устинович задал крепкое. И прежде всего себе. Застегнутый на все пуговицы, при туго завязанном галстуке, да еще под белугольным жаром киносьемочных юпитеров (съемка велась не для программы «Время», а для Истории), он медленно читал заведенные на заставу из Москвы через Фрунзе и Алма-Ату машинописные странички.

Выступал долго. Дикция была едва ли лучше, чем у Леонид Ильича.

Из читанного слушатели (многих клоино в сон) уяснили главное: не будь Хоргоской заставы, страна не получила бы крупнейшего партийно-государственного деятеля. Вручающий орден напомнил, что именно тут его приняли в партию, а затем избрали «секретарем партийной организации».

«И с тех пор смыслом и содержанием всей моей жизни стала партийная работа», — скромно признался оратор, не отрываясь от текста.

Одолов текст, 68-летний оратор приключился к отрядному знамени орден. Все с нескрываемой тревогой посматривали на однополчанина, готового упасть в обморок от усталости и жары. В напряжении застыли медики. Была наготове реанимационная аппаратура. Однако все обошлось.

В тот же день, отведая на дорогу пограничного кулеша, Черненко отбыл с заставы.

Через два дня газеты СССР сообщили, будто бы Черненко улетел из Фрунзе прямо в Москву. Редакционные телетайпы так и отстучали: «Фрунзе. 17 августа (ТАСС). Сегодня отсюда в Москву отбыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Он принимал участие в торжествах, посвященных вручению ордена Трудового Красного Знамени городу Фрунзе. В аэропорту К. У. Черненко провожали первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев...»

В аэропорту Фрунзе «Манас» Черненко действительно провожали Усубалиев и другие официальные лица. Но проводы эти были вовсе не 17 августа, а двумя сутками раньше.

Трюк с легендой-прикрытием, где Алма-Ата и «родная заставка» не упоминались, нужен был Кучеру для полной тайны своего неожиданного визита в Казахстан и долгих бесед там «с глазу на глаз». Визит не откомментировали даже на всезнающем Западе. Сбитые с толку алма-атинцы дивились на базарах: «Странно! Леня прибыл, а в магазинах шаром покати!..»

ЗА КУЛИСАМИ

Седок и Кучер понимали друг друга с полуслова. По каждому поводу Леонид Ильич спешил знать мнение Константина Устиновича, не полагаясь на свое. Черненко знал все. С его осведомленностью не мог сравниться никто.

Коллегиальность Политбюро была истинной в той степени, в какой это хотелось Кучеру, чтобы замаскировать его откровенный диктат. Безостановочный конвейер «производства» документов Политбюро в епархии Черненко девальвировал их еще до принятия. В 1978 году, например, Политбюро заседало 49 раз. Рассмотрено 591 вопрос. Кроме того, 3540 решений принято «оперативным голосованием». А всего 4162 постановления. И так из года в год.

Мерилом эффективности заседаний Политбюро, пленумов Черненко сделал не проблематику, а регламент. На нужные оттенки в речах указывал сам.

Вот как выглядела его директива по

ВЧ в канун XXV съезда Кунаеву: «Речь давай ровно на 18 минут. Про француз не говори. Черт с ними. Все равно Марше не едет. Китай — трахни!».

С Китаем отношения тогда оставляли желать лучшего, а ФКП и ее глава Марше, не таясь, выступили против формулировки «диктатуры пролетариата» у себя во Франции, полагая это понятие историческим анахронизмом, и против хронических «нарушений прав личности в СССР». Дабы заманить Марше на съезд («присутственная» цифирь была главным критерием), Брежнев с благословения Черненко выставил на переговоры французского своего давнего соратника Кирилленко. Это ему Леонид Ильич, отбывая в 1950 году в Молдавию, отдал ключ от кабинета первого секретаря Днепропетровского обкома партии. У Брежнева Черненко и Кирилленко ходили в самых толковых. Но уговоры чрезвычайный и полномочный представитель генсека провалили.

Идея тандема и Суслова выдирать французам за неприятие «диктатуры пролетариата» рухнула. Из проекта съездовского доклада Брежнева спешно выдирались куски.

Д. А. Кунаев радовался: «Как они его? А? Остро и шекотливо!» — попутно заметив, что из проекта доклада Брежнева повылетали кое-какие видные персонажи по союзным республикам. Это косвенно, но достаточно ясно свидетельствовало: заботы Черненко о «ротации» руководящих кадров первого эшелона не были абстрактными.

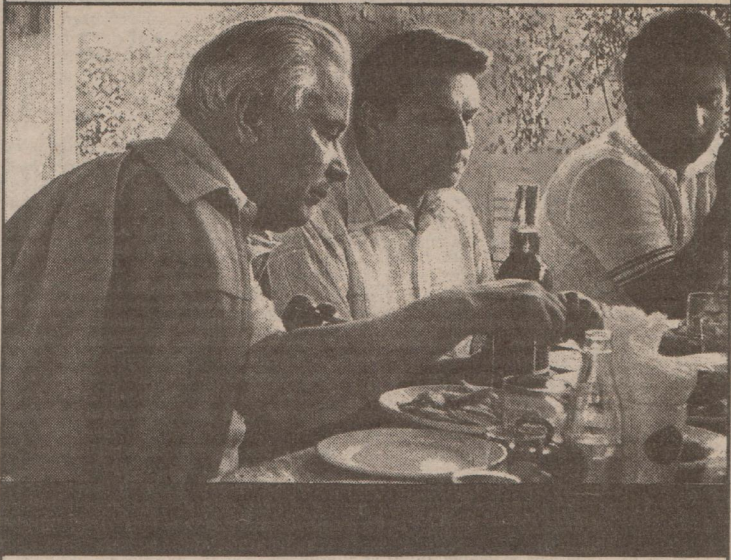
Семнадцать лет держал Черненко Кунаева под колпаком, но и Д. А. знал истинную цену желаний и акций Кучера. Если не всех, то очень многих. Заискивал ли перед ним Д. А.? Нет, не заискивал, как это делал даже Суслов. Но и не фрондировал, принимая все как фатальную данность, когда единственно возможным средством противодействия диктаторской верхушке был тихий саботаж. Если Брежневу это, в сущности, было безразлично, то Черненко старательно и впрок копил любой «компромат», не от-

сте, на посту же Предсовмина он, несомненно, оказался бы не в своей тарелке. Ни Громыко, ни Андропов, ни Кунаев не попали в число тех, кого Черненко удостоил дарственным автографом на «своей» книге «Год после Хельсинки».

Не получил Д. А. и творения Черненко «КПСС и права человека», а также других томов, коих под шум о писанинах своего патрона Кучер наиздавал в общей сложности на 13 (тринадцать) тысяч «составительских» и «собственных» страни, претендуя тем самым на предствительство в знаменитой Книге Гиннесса.

Кстати говоря, до поездки Черненко в Казахстан никакой литературы о его боевом прошлом не существовало. После поездки такая литература появилась немедленно. Отыскалось и групповое фото, где среди людей в строгой форме «воинского слева» был Черненко. Известно: худо-бедно, но Брежнев на «Малую землю» все-таки вытянул фактами своей военной биографии, пусть даже и неверно, но приукрашенной. У Черненко же не получалось ни «Малого Хоргоаса», ни «большого». Даже при всем старании угодников всех рангов и мастей. Не потому ли Кучер к 70-летию Кунаева в 1982 году сделал все, чтобы тому не была пожалована третья Золотая Звезда? При этом Константин Устинович с изумительной теплотой поздравил юбиляра Кунаева, отправив в Алма-Ату нешифрованную телеграмму, чтобы все, начиная с сотрудников почтамта, знали: с орденом. До обеда Кунаев был кавалером ордена. И лишь к вечеру стал кавалером третьей Золотой Звезды, когда ее пожаловать ему распорядился сам Седок. Видимо, расчетливый Кучер решил уступить, дабы в колоде держать козырь — «о личной нескромности».

Потеснив Громыко, Черненко принял-ся за Суслова. Тот уступил благоразумию. Некурящий Михаил Андреевич, чьей страстью были неперенные вечерние прогулки на свежем воздухе, понимал: совать тлеющий окуроч в бочку с

торгая при этом оказываемых ему знаков внимания как на Старой площади, так и на дому — по улице Большой Бронной, где жена его, Анна Дмитриевна, благосклонно принимала скромные дары не только из солнечного Казахстана. Беседы «с глазу на глаз» в августе 1979 года Черненко тоже запомнились. Их он положил за пазуку большими камнями — до поры до времени...

Однако явные признаки неудовольствия закулисного диктатора обнаружались еще раньше. После Общевсероссийского совещания в Хельсинки Черненко взял бразды внешней политики в свои руки. Он попытался сдвинуть Громыко в Совмин, но тот от лестного предложения отказался: в МИДе Громыко, многоопытный и эрудированный, был на ме-

порохом опасно. Полагая себя главным хранителем твердынь ленинизма, он еще при жизни отдал Черненко немало из сладкого бремени духовно-мировоззренческого лидерства. А уж после его смерти сам бог велел Константину Устиновичу во всю силу развернуться в официальной трактовке великого учения. Идеологическое шаманство и лицемерие насаждались им со сладострастной настырностью полуграмотного фанатика.

Из года в год Черненко освещал факелом истины горизонты и закоулки всего сущего, что в былые времена было исключительной прерогативой Маленкова, Жданова, Берия, самого Иосифа Виссарионовича. Вот всего несколько его капитальных воззрений: «Работать для народа и вместе с народом — ленинская

традиция КПСС» — 1979 год; в том же году выходит труд «Ленинский стиль работы и коммунистическое воспитание трудящихся»; в 1980 году — «За ленинский стиль в партийной работе»; в 1981 году Кучер поднимает планку еще выше — «Ленинская стратегия руководства». Затем, в 1982 году, обращается к теме «Плодотворность ленинской дружбы народов».

Капитальным был его доклад к 111-й годовщине со дня рождения Ленина. Доклад назывался «Свершая с Лениным, действуя по-ленински». В нем решения XXVI съезда объявлялись «ленинской стратегией партии», а сам докладчик рьяно ратовал «за ленинский стиль в работе». Опираясь на очередную цитату из Ильича, убежденный изоляционист и догматик, отовсюду изгонявший любую критику и живое слово, менторски проповедовал: «Критичный, самокритичный подход к делу — необходимое средство против застоя».

Казалось ли ему, что при бесконечном и неустанным повторении во всех падежах слова «ленинский» дело, о котором твердили громкозвучно со всех трибун, тоже непременно станет таковым? Скорее всего, нет. Ибо Ленина он знал по расхожим цитатам, ритуальным возношениям венков к Мавзолею и памятникам. Зато с удовольствием подбросил Брежневу идею, чтобы тот подписал Ленину партийный билет нового образца № 00000001. Брежнев охотно ухватился за это предложение. 1 марта 1973 года билет Ленину был подписан генсеком в присутствии Черненко. Константин Устинович позаботился и о том, чтобы запечатлеть для истории этот волнующий момент. Черненко в тот момент выглядел повнушительней патрона. Он стоял над Брежневым, упреждая кривящие кулаки в окончательность генсека стола, и на полусумрачном лице его было выражение отнюдь не исполнителя, а творца. Брежнев закрыл толстопапой рукой ленинскую фотографию, чтобы поудобнее вывести каждую букву своей фамилии на госянковой страничке партийного билета. Заготовь Кучер билет на имя Плеханова, Карла Маркса, Ласалю или Кропоткина, Брежнев оставил бы свою подпись с меньшей старательностью. Как на всем остальном, что ему каждодневно подносил белоголовый клеврет. Громадную фотографию, а также историческую авторучку Константин Устинович повел передать в Музей В. И. Ленина, где эти драгоценные реликвии и заняли подобающее место.

К слову сказать, это была авторучка американской фирмы «Паркер», о чем ясно говорили выбитые на ней литеры. Отечественные ручки не нашлось, поскольку Черненко с 1965 года для генсека и его окружения (Кунаеву тоже кое-что отряжалось) приобретал исключительно лишь импортную оргтехнику — из Японии, ФРГ, Италии, США. Однажды ведомство Андропова обнаружило в крупной партии товара искусно вмонтированные записывающие и передающие микроустройства. Экстренная ревизия убедила в том, что и тут Запад, несомненно, лидировал.

Однако не все танцевали под дудку Константина Устиновича. Одним из немногих, перед кем пасовал Кучер, был Юрий Владимирович Андропов. Вовсе не склонность Андропова писать стихи или ходить, как Дзержинский или Киров, на службу пешком заставила Черненко после смерти Брежнева сделать почтительный шаг в сторону и предложить Ю. В. на пост номер один. Андропов обладал не только запасом личной порядочности, компетентностью и неординарной биографией, но и избытком достоверных сведений, за исключением которых иные дали бы много. К тому же, предлагая от имени Политбюро кандидатуру Андропова, Черненко более чем подробно был осведомлен о безрадостном состоянии здоровья будущего генсека. И — не ошибся. История отпустила на андроповский период всего 15 месяцев. Из них немало дней и ночей Ю. В. провел среди медиков, а высшими делами управлял по-прежнему белоголовый соратник Брежнева.

ЗАГАДКА ТАШКЕНТА

Фраза «Лечу в Чунджу смотреть на нового генсека» была сказана Кунаевым в августе 1979 года, но мысли о партийно-державном престоле наверняка посещали Черненко и ранее.

Так оно или не так, утверждать не берусь, с определенного момента с Брежневым начали происходить удивительные истории, о которых нынешние мемуаристы предпочитают не распространяться.

В ноябре 1976 года Суслов настаивал Кунаева по поводу предстоящего 70-летия Брежнева: «Сувенирами не увлекаться. Статьи в журналы и газеты не писать! Фотографий и портретов не печатать! Если что-либо сделали из подарков большое, в Москву не везти. Поставить где-нибудь в Доме культуры. Написать: «Сделано в связи с 70-летием Л. И. Брежнева». Речь давай на полторы страницы».

Суслов требовал экспонировать дары юбилею где-нибудь. Он никогда не оговаривался, горячки и отсебятины не порол. Согласование считал наивысшей мудростью.

За пару лет до юбилея, 6 января 1974 года, некто С. доносил о заговоре. Настаивал, чтобы об этом немедленно сообщили в Политбюро. На пизика не смахивал. Параллельно из Москвы дали знать о письме, поступившем на официальном бланке, с которым не шутят: в Алма-Ате сколочена группа в целях покушения на Леонида Ильича. Назывались конкретные фамилии. Из Москвы срочно прибыл человек.

В январе того же года к подписчикам поступил первый номер республиканского литературно-художественного журнала «Простор». Как докладывалось на совещании в ЦК КПСС, напечатанный в нем роман Форсайта «День Шакала» афишировал террористические методы покушений ОАСовцев на глав государств. Давались рецепты: «...на винтовке будет стоять глушитель, никто не услышит выстрела... Даже если первая пуля попадет в висок... надо иметь в запасе минимум несколько секунд и успеть скрыться, прежде чем заметят, с какой стороны стреляли... Лучше запастись разрывными пулями... С глицерином или ртутью?.. Пожалуй, с ртутью. Гораздо аккуратней получается... при стрельбе по неподвижной живой мишени со ста тридцати метров... Имея оптический прицел, можно не беспокоиться».

Надо было обладать роскошнейшим воображением, чтобы поставить знак равенства между переводом с английского самого заурядного детектива и настоящей инструкции, но постановление по «Простору» собственноручно подписал Суслов. Показав мне его подписи, Д. А. озоботился.

Стрельба по машине Брежнева, въезжавшей в Боровицкие ворота Кремля. Толкавали, будто огонь открыл офицер, приехавший в Москву на переподготовку. Одни называли его пограничником, другие — армейцем. Так кто же это был?

И другая тайна. На лестничном марше, устроенном ковровой дорожкой, по которой Брежнев спускался в Кремлевский дворец, не оказалось металлических штырей, коими она прочно крепится к мрамору. Генсек оступился, потерял равновесие, но грохнулся не на затылок, как это вышло бы у любого другого на его месте, а на руку: фронтальная реакция все же выручила. Падение на затылок могло кончиться наихудшим образом.

В марте 1982 года Кунаев был приглашен на церемонию вручения ордена Узбекистану. В Ташкент вылетел Брежнев. В Ташкенте Брежнев посетил авиационное объединение имени Чкалова. В момент осмотра случайно обрушилась на генсека металлическая стремянка. Брежнев оказался поверженным на пол цеха. Все произошло в доли секунды. Охрана бросилась к пострадавшему, но только еще больше примяла его. Оказалась поврежденной ключница. Брежнев указал на до смерти перепуганного Рашидова: «Уби-и-ить меня хотел! Дима-иш, ОН убить МЕНЯ хотел!»

Рашидов то пунцовел, то делался мертвенно-пепельным.

В октябре он умер в Хорезме. Дважды Герою Социалистического Труда, кандидату в члены Политбюро с 1961 года, автору повести «Победители», романов «Сильнее бури» и «Могучая волна» было всего 65 лет. В ту пору официальная геронтология объявила достигших 70-летнего возраста «лицами среднего возраста».

А в ноябре 1982 года собрал на свои похороны всю планету Брежнев. Он не дождал до своего 76-летия чуть больше месяца.

10 февраля 1984 года Черненко прислал Кунаеву шифровку за своей подписью: «Соблюдать спокойствие, организованность, дисциплину. Объяснить, что Политбюро будет проводить политику, которую проводил до своего последнего часа Андропов».

Напуская на себя на погребальных церемониях печально-озабоченный вид, Кучер, конечно же, ликовал в душе: желаемая цель достигнута! Расчетливы и хитрый временщик полагал, что со вторым дыханием начнется у него вторая, нескончаемая жизнь. Он и предположить не мог, что из отпущенного ему судьбой земного срока всего лишь 12 месяцев и 25 дней выпадут на время пребывания его в самой высшей должности, которое станет тихим кошмаром для всей страны.

На седьмой день после похорон Андропова Черненко подтвердил Кунаеву готовность приветствовать из Москвы казахстанцев по случаю 30-летия освоения целинных земель. Д. А. вдруг страшно взволновался: «Не мало ли у Черненко в моем докладе?»

Ораторы «целинного» собрания хорошо поняли беспокойство Д. А. Поклоны новому генсеку были свыше 30 раз, как «выдающемуся деятелю нашей партии и государства, руководителю ленинского типа, отдающему все свои силы и способности на благо Родины и советского народа».

Первоцелинник Брежнев надежно ухитился в небетие. Не моргнув глазом, один из ораторов «целинного» собрания заявил, что жители Панфиловского района Талды-Курганской области «знают и помнят» К. У. Черненко с «пограничной заставы» и что уже тогда его «отличали умение зачать людей своей энергией, сплотить товарищей на труд и на подвиг». Другой оратор с немалым пафосом сообщал, что 19-летний Черненко «отважно сражался с бандитами и после одного из боев получил партийный билет». Цветными фотопортретами Кучера спешно украшали «подарочные» альбомы и сборники. В тепле снимался кинофильм. Дописывалась художественная сага на публицистическо-документальной подкладке о пограничной молодости Константина Устиновича.

По иронии судьбы общественный просмотр кинофильма о нем в Алма-Ате состоялся буквально за день до кончины главного персонажа. После смерти была вскоре издана и книга, но не в Алма-Ате, а ближе к родине Черненко — в Красноярске.

К тому времени я уже расстался с Кунаевым и не мог видеть, как он отнесся к финалу своего давнего опекуна.

Многогрудное жите Черненко завершилось 10 марта 1985 года на 74-м году жизни.

После кончины Константина Устиновича его вдова, Анна Дмитриевна, передала в дар погребальное Хорго от имени семьи покойного импортный радиоконбайн убопомрачительной стоимости. Заглушает ли и сегодня музыка память о дробном перестуке пулеметных очередей, раздававшихся над казахской землей возле границы в октябре 1930 года, и о том, что случилось десятилетие спустя?

ПОЧТА
«СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО»

В последние годы в газетах и журналах обнародованы сотни (может, тысячи) больших и малых злободневных, глупоаналитических, острых статей о взыточках, коррупции, рэжете, мафии и т.п. Но, к сожалению, мало кого они останавливают. Взятки, хищения (мелкие, крупные, особо крупные) и т.п. — все это нарастает как снежный ком.

Читал, что в США на взяточников весьма обидчивое воздействие оказывает право работников федеральных и местных властей выдать себя за «простых» граждан и тем самым спровоцировать любое должностное лицо (от конгрессмена до полицейского) на получение взятки.

Нечто подобное, знаю, существует и в других ПРАВОВЫХ государствах. А ведь это будет самый эффективный, простой и вполне реальный способ борьбы со взяточничеством и у нас в стране.

Поэтому предлагаю разработать соответствующий закон и смело применять его у нас для тотального выкорчевывания взяточничества.

Понимаю, что предложение мое пока не укладывается в рамки наших обычных представлений. Возможны и серьезные возражения: мол, провокация взятки, по существу, является подстрекательством к совершению этого преступления, за которое устанавливается уголовная ответственность.

Можно возразить и в том смысле, что провокация безразлична.

А если узнать через печать общественное мнение по этому вопросу? Мнение редакции? Уверен, что подавляющее большинство граждан поддержит предложение.

Александр МИХНО,
инженер
Ставропольский край

С большим интересом прочел интервью Дмитрия Лыханова «Люди из Мавзолея» (1991. № 1). Но я бы дополнил эту публикацию.

— А была ли Крупская в Мавзоле? — спросил корреспондент.

— Точных данных у меня об этом нет. — ответил академик С. С. Дебов.

Между тем ответ на этот вопрос есть.

Да, Н. К. Крупская не раз бывала в Мавзоле Ленина. Первый раз — 26 мая 1924 года, вместе с Д. И. Ульяновым. Бальзамирование почти закончилось, но доступ трудящихся в Мавзолей еще не был открыт. Отзвывая Н. К. Крупской и Д. И. Ульянова, вспоминал профессор-бальзаматор Б. И. Збарский, «всеядный в нас уверенность в успехе дальнейшей работы». Многолетний секретарь Н. К. Крупской В. С. Дриздэ вспоминает: «Надежда Константиновна бывала в Мавзоле редко, может быть, раз в год. Я ходила всегда вместе с ней». О том, что Н. К. Крупская в последний раз была в усыпальнице Ленина за несколько месяцев до своей кончины, в 1938 году, сохранились воспоминания сопровождавшего ее Б. И. Збарского: «Она взяла у Владимира Ильича и сказала: «Борис Ильич, посмотрите, он все такой же, а я стараюсь». Ей было тогда около семидесяти».

А. С. АБРАМОВ,
кандидат исторических наук,
автор книги «Мавзолей Ленина»

И СМЕРТЬ ЕЕ — СПЛОШНАЯ ЗАГАДКА

Напомним, что, согласно официальной версии, А.П. Георгиевская умерла 1 сентября 1990 года.

В.И. Мельников, заместитель директора МХАТа им. Горького:

— 28 августа мы привезли Георгиевскую с дачи. 29-го она звонила в театр — договаривалась о машине, чтобы съездить на дачу в ближайшие дни. В следующий раз с Георгиевской говорили 31-го, потом — 2 сентября. 5-го, в день открытия сезона во МХАТе, за Анастасией Павловной, как обычно, послали машину. Дверь она не открыла. Мы подумали, что это причуда, каприз — ведь Георгиевская была в театре на особом положении. Никакого волнения у нас не было: Анастасия Павловна, если что решила, так настоит на своем.

И все же в этот день я позвонил соседям, которые живут под ней. Они сказали, что слышат, как Георгиевская ходит по квартире, моется в ванной. Слышат, как двигает мебель.

7-го я собрал к ней на квартиру поход. Долго стучали. Мне даже показалось, что она подошла к двери, и я стал говорить: «Мы волнуемся, как вы себя чувствуете, пожалуйста, позвоните в театр или ко мне домой». Ответа не было. Я был в уверенности, что она просто не хочет с нами общаться. Поговорили с соседями — они опять слышали, что в квартире кто-то есть, ходит. Я оставил Георгиевской записку.

8-го я продолжал держать связь с соседями. Они подтверждали, что в ее квартире слышны движения.

Соседка из квартиры внизу:

У нас в доме сильная слышимость, и поэтому всегда известно, что происходит у соседей. Так, 6-го ночью я проснулась и услышала — Георгиевская принимает душ. Ну, думаю, готовится к началу сезона. Я еще почему запомнила: она пообещала, что, как сезон начнется, пустит рабочих — а то ведь капремонт во всем доме задерживали, мы даже в ее театр сообщали. Потом, в следующие дни, мы слышали, что в квартире кто-то бегает, двигает мебель, ходит. При чем — на каблучках, Анастасия Павловна в такой обуви не ходила по дому. Заместителю директора мы все это рассказывали и еще сказали, что газеты из ее почтового ящика вынимают. Это уже потом мы узнали, что брала их по ее просьбе соседка с пятого этажа.

Заместитель директора:

9-го я снова позвонил соседям. Говорят — ходит, слышим. Поехал на квартиру к Георгиевской. Проверил свою записку: вижу, лежит по-другому — значит, кто-то читал. Она, думаю. Опять стучу, звоню. С моей точки зрения, кто-то подошел к двери и 9-го. Было так: вначале подбегает собака — тявкает. Не могу сказать, что собака скулила, выла — просто тявкала. И — шаги... Если бы собака вела себя странно, я бы обратил внимание. Потом вышли соседи. Мы еще постояли, постучали — не открывают. Тут у меня начали зарождаться подозрения. Я решил поехать к Георгиевской на дачу — может,

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

История о том, как старейшая актриса МХАТа им. Горького народная артистка СССР Анастасия Павловна Георгиевская, скончавшись, оказалась забыта театром, которому верой и правдой прослужила многие десятилетия, была рассказана в газете «Известия». Она лежала, разлагаясь, в своей квартире, пока о ней не вспомнили перед очередным спектаклем, в котором она должна была играть. Коллектив театра опровергает точку зрения газеты.

Не наше дело быть судьей в этом споре. Нам интересно другое. Московский Художественный театр им. Горького направил министру внутренних дел письмо — с просьбой расследовать обстоятельства смерти народной артистки СССР А.П. Георгиевской. Что же до сих пор вызывает сомнение в этой трагической истории?

она там, а здесь оставила подругу? Приехал в Серебряный бор, но дача оказалась пустой. Сильно обеспокоенный, я вернулся в театр. И решил — надо действовать. Вскрывать? Я не решился. Дело в том, что соседи утверждали, что однажды ее квартиру уже вскрывали. Открыли — а она там, сидит... Ругалась страшно.

На следующий день, с утра, я начал звонить в милицию. Наконец уговорил. На 17 часов назначили встречу. Я позвал Ткачева — зав. отделом кадров, театрального юриста Бакунова, и мы поехали к Георгиевской. Стали решать, что делать. Все-таки вскрывать? А на каком основании? Из-за подозрений? Милиция сказала, что аналогичные случаи у них были и — только неприятности потом. Ломать дверь не решились — четыре замка. В общем, мы почти частным образом наняли людей, чтобы залезть в квартиру через балкон.

А.А. Бакунова, юристконсульт МХАТа:

— Я даже кричала: не бейте стекло, сначала постучите — мы были уверены, что она есть.

Заместитель директора:

— Передражали мы основательно — представьте, с балкона бы появилась Анастасия Павловна... Ох и было бы нам.

...Первыми в квартиру вошли специалисты. Дверь была не заперта, только зацеплена на верхний замок.

А.А. Бакунова:

— Выскочила маленькая болонка, очень доброжелательная, и прыгнула на руки к соседке.

Заместитель директора:

— Когда стало известно, что произошло несчастье, вызвали угрозыск, квартиру закрыли. Мы остались дежурить — ждать бригаду с Петровки. Они приехали только к шести утра. А около трех оперативники еще раз вскрывали квартиру...

В.Клементьев, артист МХАТа, поющий:

— Была полночь, мы ждали, когда приедут эксперты. Милиция находилась внизу, дежурный стоял на лестнице, а я ходил вокруг дома. И вдруг заметил, что в окне Анастасии Павловны горит свет. Вернулся через пятнадцать минут, гляжу — свет уже сильный, колебанием электричества это быть не могло. Показал заместителю директора. А через десять минут свет снова стал слабым. Мне даже показалось, что я видел тени, но это, видимо, была иллюзия. Позвали милицию и рванули туда. Почему-то в

прихожей был свет, хотя все стали утверждать, что свет был выключен. На плите горел газ, и на нем стояла кастрюля со свеклой. Милиция, которая была в квартире до этого, сказала, что все было выключено, когда квартиру запирали. Как это объяснить?

Заместитель директора:

— Я вошел вместе с милиционером на кухню. Он утверждал, что в первый раз газ проверял. Я потрогал. Кастрюля была теплая. Открыл крышку: свекла — не горелая, хотя воды уже нет.

В.Клементьев:

— Ну и поскольку открыли квартиру, то, не дожидаясь экспертов, начали описывать. На кровати всею лежали деньги, еще две пачки мы нашли на окне, случайно. Там было столько различных конвертов. Никаких же драгоценностей мы не видели. Конечно, это была поверхностная опись — мы не проверяли шкафы, не открывали закрытые тумбочки. Может, внутри что-то и было, но это уже дело нотариуса. Пока мы находились в этой комнате, я несколько раз оборачивался и смотрел на тело. Видел синее лицо, где трудно просматривались глаза. Было такое ощущение, что лицо как бы поднялось. Возможно, оттого, что очень спертый воздух нарушил свежим.

Заместитель директора:

— Я спрашивал, когда приехали с Петровки: как все это объяснить? И отчего труп в таком состоянии? Врач сказала — все было плотно закрыто, возможно, это произошло и за сутки-другие. Так когда же она умерла? Первого, как записали? С этим трудно согласиться. Я думаю, все же девятого...

В.Клементьев:

— Женщина-эксперт, выходя, сказала: криминала нет. Возможно, повреждения телу нанесла собака. Но она же не видела собаки — а это маленький щенок...

— Когда Георгиевская не явилась на сбор труппы, говорили в театре, что она запела?

— Нет, думали, с дачи не приехала, она могла себе позволить. Что пела — не слышал. Они ездили туда каждый день, говорили: кто-то есть в квартире.

Л.А. Кудрявцева, артистка МХАТа им. Горького:

— Я проработала с Георгиевской вместе 27 лет. Дважды была ее дублершей — мы играли одну и ту же роль.

Наверное, самым страшным в ее судьбе было одиночество. В молодости была любовь, но жизнь не сложилась. Подруг

у нее в театре не было. Но дружеские отношения были со всеми.

При Ефремове она была очень мало занята в репертуаре. А в последние три года, когда она работала в нашей труппе, к ней относились так, будто старались компенсировать все прошлые годы. К званию Героя Социалистического Труда театр представил ее еще три года назад, и мы с Дорониной несколько раз ездили в Министерство культуры — справляться. Грибанов, прежний заместитель министра, нам говорил: «Мы-то сделали все, задержка — наверху». Театр хлопотал в Моссовете, чтобы Георгиевской дали дачу в Серебряном бору. Летом Доронина лично ездила к Станкевичу — просила переселить Георгиевскую в более удобную квартиру. И так — до мелочей: сотрудники АХО театра, шесть человек, постоянно к ней ездили — убирать квартиру, помогать в стирке. Оплачивал их труд театр. Оплата МХАТ и юбилейный банкет Георгиевской полностью.

Смерть ее — сплошные загадки. Почему были разбросаны деньги? На Анастасию Павловну это не похоже. Интересно, сохранились ли ее украшения? Хотя бы та золотая змейка, которую ей подарила Доронина? Почему соседи говорят, что горел свет и что за шаги слышались?

Скорее всего, дата смерти — 1 сентября — взята с потолка. Милиция спрашивала артистов театра: «А как вы думаете?» Бывший наш сотрудник Власов на поминках при всем театре говорил, что третьего ему позвонила женщина, сказала, что Георгиевская неважно себя чувствует: «Дима, приезжай!» Он приехал, но его не пустили.

Знаете, что наводит на грустные размышления: по тому, что рассказывали коллеги, сложилось странное впечатление о работе милиции. Когда вскрывают квартиру при загадочных обстоятельствах и есть семья, наследники — совсем ведь другое отношение. Когда же стало известно, что у Анастасии Павловны никого нет, а инициатор вскрытия квартиры коллектив, то и отношение стало другим, мне кажется. Дай Бог, чтобы я ошибалась...

Театр, верный памяти покойной актрисы, молчит, однако, об очень существенной для понимания случившегося детали. Анастасия Павловна страдала печальной и — увы! — не столь редкой нынче даже среди женщин болезнью — у нее случались запои. Она могла упасть около дома, к ней могли прийти, принося водку, далеко не всегда вызывавшие доверие люди. (Простите меня, Анастасия Павловна, как это ни трудно, но сказать об этом ради чести живых надо.) Быть может, кто-то из визитеров и оказался — вольным или невольным — свидетелем трагедии или ее участником?

Итак, что же за трагедия разыгралась в квартире А.П. Георгиевской? Кому принадлежали шаги, которые там слышались? Что означала горящая горелка? Когда же в действительности умерла актриса? Увы, ответов на эти вопросы пока нет...

© М. Дементьева, 1991

Юрий АРАКЧЕЕВ

Уже не помню точно, с чего началось мое знакомство с этим странным делом, кажется, с телефонного звонка и просьбы о встрече, на которую трудно было согласиться... Мужчина взволнованно и довольно подробно рассказывал по телефону — из уличной будки, конечно, — и ничего не оставалось мне, как встретиться, ничего, разумеется, не обещая, да и что я мог обещать, кроме внимания. И я пригласил его не домой, а в Дом литераторов на обсуждение «Пирамиды», моей документальной повести, опубликованной в журнале «Знамя» (1987. № 8, 9) и вызвавшей интерес читателей.

Все мы — около сотни человек, собравшихся в зале, — внимательно слушали Кентова (так он просил называть его, сообщив, однако, мне свое истинное имя, адрес и телефон), сотрудника НИИ машиностроения, кандидата технических наук, потерпевшего по уголовному делу № 51204. Рассказ свой он так и озаглавил: «НАЙДИТЕ И ВЕРНИТЕ МНЕ ВНУКА, ПОЖАЛУЙСТА, Я ВАС ОЧЕНЬ ПРОШУ!». Отчаянный крик в предполагаемый зал к предполагаемому журналисту, который захотел бы включиться в поиски его семьи, в его упорные попытки разрушить апатию (или круговую поруку?) «правоохранительных органов», заставить их действовать.

Потом — через год примерно после той встречи на обсуждении — в одной из газет я прочитал, что у нас, оказывается, ты с я ч и людей пропадают каждый год без вести. Так что его история — далеко не единственный случай. Рассказ Кентова, а затем и его письма еще раз убедили меня, что необходимо написать новую повесть «Пирамида-2».

Предлагаю вашему вниманию отрывок из нее. Итак, исповедь Кентова.

«НАЙДИТЕ И ВЕРНИТЕ МНЕ ВНУКА, ПОЖАЛУЙСТА»

Все, что будет изложено, неподготовленному читателю покажется на первый взгляд невероятным, невозможным, плодом чьей-то фантазии, но не торопитесь, пожалуйста, с выводами, ибо все это базируется на документах и в последнее время признано как факты на самом высоком уровне правоохранительных органов. Я отвечаю за каждое слово головой, хорошо бы так же отвечали за свои действия некоторые сотрудники правоохранительных органов.

Более 20 миллионов наших сограждан унесла последняя

война. Много было потерь, случались и пропажи без вести — это ужасно, когда родители ждали, а то и до сих пор продолжают ждать вестей о своих сыновьях.

Или землетрясение в Армении. И это страшно, обидно, горько.

Но как это ни ужасно, все же этому есть какое-то — историческое или природное — оправдание: в первом случае — война, во втором — стихийное бедствие.

Когда же теперь, в мирное время, в Москве исчезает без вести целая семья и следствен-

ные органы не в состоянии что-либо достоверно установить, и, вместо того чтобы работать и получить наконец хоть какие-то результаты, прикрываются только ложью для того, чтобы вообще ничего не делать, — это вдвойне, тройне ужасно и не имеет никакого оправдания.

В июле 1983 года, казалось бы, ничто не предвещало беды. Наконец после нескольких лет супружества в семье моего сына Сергея появился мальчик — мой внук, он был крепким, не плакал, чувствовался будущий мужчина, он рано, в девять месяцев, начал ходить. Сергей готовился к защите дипломной работы в Плехановском институте и работал бригадиром в типографии газеты «Правда», мы с ним по ночам готовили чертежи.

Мой сын и внук жили у нас, так как его жена Лена в это время была в больнице на обследовании.

Но когда 4 июля 1983 года Лена вышла из больницы, они переехали в пустующую двухкомнатную квартиру, где кроме Лены были прописаны еще трое: ее мать Ольга, второй муж матери — Янгибай, или просто Ян, кандидат технических наук, и их дочь девяти лет, Гуля. Ольга работала поваром в пансионате города Сочи и в это время находилась там вместе со своим мужем и дочерью.

7 июля я позвонил на работу сыну, и тот сказал, что у них все в порядке.

А 8 июля вся семья сына пропала без вести.

Вернувшись из дальней командировки 22 июля (там, в командировке, со мной произошла странная история, но о ней после), я от своей жены узнал об исчезновении семьи сына. Связавшись по телефону с единственным известным свидетелем исчезновения, Яном, незадолго до этого вернувшимся из Сочи, я узнал следующее.

Якобы из Брянской области в Москву приехал горец от пропажи несколько лет назад брата Лены. И Сергей вместе со своей женой и сыном отправился к нему в леспромхоз отдыхать.

Эта история показалась мне невероятной. Тем не менее мы с женой решили ждать вестей от Сергея. Но так и не дождавшись, ровно через месяц после исчезновения — 8 августа 1983 года — обратились в милицию с заявлением о розыске.

Первые две недели милиция просто ничего не делала, документы о розыске переводились из одного райотдела внутренних дел в другое. Пришлось обратиться 17 августа с новым заявлением. ГУВД, вместо того чтобы как следует допросить Яна, посылает экспедицию по розыску в Брянскую область, но та, к сожалению, никого там не нашла.

9 сентября Ян при загадочных обстоятельствах получает сотрясение мозга в собственной квартире, находясь наедине со своей дочерью. Вызванная его приятелем (врач-дантист, кореец) «скорая помощь» увозит Яна в горбольницу № 7. В больнице его посещают ряд подозрительных лиц, но МВД эти лица не интересуют, ни один из больных, находящихся с ним в одной палате, не был опрошен. Из квартиры Яна неизвестные лица выносят громоздкие предметы, этих лиц готовы опознать соседи, однако опознание не проводится.

Ольга, с которой мы связываемся по телефону, все происходящее воспринимает спокойно и из Сочи не выезжает.

14 сентября принимается решение задержать Яна. Его забирают из больницы сотрудники МВД для допроса в ГУВД, но возут почему-то к нему домой, для переодевания. И там,

зачем-то дважды переодевшись, Ян на глазах трех энергичных, крепких мужчин и собственной дочери якобы контактирует с собой, выбросившись с 6-го этажа, с балкона собственной квартиры. Установлено, что при падении он ударился тазом, но на голове (на темени) экспертиза обнаруживает дырку «звездочкой» до самого мозга. Падает он в 14.00, время начала осмотра труп — 15.30, но эксперт заключает, что смерть Яна наступила за 2—4 часа до осмотра, то есть в среднем за полтора часа до падения. К тому же падал он в свободном пространстве (с балкона), но на его лице и руках — ссадины. Следователь Ш. опросил всех близких родственников Яна, и все показало, что прижизненных травм головы у Яна не было, медицинское же заключение по результатам вскрытия утверждает, что Янгибай скончался от проникающих травм головы. Кроме того, из обстановки в комнате, откуда был выход на балкон, видно, что он должен был обязательно пройти по узкому проходу мимо одного из сотрудников МВД или же, согласно показаниям этих сотрудников, он должен был прыгнуть через две кровати в обнимку со своей дочерью, с которой якобы хотел броситься вниз, но милиционеры спасли Гулю, вырвав ее у него и совершив, таким образом, героический поступок... Такова сказочная картина «самоубийства» Яна. И это, представьте себе, всех устроило. Инстанции проштамповали «самоубийство», а присутствовавших при нем сотрудников МВД «строго наказали» за то, что они за Яном не глядели: двух понизили в должности, а одному выразили частичное несоответствие занимаемой должности.

Я неоднократно письменно просил провести следственный эксперимент — восстановление обстановки так называемого «самоубийства», но этого не было сделано. Не был также опрошен ни один из свидетелей падения тела Яна, а их была целая группа школьников. Они проходили мимо и видели, как он падал из окна. Интересно, что два сотрудника МВД дали свои показания по этому факту лишь 17 сентября, то есть спустя трое суток после происшествия, причем слово в слово, а показания третьего в деле вообще отсутствуют. Многочисленные мои просьбы провести служебное расследование результатов не дали.

Следствие сформулировало следующую картину преступления: Ян на почве неприязненных отношений утром 8 июля сначала убил свою падчерицу и ее 11-месячного сына, потом позвонил на работу Сергею, встретил его в прихожей своей квартиры, убил, затем расчленил все три трупа в ванной, упаковал, вывез и схоронил в известном месте — один, без посторонней помощи. Убедившись в том, что расплата неминуема, он покончил с собой. Об убийствах в квартире и расчленинии трупов, по данным следствия, свидетельствуют якобы следы крови в прихожей и комнатах.

В распоряжении Яна была только часть дня 8 июля, так как в субботу 9-го он был в загородной поездке в обществе своего друга Пака, корейца (тот самый врач-дантист), и его жены. Пак отрицал факт захоронения трупов в субботу в его присутствии, и ему поверили.

Все эти сказочные события, описанные следствием, во всех прокуратурах сочли реальными...

Интересно, что именно Пак позвонил в Сочи Яну, как только семья Сергея появилась в квартире Яна в Москве. Вер-

нее, он позвонил тогда, когда зажегся свет в одной из запертых комнат и когда, как я теперь понимаю, Сергей обнаружил там то, за что очень скоро поплатился головой. Тот же самый Пак, оказывается, имел ключи от квартиры и автомашины Яна. В квартире Пака Ян появился сразу же после приезда в Москву, 8 июля. Все тот же Пак участвовал в загородной поездке Яна 9 июля, на следующий день после исчезновения семьи, он же 9 сентября приехал к Яну, когда тот получил сотрясение мозга, а 14 сентября, в день «самоубийства» Яна, звонил в его квартиру, а затем появился в толпе любопытных у труп Яна, причем выдавая себя за врача-травматолога... И этот человек так и не был привлечен ни к какому виду ответственности, а их отношения с Яном сотрудник МВД определил лишь как «отношения двух автомобилистов».

Еще деталь. Один из свидетелей при даче показаний заявил, что он спустя неделю после пропажи семьи видел в обществе Яна, которого он хорошо знал, женщину с ребенком и мужчину. Женщина была очень похожа на Яну. Но никто опознания не провел. Провел это опознание я спустя полтора года. И этот свидетель после длительного размышления решил — таки письменно подтвердить, что 16 июля он видел именно жену моего сына, Лenu, с ребенком. Дата была установлена точно, так как он 16-го приобрел автомашину, а женщину с ребенком видел у подъезда дома, занимаемая машиной.

Еще один свидетель (бывший мой сотрудник и подчиненный) письменно показал, что ему было предложено перевезти на машине женщину с ребенком, мужчину и чемоданы. Это произошло в день, близкий к дню пропажи семьи (между 6 и 11 июля; так как 1-го он уезжал в командировку, что подтверждено документально). Позднее этого свидетеля запугали, и он отказался от своих слов, меня же обвинили в том, что я якобы навязал ему показания, но доказательства для этого обвинения мне никто не предъявлял. Этот свидетель тем не менее утверждал, что знает истинных перевозчиков семьи сына, знает цену, за которую их перевозили, организаторов перевозки и даже направление поездки, но никто из следователей ему вопросов на эту тему не задавал, что видно из протоколов его допросов. Мои же показания на эту тему так и не были оформлены протоколом.

Теперь пора остановиться на той странной истории, что произошла со мной в командировке. 18 июля я вылетел в Минеральные Воды с группой сотрудников. На аэродроме меня встретил человек, назвавший меня по имени-отчеству, и пригласил в автомашину. Это мне показалось странным, и я обратился к своим сотрудникам, как к свидетелям. И тогда этот человек быстро сел в машину и поспешно уехал.

Эту информацию два первых следователя по делу в протоколы моих допросов включили почему-то отказались. Третий следователь включил, но при этом пытался убедить, что встречали якобы не меня, а их сотрудника, но предъявить мне фото встречавшего для опознания отказался. Однако при разборе бумаг, оставшихся от Яна, мне была предъявлена фотография человека, в котором я сразу узнал встречавшего меня в Минеральных Водах. Опознание проводилось без понятий, а в дальнейшем эта фотография из дела исчезла.

В деле также имеются распечатка Московской телефонной станции, свидетельствующая о разговоре Ольги из кабинета директора пансионата в Сочи и Лены 9 июля (на следующий день после пропажи семьи), и три протокола допросов Ольги, в которых она утверждает, что разговаривала с Леной и та никуда не собиралась уезжать. Но и эта информация почему-то не была принята к сведению и не учтена при выводах следствия.

Уголовное дело было прекращено Постановлением Мосгорпрокуратуры от 28 сентября 1984 года согласно ст. 6, п. 8 (в связи со смертью обвиняемого Янгубая). В Постановлении утверждалась ранее принятая гипотеза следствия, хотя ни одного из обязательных требований по доказательству не было достоверно установлено: время, место и другие обстоятельства преступления. Тем не менее следователи и всех прокуроры это не смутило, это их устроило.

Вместо того чтобы сразу же по окончании дела предложить его мне для ознакомления — как официально оформленному потерпевшему, — дали мне его только через месяц, и только после разрешения заместителя Генерального прокурора СССР.

Внимательно ознакомившись с делом, я обнаружил в Постановлении о прекращении дела 57 подлогов. Из это в документе, состоящем из 118 фраз.

Не нужно быть специалистом, чтобы заметить эти подлоги. А ведь по закону при обнаружении хотя бы одного подлога дело должно быть возобновлено.

Итак, вот некоторые из ложных улик, которые мне удалось обнаружить в документах дела: — в квартире никаких следов крови, свидетельствующих о тройном убийстве и расчленении трупов, не существует; — нет ни одного доказательства того, что тройное убийство совершил Ян;

— нет достоверных данных о том, что убийство произошло именно в квартире Яна и именно 8 июля 1983 года;

— очевидно, что Ян не самоубийца, а жертва, он убит; — в отношении же моего 11-месячного внука вообще полная неопределенность, есть только ни на чем не основанное предположение, что он якобы задушен.

Таким образом, все без исключения «доказательства» следствия — это грубые подделки, фальсификация, подлоги. Следствие явно не закончено, и все, что предложено в качестве аргументации в пользу прекращения дела, — ложь.

Я обратился к следователю Ш. за разъяснениями и получил отказ вести какие-либо разговоры о деле.

Тогда я обратился последовательно во все инстанции прокуратуры с жалобами на прекращение нерасследованного дела и с предложениями о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в некриминальных преступлениях, но получив один и тот же ответ: «проверка произведена, дело прекращено обоснованно, нарушений законности нет», хотя никто из отвечающих не заявил, что данные по изложенным мною подлогам не подтверждались.

Впоследствии при моем посещении очень высоких руководителей правоохранительных органов — не только правоохранительных, — когда они вынуждены были признать и незавершенность дела, и наличие в документах подлогов, им ничего не оставалось, как свалить все на исполнителей, объясняя это халатностью.

Но из данного дела вытекает еще один вывод. Не только халатностью и круговой порукой, покрывающей групповую ту-

пость, все объясняется.

Вспоминаются беседы со свидетелем, впоследствии отказавшимся от своих показаний, который сообщил, как однажды ему брат Лены сказал: «Моя мамка может купить все!» (речь шла об Ольге). Да, прав был мальчик! Видно, было куплено все и куплены все, и только этим можно объяснить глобальную массовую показную тушность, которую не стесняются демонстрировать все без исключения участники расследования дела и участники рассмотрения моих жалоб.

И этот вывод хорошо согласуется со следующими, неслучайными, с точки зрения нормального и честного человека, событиями.

Так, сотрудники МВД утаили от следствия обнаруженную ими конспиративную квартиру Яна.

Следователь Б. фальсифицировал протокол допроса того самого свидетеля, которого вынудили отказаться от показаний, и извлек из тома № 3 106 листов.

Следователь Ш. утаил от следствия обнаруженные у Яна пустые бланки с печатями предприятий, позволив его жене Ольге уничтожить вещественные доказательства по делу — в том числе замятые брюки Сергея, в которых его в последний раз видели на работе, позволил разграбить подследственную машину Яна до ее повторного, намеченного им же осмотра на предмет выявления следов преступления, позволил все той же Ольге сдать внаем ее подследственную квартиру задолго (за полгода) до прекращения дела — я сам присутствовал в этой квартире, когда там 12 апреля 1984 года производили обыск, и видел квартирантов собственными глазами.

Следователь Т. спрятала от следствия фотографию опознанного мной человека, встречавшего меня на аэродроме в Минеральных Водах. Теперь мотив его встречи со мной ясен для меня как божий день: покушение. Они хотели устранить и меня, как, очевидно, опасного для них человека.

Судья С. провел заседание суда по признанию юридического факта смерти членов семьи сына в отсутствие важного свидетеля — Ольги — и только на основании лживого Постановления Мосгорпрокуратуры вынес свое решение о признании факта смерти, не имея каких-либо достоверных данных об обстоятельствах совершения преступления (даже о времени и месте). А все судебные инстанции вплоть до Верховного суда РСФСР и СССР до сих пор сопротивляются отмене этого решения, несмотря на уже упомянутые 57 подлогов в Постановлении Мосгорпрокуратуры.

Только в последний момент Мосгорсуд сподобился отменить это решение, но «закмурился» и не усмотрел никаких противозаконных подлогов, а отмену мотивировал только процессуальными нарушениями, которых, кстати, «не видел» три года.

Это — далеко не полный перечень противозаконных действий работников правоохранительных органов.

Мои обращения в течение четырех с лишним лет во все возможные инстанции практически результатов не дали. На мои письма приходили глупейшие ответы, и все они были пропитаны духом равнодушия, бюрократизма, вседозволенности, отсутствия какой-либо ответственности, некомпетентности.

Лишь в конце 1986 года мне удалось через депутата Верховного Совета СССР добиться личного письма заместителя Председателя Президиума Вер-

ховного Совета СССР тов. Демичева П. Н. к Генеральному прокурору СССР тов. Рекунову А. М., по которому я смог посетить последнего 17 апреля 1987 года.

В результате этого посещения было отменено Постановление Мосгорпрокуратуры и начато новое расследование.

Но и это расследование опять пошло по ложному пути и, по сути дела, подтвердило все сомнительные выводы старого следствия.

ПЕРЕТЯНЕТ ЛИ СЛОВО ПРАВДЫ?

Такова незаконченная история с делом № 51204, повданная мне потерпевшим Кентовым в письме, зарегистрированном в моей почте под № 210.

Я мысленно не прерывал его комментариями, ибо так явственнее вырисовывалась, по моему, истинная картина преступления — очевидно, убийства двоих — Яна и сына Кентова, Сергея, — и сокрытия затем его жены Лены и ее младенца, внука Кентова. И мотивы преступления достаточно ясно, и ясно было, что это лишь кончик ниточки от весьма объемистого клубка... Оставалось удивляться, сколь много людей было вовлечено в орбиту и сколь мало нашлось среди них, а вернее, вовсе не нашлось тех, кто хотел бы и мог остановить эту круговорот и попытаться распутать клубок.

Кроме самого Кентова. Его энергия поражала — так же как его упорство и его смелость. Только открытость и бесстрашие Кентова помешали многочисленным «фабрикантам» дела просто-напросто убрать столь настоящего «дела, ищущего своего вника», — точно так же, как они, не долго думая, убивали, очевидно, не только Сергея и Яна. А может быть, они просто не принимали этого «суестьегося» человека всерьез? Если даже на столь высоком уровне столь убедительные жалобы Кентова даже и не рассматривались, а получали «тупые», как он выражался, отписки, то насколько же уверенное чувство неуязвимости должно быть у этих людей.

И выходило, что сравнительно спокойным человек может себя чувствовать лишь в том случае, если ему везет — в том смысле, что он никоим образом, ни нарочно, ни случайно, не мешал неким всемогущим людям делать их явно «неперестроенные» дела. Поражала глубина проникновения шупалец нашего отечественного «спрута» — более опасного, пожалуй, чем итальянский, потому что хотя бы, что он более законспирирован и неуязвим. Но опять удивляло упорство и бесстрашие Кентова. И в этом — именно в этом — усматривался выход: «Слово правды весь мир перетянет», — не просто «для красоты» сказал А. И. Солженицын.

Но тогда я еще не знал, что будет дальше, хотя и чувствовал, что начавший столь праведную и столь мужественную борьбу за истину человек не остановится, а значит, будут еще события. Слишком прозрачна здесь фабрикация дела, но и слишком высокие сферы затронуты. Перетянет ли здесь слово правды?

После знакомства с этим делом, где лишь на первый взгляд были два трупа и одна в конце концов психически заблудившаяся девочка (Гуля), а также несколько человек, без вести пропавших (Лена, ее маленький сын и младший брат Лены, к которому они якобы поехали в Брянскую область), а на самом

деле их, выяснилось потом, было около десятка, — после неведомого этого знакомства положенное мною в основание повести «Пирамида» «Дело Клименкина» бледнело...

Однако основные детали, механика подобных дел, очевидно, угаданы были мною верно, почему и получил я столь богатую и столь впечатляющую почту.

Не буду останавливаться подробно на аналогиях с «Делом Клименкина», скажу только, что и там и тут были нарушения законности при опознании, и в том и в другом деле использовались подлоги, воздействия на психику допрашиваемых, формальные ответы отписки на жалобы и протесты, игнорирование нижестоящими инстанциями указаний вышестоящих, бесконечная круговая порука, многочисленные и беспардонные нарушения законности на всех этапах расследования и судопроизводства, «заматывания» явных улик, множество исковерканных, а то и вовсе отнятых жизней.

И в том и в другом деле виновники преступлений так и не понесли наказания, а многочисленные работники правоохранительных и судебных инстанций, нарушившие закон, не только не привлечены к ответственности, но даже не названы, а в некоторых случаях еще и поощрены и повышены в должности.

Как истинный гражданин, Кентов в своем выступлении не остановился на этом. Все видел перед собой не упивающегося своим горем, не раздавленного и запуганного человека. Наоборот.

Он убежден: спасение для нормальных, честных людей в одном — уничтожить причины таких противоестественных происшествий, для чего необходимо найти корни болезни, охватившие наше благословенное общество...

Все верно, думал я, слушая Кентова. Правда, он не сказал, как добиться уничтожения причин, как повысить ответственность должностных лиц и обеспечить контроль за их деятельностью. Да и что он мог сказать, прекрасно зная «степень официального резонанса» на такие вопросы, именно в таком ракурсе.

И все же я видел перед собой борца. Как Каспаров, как Беднор, Румер, Касиев и другие положительные герои из «Пирамиды». Но я уже знал, что их больше, гораздо больше — даже если судить только по моей почте. Просто они разоблены. Просто они сами не понимают, что они-то и есть настоящие герои. Суть не в том, где они сейчас, в каких инстанциях служат, в каких должностях работают, на свободе находятся или в заключении.

Суть в том, что в них надежда страны.

В тех, в ком сохранились совесть, ощущение правды, мужество.

Так перетянет ли слово правды?

Р. С. Со дня исчезновения семьи Кентовых и страшных событий, последовавших за этим, прошло почти восемь лет. Все это время Кентов боролся. Люди в приемных выслушивали его, сочувствовали, знакомились с документами, признавали претензии отца и деду справедливыми, а потом... Потом Кентов получал стандартные отписки.

За прошедшие годы сменялось два Генеральных прокурора СССР.

Кентов продолжает бороться. Он считает, что его внук жив.

© Ю. Аракчеев, 1991

«Сева Новгородцев, Лондон, Би-би-си» — любители рок- и поп-джаза уже лет десяти вылавливают эту фразу из протектированных коротких радиоволн, несущихся «из-за бугра». Пять лет назад на протектированные еще накладывался вой гудилков — впрочем, он умолкал, потому что дальние начиналась музыка и, должно быть, среди операторов гудилок тоже находились завзятые коллекционеры новых мелодий, подключавшие к приемникам магнитофоны.

«Сева Новгородцев, Лондон, Би-би-си», — ведущий и сейчас повторяет свое имя и в середине, и в конце передач, которые и по сей день регулярно выходят в эфир. Лакомые музыкальные номера перемежаются острыми байками, попадающими в точку на удивление хорошо — если считать их автору уроженцем далекой земли, и не на удивление — если знать, что от рождения до зрелости, возрастной и профессиональной, он был нашим соотечественником. На заре нашего поп-джаза появился в российской эстраде ВИА — вокально-инструментальный ансамбль «Добры молодцы», и великодушные русские мелодии зазвучали в современных ритмах. Но официальная эстрадная звезда, украшавшая свои костюмы бриллиантами и орденами, а затем борзый провинциальный журналист обинили «Молодцев» в идеологических диверсиях. Руководитель ансамбля перестал быть руководителем, помыкался-помыкался и принялся искать себя в другой земле...

Мы попросили Севу Новгородцева поведать о своей судьбе.

Рассказ был записан в Лондоне в небольшом кафе радиокорпорации под ароматнейший чай по-английски: то есть с молоком. Печатаемый вариант подготовлен специально для «Совершенно секретно». Полностью рассказ будет опубликован в № 4-5 журнала «Свет» (Литва-Россия).

и отгребашь шлак, мышцы после этого так нагружены, что кларнет в руках не держится, а заниматься им надо не меньше чем полтора часа в день, и воздуха в каюте не хватает: когда дуешь в дудку, ты и так почти не дышишь, и акустика в каюте засасывающая — волны звука гасятся одеялом, матрасниками, обшивкой стен. Нет настоящего звучания, нет отдачи — все не так!

И все-таки осенью я начал играть партию кларнета, а попозже, поскольку наш муззвезд существовал в двух ипостасях — военно-духовой и джазовой, — мне вручили еще и саксофон.

И вот играл я на двух инструментах, ходил на концерты, знакомился с молодыми людьми, которые жили джазовой музыкой, и подружился с известным ныне ленинградским музыкантом Давидом Голошкевиным. Мы с ним встретились в студенческом оркестре, организованном ребятами из ЛИТМО — Института точной механики и оптики, и стали там играть. А оркестр этот Ленинградское телевидение начало приглашать в молодежные передачи, и я играл и на ТВ, и на танцах буквально до выпуска, когда свои морские госэкзамены еле-еле сдал — только чтобы выползти из училища.

Распределили меня в Эстонское пароходство, и стал я плавать штурманом. Занимался в своей каюте на кларнете, каждую свободную минуту слушал магнитофон, привязанный под столешником на случай качки. У меня как сомнительного специалиста даже виза для заграничных плаваний не была оформлена, а моряк без визы, что столяр без рук. И вот вдруг меня вызвал начальник пароходства, который знал меня с детства — они с отцом вместе работали, — и сказал: «Сева, ты играешь на кларнете? Вот тебе распоряжение — собирай оркестр, в Норвегию поедешь». Оказывается, запланирован специальный визит одного судна из Эстонского пароходства в Норвегию с культурными целями. Мы, конечно, везли туда какой-то груз, но основная цель — приехать и дать своими силами концерт для норвежской публи-

ките, мы его сами пришлем.

Глубину их мысли и быстроту реакции я оценил на следующий день. В пять вечера мы сидели в рубке и ждали автобуса, ведь в семь мы должны выйти в эфир — не записываться, а прямо выступать «живьем». Полчаса, сорок минут, час, автобус не приходит, приехал на велосипеде посыльный:

— Где здесь русские моряки-музыканты, на радио волнуются?!

И только в последний момент польские товарищи сказали, что наш концерт не состоится. Не трагедия, но противно.

И вот, отработав год с лишним на пароходе, я пошел в отпуск, и выходных у меня набралось за мои плавания плюс к отпуску почти еще чуть ли не на два месяца. Приехал в Ленинград к Голошкевину и спал у него на полу под роялем. Очень весело жили, музицировали. Давид только что женился, они с женой жили в одном углу, а я под роялем — в другом.

Вдруг Голошкевину Ленэстрада предложила составить ансамбль и выступать, аккомпанируя какому-то певцу. Он сразу меня подхватил, мы собрали усовершенствованный квартет, быстро слепили программу и, к моему удивлению, с первого раза сдали ее художеству. Главное, благодаря невероятному стечению обстоятельств, связей и всего такого я исхитрился уловиться из пароходства — я ведь числился молодым специалистом и должен был отработать в Эстонии три года.

Вот так, если не ошибаюсь, в 64-м сбылась моя мечта — я стал профессиональным музыкантом.

И началась вторая жизнь.

Кажется, через год Голошкевину и нашему басисту пригласили в известный тогда в Ленинграде оркестр Вайнштейна.

...Некоторое время с оркестром Вайнштейна выступала независимая молодая группа из ленинградского района Автово. Ребята играли «Битлз», другую

начальства, либо вкусу публики. Я решил, что с профессиональной музыкой покончено и мне следует обрести статус профессионала в морском деле, а играть только с теми, с кем хочу — только музицировать.

Отец нашел мне работу — агентом Инфлота. Там были два условия: знать английский и морское дело. У меня к тому времени было два диплома: инженерно-морской и диплом об окончании четырехгодичных курсов иностранных языков. Когда я пришел с этими бумагами, мне сказали: «У нас таких кандидатов больше нет, мы вас берем». Тем более что начальник Инфлота моего брата знал чуть ли не с 30-х годов. Но я говорю: подождите, я дня через три зайду, когда у вас будет подтверждение на мою кандидатуру. Через три дня я пришел, а им стыдно мне в глаза глядеть: первый отдел моей кандидатуры заброил. Как выяснилось впоследствии, не из-за того, что я пришел из музыки и потому могу оказаться ненадежным, а потому, что у меня отец еврей и я имею теоретическую возможность уехать. А отец мой — член партии с 29-го года, заслуженный капитан, один из строителей Балтийского флота, персональный пенсионер. И у меня — никаких мыслей об отъезде. После моего хождения за одно море в Норвегию я оставался убежденным патриотом и за границу совершенно не стремился. Более того, отговаривал очень многих музыкантов, которые строили иллюзии по поводу сладкой западной жизни. Было желание выползти в какую-нибудь шель, как таракан, забиться и сидеть, зарабатывать прожиточный минимум и играть для себя. Но я получил еще не одно подтверждение, что ничего из моих планов не выйдет. И в 75-м году ощутил себя в тупике.

Оттого и состоялся мой собственный отъезд.

Третья жизнь началась в Риме, где эмигранты, хотевшие ехать не в Израиль, а в другие страны, ожидали решения своих судеб. Денег ни у

СОВЕТСКИЙ ЛАБУЖ НА

В детстве я мечтал стать актером, а мой папа был морской волк — старый капитан, один из создателей Балтийского пароходства, и потому я после школы поступил в Высшее военно-морское инженерное училище имени адмирала Макарова. Но там был духовой оркестр, и, услышав его звуки, по безотчетному зову Природы я пришел на репетицию, где капельмейстер дядя Коля сунил мне самый неблагоприятный инструмент — духовой альт и уполномочил играть «секунду» — простенькую партию второго альта. Когда-то в пионерлагере я был горнистом и потому «секунду» на альте освоил скоро.

Особенность училищного оркестра заключалась в том, что старшую его часть каждый год выпускали в морские просторы и дяде Коле приходилось вращивать все новые и новые таланты, иначе наш муззвезд не мог бы функционировать, а именно: два раза в году играть на бесконечных репетициях парадов и на самых парадах, засим — на всех торжественных актах и, к сожалению, на похоронах — ведь члены научного состава и даже курсанты время от времени умирали.

И вот, готовясь распрощаться с очередным старшим курсом и ниспа приблизости необходимых простокти, дядя Коля вручил мне вместо альта кларнет. Осенью я должен был приступить к исполнению в оркестре новой для меня партии, а инструмент мне дали в феврале, времени для успехов было в обрез, и я стал проводить одинокие недели в аудиториях и лабораториях, но именно в тех, где не было инженерно-морских занятий, и увлеченно дудел и дудел, осваивая кларнет, а мои академические достижения слабели и слабели. На летней практике в Архангельском пароходстве мы с приятелем угодили в чечеры. Всю вахту у топок подкидываешь уголек

ки, посольства, радио и прочих. А раз я со своим кларнетом — главный, мне и определять род ансамбля, и выбрал я популярный жанр эстрадного квартета: кларнет, аккордеон, контрабас и акустическая гитара. Второй штурман — на аккордеоне, я — на кларнете, боцман — на гитаре и кто-то на контрабасе, но кто — не помню.

Еще собрали хор, танцевальную группу, и поплыли. В Норвегии все было чудно: вечер, столы, концерт. Но было начало 60-х, жесткая идеологическая настороженность: даже чисто музыкальные номера под контролем — то нельзя, это нельзя. Однако, на наше счастье, ленинградский квартет Дмитриева, по моему, из лучших в те дни, позаимствовал у Бенни Гудмена одну его мелодию — эта вещь была опубликована нашим музыкальным издательством под названием «Ветерок в пустыне» с пометкой «в обработке Дмитриева». А я свое соло кларнета играл точно, как сам Бенни Гудмен, — заучил с пластины. И после того как мы закончили программу «Ветерком», ко мне подошли люди с местного радио: «Вы играли Гудмена?» Я говорю: «Да!» — «С такой-то пластины?» — «Да!» — «Вы не могли бы выступить у нас? Это же очень интересно: приезжают советские моряки и играют американскую музыку!»

Я уже был по должности благодарен: «Мы с удовольствием, но у нас есть вышестоящие товарищи, они должны разрешить». Капитан у нас тоже был человеком осторожным и ответил: «Я-то что, пусть помполит решает». Помполит кивнул на людей из посольства. А там — настоящие дипломаты, профессионалы!

— Конечно, о чем речь! Мир, дружба. — И затем фраза, оказавшаяся ключевой: — Все будет хорошо, только транспорт вы за музыкантами не посы-

лайте, мы его сами пришлем. раннюю английскую и американскую поп-музыку, и я ввел в нашу программу пять их номеров, аранжированных для большого оркестра, — такая попытка соединить с оркестром гитарный поп-жанр выглядела очень мило и хорошо воспринималась. Но денег, которые ребята получали, им не хватало. И вскоре какой-то лихой администратор сманил их в Читинскую филармонию — там можно было по таежным задворкам «делать» по три концерта в день и встать на ноги — скопить на приличную аппаратуру, чтобы нормально играть.

Через год или полтора они и меня пригласили в Читу возглавить их дело. Причем музыкальный руководитель им не был нужен: жанром своим они владели твердо и меня еще учили. Но им нужен был человек, поднаторевший в профессиональной жизни, знающий театральную интригу, курс которой я прошел в оркестре почти полностью. Был обновлен репертуар, найдено название — «Добры молодцы» — и «имидж» — образ ансамбля, костюмировка, русская стрижка.

Нами стали интересоваться.

Но и здесь все сложилось совсем не просто: на нас наклеивали заместителя министра культуры РСФСР Александрову, дескать, кого взял Росконцерт — они в Чите дебоширили. Александров принял наш ансамбль травить, требовал нас уволить или хотя бы состричь длинные волосы: образцом была прическа Брежнева, хорошо уже — не Хрущева.

То было начало конца моей второй жизни.

Я решил уйти из ансамбля, ибо размышлял так. Профессиональную музыку в том виде, в каком я ею занимался, я определил как полупроституцию, а может быть, и проституцию в полной мере, ибо все время я угождал либо вкусу

кого ни копейки, а я нашел работу — роскошную! Стал переводчиком в евангелической миссии и мало-помалу был вовлечен в христианскую деятельность — совершенно случайно, совершенно к этому не стремясь. Начал с чтения литературы и втянулся в это дело, а через несколько месяцев мой приятель — пастор, с которым я работал, меня там же, в Риме, в конце 1975 года крестил, вера составляет основу бытия моего духа. И тогда же, я, тоже совершенно случайно, как говорится, «Божим промыслом», попал на Би-би-си.

Совпадение обстоятельств было невероятное: меня разыскал человек, которого я даже не знал, но он знал меня как музыканта. Он работал на Би-би-си, приехал в Рим встречать свою мать, бывшую здесь проездом в Чикаго, по какому-то поводу зашел в нашу квартиру, увидел меня, признал и начал уговаривать поступать на работу в их радиокорпорацию. И я, сдавши экзамены, туда в конце концов попал.

На экзамене тебя запирают на два часа в комнату и дают перевести политический материал типа новостей. Потом нужно было что-то написать на пленку, чтобы показать, годится голос для радиовещания или нет. Экзамен я сдал не блестяще, хотя и перевел все без словаря, что имело значение. Потом нужно было пройти собеседование, потом документы отсылались на всеяские проверки — как всегда: не был, не состоял, не участвовал, не привлекался, да. Но выехать из Рима никак не удавалось: итальянцы потеряли мою папку с документами. Паспорта у меня не было — одна израильская виза, по которой я, конечно, выехать из Италии в другое место не мог. И я занимался христианской работой: папка-то потеряна. Но, как только я крестился — такое вот совпадение, — папка нашлась. Через две

недели я уже уехал и в Англии приступить к работе на Би-би-си простым, так сказать, «радиовещателем», рядовым сотрудником, который сам придумывает передачу, сам ее готовит, сам редактирует, сам читает текст, сам записывает на пленку и сам выпускает в эфир. На родине в редакциях и порядок помягче, и работы поменьше, как и зарплата, кстати.

Первые годы эмиграции — трудные, это все знают. Нужно обзавестись жильем, которое страшно дорого, а денег, сбережений, конечно, нет. И свое первое жилье я купил в центре города, как здесь водится, в кредит: разваленный, разбитый дом, с жильцом, которого нельзя выселить, — поэтому дом и был дешевым. Жилец обитал в нем с

памяти копились шутки, анекдоты, истории и в итоге накопились в предосточном количестве. Вот весь этот современный фольклор в переработанном виде я и начал возвращать в своих передачах.

К тому же я выехал из СССР в 75-м году, за десять лет до перестройки. Как всякий выезжающий человек, я понимал, что вывез с собой колоссальный багаж вранья и дезинформации: исторической, политической, культурной — какой угодно. Но только окунувшись в новую жизнь, ощутив ее реалии, ты начинаешь понимать, до какой степени тебя всю жизнь обманывали. У меня это вызвало чувство полной оскорбленности. И хотя в рамках музыкальной программы я не имел права говорить все, что хотел, — это не вписывалось в жанр — во мне

Фото Владимира СИМОНОВА

БИ-БИ-СИ

1926 года, и, поскольку он проживал в этом доме во время войны, его охраняют все английские законы. Дом был в кошмарном состоянии, зато близко от Би-би-си — можно ездить в студию на велосипеде. Английский общественный транспорт я не признаю: он безумно дорогой, нерегулярный, ходит не по расписанию. Я поначалу несколько раз на работу опаздывал, а мне это было совершенно ни к чему, потому-то и искал себе дом в пятиминутной зоне от Би-би-си, но, купив, первые полгода после покупки я по вечерам его достраивал. Строил один — денег на рабочих не было, наскребал кое-как только на материал. Вместе с основной работой мой рабочий день составлял часов 14—16. После полугода такой адской жизни меня заела крапивница, зато мы въехали в собственное жилище. В такой ситуации я, конечно, найти свою журналистскую тему не мог, да и замыслы мои не всегда принимались благосклонно. Но среди прочего мне поручили музыкальную передачу. План был новый, обсуждали его чуть ли не полгода. Потом мы сделали три пробных выпуска, они получились не особенно удачными: жанр еще не определился. Я сам не знал, что делаю, да и никто того не знал, передача и сейчас никак не называется, ее все знают как рок-программу, которая начинается десятисекундной заставкой: «Сева Новгородцев, Лондон, Би-би-си...»

Но все постепенно выкристаллизовалось, когда я стал ориентироваться на собственный опыт. Из двенадцати лет профессиональной работы в Союзе целиком восемь, если не девять, я провел на гастролях. В часы вынужденного бездействия во время переездов и в часы — что еще хуже — ожидания автобуса, поезда, самолета гастролеры-музыканты сами себя развлекают. В моей

бурлил вулкан: как бы стоял под давлением кипятка, и малейшая дырочка порождала пульсирующий гейзер. То, что я не мог сказать прямо, выходило в иной форме, в эдаких прозаических баснях, современных анекдотах, где я говорил то, что мои слушатели хотели бы услышать, или то, что они сами хотели бы, но не могли сказать. Причем я понимал, что слушатели должны иметь возможность повторить завтра эти шутки приятелям на работе, сокурсникам в институте, друзьям по школе. И, как подболает хорошему анекдоту, основная мысль была за строчкой. По-моему, передача поэтому и обрела успех.

В таком стиле я работал десять лет, пока в недавнее время в связи с перестройкой не подступил финал. Я еще и сейчас упражняюсь, но теперь мне надо уже придумывать что-то вроде чеховских рассказов на полторы минуты, а такая мини-литература достается, как понимаете, нелегко.

Но я не жил только этими передачами. Приблизительно через два-два с половиной года, когда все шло по накатанной дорожке, мне что-то стало на Би-би-си скучно. И от ощущения, что я не могу себя полностью выразить, реализовать на основной работе, я организовал фирму грамзаписи. Ну, фирма — громко сказано. Просто была зарегистрирована компания: приятель-механик дал мне немного денег в долг. Я переслушал и пересмотрел, наверное, групп восемьдесят и наконец нашел негритянскую команду «Икарус» из Лондона — двоюродные братья и двое-трое их приятелей. Играли они ямайскую музыку, и такая в них была стилистическая чистота и честность, когда они вышли на сцену и взвыли своими голосами, что меня, помню, слеза прошибла. Я всю профессиональную жизнь занимаюсь негритянской музыкой, сиречь джазом, и вдруг

меня прошибло! Найдено было то, что я искал, и уже оказалось совершенно неважно, модно это или нет, нужно это рынку или нет, — оно свое, заветное. А ребята, увидев белого человека, сначала насторожились: недоверие-то существует. Но потом, когда узнали, что я русский, это прошло. Русский здесь как бы не совсем белый, да и мы все-таки воспитаны с симпатиями к угнетенным меньшинствам. Да тут еще я на их репетицию принес в подвал саксофон и задул, и они сказали — конечно, по-английски: «Чувак! Дуть ты можешь!» Это в их устах был такой комплимент... И начал я входить в их программу. В какой-то мере повторилась история с ребятами из Автото. Стали работать. Сделали первую пластинку — одиночную, и пришлось мне побегать ее пристраивать. Здесь выпустить пластинку — не фокус. Фокус — ее продать. В магазины совать — нечего, нужно идти в оптовые фирмы, а фирмам склады неохота зря загромождать — вдруг товар не пройдет. Но он прошел.

Два года я с ними работал. Мы объездили все колледжи и университеты, концертировали, выпустили несколько пластинок. Но потом все пришло к естественному концу — чуть раньше, чуть позже он наступает для всех поп-групп. К тому же коммерсантом я оказался плохим: во мне было мало жадности, мало деловой пекстости.

И фирма моя преобразовалась в консультационную компанию для кино и телевидения. Опыт к этому времени был — мне досталось поработать на съемках телефильмов Би-би-си. Один из них в 83-м, если не ошибаюсь, получил пять академических премий. Это был фильм «Англичанин за границей» — о шпионе Гарри Берджессе, который после 1965 года поселился в Москве. Крупные советские агенты, работавшие в английской разведке, известны: Филби, Берджесс, Маклин. Но Берджесс остался в тени, потому что в Москве тихонечко спился и все о нем забыли. И вот по прекрасному сценарию Алана Беннета, известного здесь драматурга, о его судьбе был сделан фильм. Его снимал известный кинорежиссер Джон Шлессинджер, который некоторое время был как бы «вне игры» и этим фильмом возвращался в большое кино.

Шлессинджер дал мне право нанимать актеров на роли второго плана (всех русских) и писать им диалоги. Я работал с художниками: мы воссоздали зри-

тельные реалии. И все надо было сделать в короткий срок, за небольшие деньги и так далее. Однако успех фильма говорил о том, что атмосфера была создана безошибочно, и на меня посыпалась работа, пошла большая фильма. В 83—84-м году я даже стал каким-то актером на подхвате, ведь режиссерам было удобно меня использовать.

В 84-м году мы делали фильм «Белые ночи» с Михаилом Барышниковым, который согласился работать только при том условии, что в фильме не будет никакой «клоушности». В частности, он потребовал, чтобы Ленинград был настоящим. А в 84-м году о том, чтобы американская киногруппа приехала снимать эмигранта Барышникова в Ленинград, и речи быть не могло. Но американцы люди хитрые и очень профессиональные. К началу фильма все кадры Ленинграда уже лежали у них в коробках, готовенькие, причем снятые в тех ракурсах, в каких им было нужно. Не буду углубляться в подробности, но все требования Барышникова были выполнены, и я считаю, что это способствовало успеху фильма.

Мы провели на картине шесть месяцев, и мне пришлось делать выбор, знаете, как в анекдоте: если водка мешает работе, брось работу. Так и у меня встал вопрос: работа или халтура. А к тому времени я на Би-би-си уже был повышен, стал каким-то небольшим начальником в отделе, жизнь как бы встала на хорошие рельсы... Но я сделал выбор в пользу свободы и в 84-м году ушел из Би-би-си, оставив за собой только свою передачу и еще радиобеседы «Сева-оборот».

А для себя я занимаюсь музыкой, как мечтал последнее время в Союзе. Каждый день или минимум через день я достаю свою флейту — она инструмент более интеллигентный и более древний, чем кларнет. Ставлю на магнитофон ленту аккомпанемента: есть такая «музыка минус один», где нет солирующего инструмента, а записан аккомпанемент, скажем, рояля, клавишина или даже оркестра. И у себя дома играю с великодушными аккомпанистами.

Бернард Шоу как-то сказал, что настоящий джентльмен — это человек, который умеет играть на саксофоне, но никогда этого не делает. К пятидесяти годам я наконец в эту категорию попал.

Публикацию подготовили
Борис и Владимир ВОЛОДИНЫ

Имя отстраненно звучащего Севы Новгородцева было, как мне кажется, своего рода полузапретным незрелым паролем для миллионов рок-фэнов моего (впрочем, думаю, что не только моего, привыкшего рабски плечи под цензурную плетку) поколения. А рок — напоминая нынешним слушателям, предпочитающим сладость разных «Маев» (не намека на горбачевский Апрель), — во времена брежневского всеобщего запоя служил не танцевальной сублимацией чарующих слов и нот, но — загадочным и нехорошим, словно оловянный солдатик, языком. Рваным языком обалдевшей от комсы молодежи. Языком, на котором велась застенчивая «Война с дураками» (Андрей Макаревич) и пелись странные гимны «Электрическим псам» юношеского одиночества, когда «долгая память хуже, чем сифилис, особенно в узком кругу», когда шла «вакантация воспоминаний, которых не пожелать и врагу» (БГ), когда...

Ладно. Признаться, мало что знал Новгородцева как музыканта, чтобы он там ни вспоминал. Но! Но мало кто не знал рок-искусителя, «обманывавшего совмолодежь» на неуловимых, как мстители, волнах Би-би-си. «Нет пророков в своем Отечестве», не так ли?

После вроде бы перестроечных судорог образца 1985-го «Сева-оборот» как-то, по-моему, выпал из тусовочного поля зрения. Однако имя легендарного комментатора совершенно неожиданно (для меня, во всяком случае) дернулось титловым на поздние, когда я с подачи Саши Любимова стал временами сотрудничать со «Взглядом». Сами ведущие, да и все работающие в ЦТ-молодежке не очень, знаю, любят дискутировать по поводу косвенной (и, вероятно, спорной) причастности Новгородцева к... созданию самой популярной телепередачи яковлевской гласности (честнее, считая, сказать: Великой Полугласности Эпохи Недодела).

Каждый раз, приезжая в Лондон, я заключал сам с собой договор: найти С. Н. Найти для того, чтобы сделать примерно такой вот материал. Меня опередили. Но завети и досады — ни следа. «Добрый молодец» Новгородцев оказался не столь крут и резок, как ожидалось. Ах, эта доверчивая сладость реминисценций. Излом ностальгии, приторный, как дым «травки», и вкусный, как завершающий стакан легендарного (под стать С. Н.) напиток под чарующим и обманчивым названием «Солнцедар». «Где мои 17 лет?» Ну и ладно. Ну и пусть. Или, как сказал наш общий (не только, думаю, с Новгородцевым) кумир: «Пусть будет, пусть будет так».

Обозреватель «Совершенно секретно»
Евгений ДОДОЛЕВ (рок-стаж: 22 года
слушания, 26 статей и заметок о роке)

Иван СВИТАК

Отец Масарика — Томаш Гарри Масарик — был создателем Чехословацкой республики. Сын, Ян Масарик, стал министром иностранных дел в правительстве Клемента Готвальда. В ночь с 9 на 10 марта 1948 года Ян Масарик трагически погиб при весьма странных обстоятельствах. Официальная версия — самоубийство. Расследование обстоятельств смерти Масарика никем не проводилось. Сегодня мы ближе, чем когда-либо, к разгадке тайны смерти Яна Масарика. В прошлом году в пражском издательстве «Академия» вышла книга Ивана Свитак «Тяжелый груз истории. Советизация Чехословакии», отрывки из которой, касающиеся гибели министра-демократа, мы предлагаем вашему вниманию. Автор книги философ Иван Свитак во время «пражской весны» стал организатором и лидером новых левых демократов, а после оккупации страны в 1968 году был приговорен к восьмилетнему тюремному заключению, но вскоре лишен гражданства и выслан из Чехословакии. Профессор Свитак преподавал в Университете штата Калифорния в Чико, а сейчас вернулся на родину.

Один из последних портретов Яна Масарика

Ванная комната в служебной квартире Масарика. Основные события разыгрались именно здесь

ЯНА МАСАРИКА?

Я имею надежную информацию, что Ян Масарик был убит.

Президент Гарри Трумэн —
Владимиру Прохазке, послу
Чехословакии

30 августа 1951 года, Белый дом

Уважаемый товарищ
Генеральный прокурор!

Судя по сообщениям в прессе, в ближайшее время планируется начать реабилитацию незаконно репрессированных в годы сталинизма. <...> В интересах укрепления независимого суда и новых демократических процессов в стране прошу Вас незамедлительно начать расследование обстоятельств гибели министра иностранных дел в правительстве Готвальда (после февраля 1948 года) Яна Масарика и выяснить, не был ли он убит в результате заговора и не стал ли первой жертвой на пути нашей страны к тоталитарному диктаторскому режиму.

Настоятельно прошу Вас опубликовать протоколы допросов свидетелей, дававших по этому делу показания под присягой в европейских судах, а также возобновить следствие с целью восстановить события роковой ночи с 9 на 10 марта 1948 года. Частично это удалось сделать Михаилу Рандо, автору статьи «Пятеро пришли после полуночи», опубликованной 7 апреля 1965 года в журнале «Шпигель». В статье Ранда сделан недвусмысленный вывод, что Яна Масарика убили. <...>

Начать такое расследование — дело несложное для опытного полицейского, особенно если он положит в основу факты, изложенные в статье Ранда. Позвольте мне коротко напомнить эти факты, не комментируя их. <...>

Начну с того, что Карел Максбаур, источник Чернинского дворца, заявил в отделение милиции при министерстве иностранных дел, что в 5 часов 27 минут утра, выйдя во внутренний двор, чтобы поднять флаги, он обнаружил... тело Яна Масарика, который был мертв. Всего через шесть часов после этого появи-

лась официальная версия о «самоубийстве» Масарика, совершенном под влиянием болезни, бессонницы и перевозбуждения из-за каких-то телеграмм, якобы полученных им от реакционеров. Этой версии противоречат как показания людей, видевших Яна Масарика накануне его смерти, так и материалы полицейского расследования:

1. Представители следственной группы доктор Франтишек Борковец, заместитель начальника отдела госбезопасности в МВД, и доктор Яромир Теплый, полицейский врач-эксперт, прибыв в Чернинский дворец, отметили необычный беспорядок в спальне Яна Масарика. На постели отсутствовали подушки, на полу прилегающей к спальне ванной комнаты были рассыпаны осколки стекла, а окно в ванной распахнуто настежь.

2. При осмотре тела доктор Яромир Теплый обнаружил физиологические симптомы смертельного испуга, которые никогда не встречаются у самоубийц.

3. Личный слуга Яна Масарика Богумил Пишгода застал в спальне полный разгром. Особенно его поразило распахнутое окно в ванной комнате, которое никогда не открывалось. Подушки валялись в ванной комнате.

4. Вилибальд Хоффман, полицейский врач-эксперт, измерил расстояние от пола до подоконника в обеих комнатах. В спальне окно располагалось на высоте 60 см, а в ванной — 130 см. Никто никогда не задавался вопросом, почему человек, решивший свести счеты с жизнью в собственной квартире, выбрал для этого самое неудобное окно. Тот же Вилибальд Хоффман насчитал в спальне четырнадцать окурков сигарет разных сортов.

5. Доктор Оскар Клиггер, личный врач Яна Масарика, не был допущен к телу. Доктор Клиггер осматривал Масарика 8 марта и нашел его в хорошем физическом состоянии.

6. Протокол вскрытия тела Яна Масарика подписал профессор Гаек, который, по его собственному признанию, сделанному позже, не подходил к телу ближе чем на три метра.

7. Телеграммы, якобы толкнувшие

Масарика на самоубийство, никогда не были опубликованы.

8. Распространенная ранее по редакциям газет официальная фотография Яна Масарика была конфискована полицией в день его похорон. (Разумного объяснения этой акции полиция не дала.) На фотографии, снятой в профиль справа, ухо лежащего в гробу Масарика было прикрыто цветком.

9. Официальное коммюнике о самоубийстве Яна Масарика было составлено без учета результатов следствия всего через шесть часов после того, как обнаружено его тело.

10. Министр внутренних дел Вацлав Носек запретил полиции заниматься дальнейшим расследованием сразу же после похорон Масарика. Доктор Борковец продолжил следствие на свой страх и риск и обнаружил следы, ведущие к майору Францу Шрамму и Вацлаву Седму, которые, по всей вероятности, были замешаны в убийстве.

11. Майор Франц Шрамм, работавший на связи чешской госбезопасности и НКВД и организовавший, по мнению Ранда, покушение на Яна Масарика, был убит летом 1948 года неизвестными лицами, возможно агентами Запада.

12. Вацлав Седм из охраны Чернинского дворца погиб в июне 1948 года в автомобильной катастрофе при невыясненных обстоятельствах...

13. На основании данных частного расследования доктора Борковца комиссар полиции Йозеф Кадлец предложил провести эксгумацию, чтобы выяснить, была ли повреждена область за правым ухом Масарика в результате удара, либо там имелись следы инъекции. Вскоре после этого комиссар Кадлец умер прямо в полиции во время допроса.

14. В конце 1948 года доктор Франтишек Борковец был обвинен в организации восстания в Литомержице. Под пытками он признался, что якобы был главой восставших, и после инсценировки суда был казнен.

Уважаемый товарищ Генеральный прокурор, разумеется, Вы не станете отрицать, что при чтении даже этого

сокращенного перечня фактов нельзя исключить возможность убийства Яна Масарика. Совершил ли это преступление агент НКВД майор Шрамм со своим сообщником Седмом, либо они сами, как нежелательные свидетели, были ликвидированы? Были ли убиты Франтишек Борковец и Йозеф Кадлец? Выяснить это — сложная задача для следственных и судебных органов, но тем не менее прошу Вас сделать это во имя справедливости и торжества закона. У Вас есть великолепный шанс стать чехословацким Гаррисоном (новоорлеанский окружной прокурор Джеймс Гаррисон расследовал покушение на президента Кеннеди. — Прим. пер.). Ваше положение даже предпочтительнее, так как все архивы МВД будут незамедлительно представлены в Ваше распоряжение, ибо это в интересах нашего нового руководства страны, стремящегося покончить с ошибками и несправедливостями прошлого. <...>

С искренней симпатией к моему бывшему следователю и с заверением в содействии, если потребуется,

Иван Свитак

10 марта 1968 г., Прага

Это был новый Мюнхен. Я отправился в Москву как министр суверенного государства, а возвращаясь оттуда марionеткой Сталина.

Ян Масарик — своим друзьям после приземления в Праге 12 июля 1947 года

Опасаясь проиграть выборы, Клемент Готвальд решил спровоцировать правительственный кризис. Его зять Алексей Чепичка, депутат от Оломоуца, взялся помочь ему. Коллега Чепички, тоже депутат от Оломоуца, Юрай Соснар организовал изготовление бомб-«сюрпризов», замаскированных под коробки с духами, которые были отосланы по почте 10 сентября 1947 года Яну Масарику, Петру Зенклу и Прокופу Дртине. Но покушение сорва-

лось, преступников арестовали, Юрай Соснар лишился депутатской неприкосновенности, однако следствие по заговору было прервано февральскими событиями.

Через десять лет после Мюнхена, в феврале 1948 года, чехословацкая трагедия вновь повлила на судьбы мира. Пало последнее демократическое правительство в Восточной Европе. В считанные дни в промышленно развитой стране прозападная ориентация с богатыми и давними демократическими и гуманистическими традициями были аннулированы права человека.

Западные дипломаты ожидали чего-то подобного, но были не в силах предотвратить трагедию. Сами чехи не прислушались к совету англичан не подписывать роковой договор с Советским Союзом в 1943 году, сами чехи добровольно вступили в советский блок, сами чехи отказались от американской помощи по плану Маршалла. Могла ли американская армия вторгнуться в страну советского блока, если чехская армия не сделала ни единого выстрела в свою защиту? Если президент страны Бенеш, он же верховный главнокомандующий, смирился с тем, что его друзья-демократы попросту вышвырнули из правительства?

Правительственный кризис разразился 13 февраля 1948 года. Напряжение нарастало с каждым днем.

Двадцатого февраля подали в отставку министры-демократы — довольно неуклюжая инсценировка, которая, впрочем, давала Клементу Готвальду уникальный шанс урегулировать кризис парламентскими методами. После пяти дней сопротивления под давлением демонстраций вооруженной рабочей милиции и угрозы советской интервенции Бенеш сформировал новое правительство, где большинство составляли коммунисты. Президент Чехословакии предпочел не рисковать, ибо опасность гражданской войны была реальна.

В дни кризиса Ян Масарик занемог «дипломатической болезнью», хотя, будучи беспартийным министром, не подвергался травле со стороны коммунистов. В конце концов не все было потеряно: социал-демократы по-прежнему оставались в правительстве, а их лидер Богумил Лаушман не подавал в отставку. Вечером 22 февраля Масарик встретился с Лаушманом, предметом их беседы были планы сотрудничества на будущее. Еще до кризиса Масарик собирался выставить свою кандидатуру на весенних выборах от социал-демократической партии. Однако сейчас вооруженная милиция маршировала по пражским улицам, из министерств и учреждений увольняли «реакционеров», люди тысячами бежали из страны, советские войска в Саксонии и Австрии проявляли необычную активность вблизи чешской границы, американцы прямо заявили, что вмешиваться не будут — Бенеш пожинал плоды политики пассивности, которая произвела на него столь глубокое впечатление пятью годами раньше при подписании договора в Москве.

Февральский переворот был тщательно подготовлен Сланским, генеральным секретарем компартии и делегатом от Чехословакии на секретном совещании Информбюро коммунистических партий в польском местечке Склиршица Пороба в сентябре 1947 года. План переворота был разработан при помощи Москвы и под наблюдением советского посла Валерия Зорина. На границе Чехословакии в повышенную готовность были приведены советские войска, а внутри страны — команды советских агентов и чешских наемных убийц типа Шрамма — словом, вся «королевская рать».

Однако вопреки советскому плану переворота президент Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик в отставку не подали. После чистки кабинета их присутствие в правительстве создавало определенные трудности для заговорщиков. Более того, Бенеш и Масарик стали опасны, ибо, переметнувшись на Запад, они могли стать лидерами правительства в изгнании. Антисоветские взгляды Яна Масарика были хорошо известны, равно как и его отношение к Фирлингеру и Свободе. Его ядовитые анекдоты и шуточки о советских дипломатах не каза-

лись смешными в Москве.

Для коммунистов Ян Масарик прежде всего был близким другом шпиона Брюса Локкарта, а также человеком, собиравшимся жениться на реакционной американке Марсии Дэйвипорт — наименее подходящей кандидатуре на роль первой леди Чехословакии, если Масарик станет преемником смертельно больного и частично парализованного Бенеша. Советы, несомненно, знали, что четвертого марта Масарик отказался подписать приказ об увольнении демократически настроенных сотрудников своего министерства. Шестого марта Марсия Дэйвипорт покинула Прагу, увозя письма Масарика Локкарту и главе британского Форин Оффиса сэру Орме Сарджету, в которых Масарик просил помочь ему покинуть страну. На следующий день Бенеш дал Готвальду клятву не выезжать за пределы Чехословакии. Между прочим, и Масарик в тот же день, выступая перед высшими офицерами, заявил, что «пойдет с народом». После этого он навестил могилу отца на кладбище в Ланах и был задумчив и мрачен. Девятого марта Масарик вместе с польским министром иностранных дел нанес визит Бенешу. Судя по последним фотографиям, в этот день Масарик пребывал в хорошем настроении.

Назавтра Масарика должны были представить парламенту как министра нового правительства. Готвальд попросит проголосовать за вотум доверия этому правительству, придав видимость законности свершившемуся перевороту. Но на этом представлении, знаменующем триумф советизации страны, Масарика не будет. Лишь букет красных роз будет лежать на пустом месте правительственной скамьи между генералом Людвигом Свободой и премьером Готвальдом...

Ян Масарик почти до самого конца верил, что коммунистическое движение в его стране представляет собой нечто особое, что его можно примирить с идеей национальной свободы, которой Ян Масарик, как и его отец, был фанатично привержен...

Госсекретарь США Джон Фостер Даллес на Межамериканской конференции в Каракасе 8 марта 1954 года

Что побудило меня написать «Открытое письмо Генеральному прокурору»? Главной и непосредственной причиной стал прозвучавший 10 марта 1968 года над могилой Яна Масарика вопрос: «Победит ли правда в нашей стране?» Именно этот вопрос, а не то, кто возглавляет компартию, был основным весной 1968 года.

Вторая существенная причина, заставившая бередить старые раны, носила скорее сугубо практический политический характер. Никто уже не сомневался, что Рудольфа Сланского и других жертв политических процессов 1952 года реабилитируют. Тем важнее было привлечь внимание к преследованиям некоммунистов. Ведь, когда речь шла о репрессированных коммунистах, террористические методы осуждались, но едва дело касалось так называемых «классовых врагов», и те же методы репрессий находили оправдание. Реабилитация Рудольфа Сланского была такой же ложью, как и суд над ним. Ныне ему предстояло стать героем — столь же незаслуженно, как он был осужден и казнен. Антонин Новотный назвал это «законом жерновов». Создав репрессивный механизм, Сланский сам сделался его жертвой, точно так же, как ленинские соратники и члены ГПУ — во время чисток тридцатых годов в СССР.

И наконец, у меня был личный повод написать письмо прокурору. Как и большинство моих сограждан, я был потрясен в 1948 году смертью Яна Масарика. Разумеется, до меня доходили всевозможные слухи относительно его кончины, но я не придавал им особого значения, считая слухами. Однако в 1955 году я вновь услышал о разгроме в спальне Масарика, царящих от ногтев на оконной раме и тому подобном — на этот раз от близкого мне человека. Мой старший кузен полковник ВВС Адольф Петр-Бартош был человеком отчаянной

храбрости. В конце войны фашисты приговорили его к смерти за участие в переброске на Запад чешских летчиков, а после войны коммунисты посадили в тюрьму за то, что он был спасен от смерти американцами. В самой глобальной военной тюрьме, в Мирове, он попал в одну камеру с людьми, присутствовавшими при осмотре спальни Яна Масарика 10 марта 1948 года.

Тогда, в 1955 году, я не поверил ему. Но вскоре, в феврале 1956 года, после разоблачения сталинских преступлений Хрущевым, от рассказа моего кузена было не так просто отмахнуться. Между тем я по-прежнему воздерживался от каких-либо суждений по поводу гибели Яна Масарика и жестоких пыток политзаключенных. Я не хотел верить. Чем страшнее правда, тем упорнее мы отказываемся верить ей. Лучший способ сохранить душевное спокойствие — ничего не знать.

Статья М. Ранда в «Шпигеле» буквально потрясла меня. В 1965 году в западногерманском журнале, тайком привезенном моей матерью из Австрии, повторялась та же версия гибели Яна Масарика, которую я десятилетиями раньше слышал от своего кузена! И хотя в статье не приводилось неопровержимых улик, обвинения были столь вескими, что их нельзя было проигнорировать.

В своем письме Генеральному прокурору я повторил основные положения версии моего кузена и Ранда, подчеркнув, что не требую доказать убийство. Я не утверждал этого и сегодня. Для того чтобы всесторонне разобраться в трагедии Масарика, недостаточно знать, добровольно ли он выбросился из окна в 1948 году. Необходимо разобраться в причинах, которые привели к краху чехословацкой независимости и национального самосознания и в конечном счете — демократического социализма», провозглашенного реформаторами из компартии двумя десятилетиями позже.

Письмо было адресовано Генеральному прокурору, университетскому профессору Яну Бартошке, и опубликовано в газете Карлова университета «Студент» 3 апреля 1968 года. Я уже имел удовольствие познакомиться с профессором тремя годами раньше, когда он ретиво изыскивал повод упрятать меня за решетку.

Эффект публикации моего письма в открытой прессе был подобен взрыву бомбы. Поначалу люди отказывались верить своим глазам. Весь тираж «Студента» разошелся моментально — за номер стоимостью одна крона переплачивали стократно. Это было неожиданностью и для меня самого, ибо я не стремился к сенсации, письмо было рассчитано на небольшую группу студентов философского факультета университета. Но сам факт появления такого материала в газете недвусмысленно свидетельствовал, что цензура уже бессильна и подобные публикации могут появляться и в дальнейшем. Письмо вызвало лавину интереса и всплеск журналистской активности — оно знаменовало начало почти неограниченной свободы печати.

К моменту публикации письма должность Генерального прокурора уже занимал Франтишек Забранский. В тот же день газеты сообщили: прокуратура начала новое расследование и в ближайшее время выступит с официальным заявлением. Пятого апреля 1968 года «Руде право» опубликовала интервью с начальником следственного отдела прокуратуры доктором Иржи Котляржом, заявившим, что он занят сбором достоверной информации, что часть материалов дела оказалась неточной.

Я в свою очередь дал интервью газете «Прага», подчеркнув, что меня интересует лишь правда, что я намерен изучить все относящиеся к делу документы и что был бы даже рад, если бы в итоге бесспорно подтвердилась версия самоубийства Масарика. В то же время я подчеркнул, что если это было убийство, то, скорее всего, оно было совершено без ведома Клементы Готвальда, ибо тот был заинтересован сохранить Яна Масарика в своем правительстве. И наконец, я вновь призвал к открытой публикации всех документов и свидетельств, чего, увы, не произошло ни тог-

да, ни после...

Я получил сотни писем. Люди, боявшиеся говорить об этом двадцать лет, описывали подробности смерти Яна Масарика. Попутно пришлось смириться с тем, что мое расследование было сопряжено с риском. Когда получасов по нескольким анонимным письмам в день, где общаются убить тебя, застрелить, повесить, невольно начинаешь нервничать. Еще более зловеще звучали угрозы по телефону, регулярно раздававшиеся в полночь. Самым неприятным переживанием стала ночь на 15 апреля, когда зазвонил телефон и низкий мужской голос сообщил: «У нас есть отличные яды. Ты спохнешь, а полиция будет невдомек — отчего. Вспомни Ольгу Шейнфлюгову...»

Это случилось вскоре после того, как один из главных свидетелей по делу о смерти Яна Масарика, бывший сотрудник МИДа Павел Страка, дал свои знаменитые показания. В трагическую ночь с 9 на 10 марта 1948 года он работал в здании министерства. Внезапно кто-то запер дверь его кабинета снаружи и отключил телефоны. Около полуночи он слышал звуки подъезжавших и отъезжавших машин. А утром тело Масарика было найдено во дворе министерства. Ольга Шейнфлюгова подтвердила его показания... и умерла неделей позже. Серия очень странных самоубийств в те дни нагнетала атмосферу страха.

Я знал, что агенты секретных служб используют подобные методы. Во всяком случае, самоубийства Почепички, Бржестанского, Янко и других выглядели подозрительно. Но столкнуться самому с подобной угрозой для меня было вновь. Не скрою, что я по-настоящему испугался. После ночного звонка я впервые решил запретить дверь своей комнаты, но замок заржавел и закрыться изнутри было попросту невозможно. Следующие три ночи я провел у друзей.

Однажды раздался звонок моего знакомого. Он явно нервничал и все повторял: «Они убиты нас всех, они убиты нас всех, они убиты нас всех...» До сих пор не знаю, что с ним тогда случилось. Тяжело было слышать советы близких друзей, умудренных опытом, которые говорили, что с моей стороны просто глупо сомневаться в эффективности методов секретных служб. Я и не сомневался в этом до сих пор.

В те дни у меня было много посетителей. Большую часть услышанного от них я впоследствии опубликовал, но некоторые важные свидетельства так и не появились в печати:

1. Х.Х., бывший социал-демократ, рассказал мне 7 апреля 1968 года следующее. Он часто играл в шахматы с братом Рудольфом Сланского, Ричардом, и во время игры они обычно спорили о политике. Однажды разговор зашел о том, будто бы Ян Масарик хочет вступить в социал-демократическую партию. Ричард Сланский категорически воскликнул: «Никогда!» Такая реакция показала Х.Х. странной, и он вновь завел разговор об этом в день смерти Масарика. Тогда Ричард рассказал ему, что его брат Рудольф, второй человек в чешской компартии, был разбужен телефонным звонком в полтретьего ночи, помчался в Чернин и, прибыв туда, якобы увидел тело мертвого Яна Масарика. Правда ли это, можно было проверить у оставшихся в живых членов семьи Сланского.

2. Х.Х., политзаключенный в 1949—1954 годах, рассказывал мне: «В бывшей восточной тюрьме близ Опавы я попал в одну камеру с Яном Пешком, а затем лежал с ним в тюремном госпитале. Пешек был сотрудником пражского криминологического центра и отбывал свой срок в 1950—1952 годах. Он признался мне, что входил в следственную группу, занимавшуюся смертью Яна Масарика. Прибыв 10 марта в Чернинский дворец, он заметил группу людей, которые злобно посмотрели на присехавших и вскоре куда-то скрылись. В спальне Масарика постельники были полны окурков, на оконной раме явно виднелись царапины, словно кто-то отчаянно зацепился, на подоконнике он заметил следы экскрементов. Пешку стало ясно, что здесь было совершено убийство».

3. З.З. сообщил мне, что надолго попал за решетку и даже был подвергнут пыткам лишь за то, что видел, как не-

сколько мужчин убежали из Чернинского дворца ночью 10 марта 1948 года. Z.Z. был изрядно запуган и уговаривал меня не лезть в это дело. Несколько раз он невнятно намекал на какую-то стычку в аэропорту. Возможно, там был Валериан Зорин, посол СССР и резидент Берии в Восточной Европе, который сорвал попытку бегства Яна Масарика за границу на самолете.

4. Некто неизвестный писал: «Вы занимаетесь смертью Яна Масарика. Даю вам ниточку: спросите Руду Барака, и, быть может, он расскажет вам о Черном, агенте STB (тайная полиция госбезопасности), который многое знает об этом деле. Черный знает тех, кто это сделал, а может быть, даже один из них. По крайней мере, он хвастался этим много лет назад и говорил все в точности, как вы написали в своей статье».

5. Аноним из Погоржелец, района Праги, прилегающего к Граду, утверждал, что жил в 1948 году возле Чернинского дворца. Он слышал голоса четырех людей, прошедших во дворец после полуночи. Телефоны в ту ночь были отключены, а наутро из дворца вынесли гроб.

6. М.М., писатель, рассказал мне, что один из его друзей возвращался домой поздно ночью с 9 на 10 марта 1948 года из окрестностей аэропорта Ружине. По дороге он встретил человека, который сказал ему, что Ян Масарик мертв — его забили до смерти в Ружине. Наутро по радио передали о самоубийстве.

7. Шестого апреля 1968 года у меня состоялся телефонный разговор с сотрудницей полицейской лаборатории, которая сообщила мне свое имя и сказала, что работала с доктором Теплым, производившим вскрытие тела Яна Масарика. После этого доктор Теплый выглядел очень подавленным, а 4 января 1949 года покончил с собой, причем официальная версия — из-за семейных неурядиц — была заведомой ложью. Сотрудник госбезопасности, приходивший на их службу после смерти доктора Теплого, заявил, что тот слишком много знал и поэтому должен был умереть.

8. Шестого апреля 1969 года неизвестная пожилая женщина, позвонившая по телефону, утверждала, будто знает, кто спланировал убийство Яна Масарика, и обещала сообщить мне подробности при личной встрече в следующий понедельник. Если это была Ольга Шейнпфлюгова, то она не дождала до назначенного дня.

9. Восьмого апреля 1968 года неизвестный сообщил мне, что знает шофера, который вез Яна Масарика обратно в Чернин после визита к президенту Бенешу. В ходе разговора неизвестный не раз намекал, что шофер либо его мать до сих пор были живы, он якобы встречал их, и они готовы подтвердить его слова. Звонивший туманно намекал на причастность к делу повара Масарика с еврейской фамилией, которого он недавно встречал и который тоже согласен с его версией убийства. У меня не было возможности проверить услышанное — это входило в обязанности Генерального прокурора.

Во вторник, 16 апреля 1968 года, «Руде право» опубликовала статью Иржи Гохмана, где говорилось о злобной роли банды Берии в расправах над видными деятелями чехословацкой компартии в 1949—1952 годах. Хотя автор, в сущности, поддерживал версию самоубийства Яна Масарика, он не исключал, что убийцы из ведомства Берии могли приложить руку к гибели чешского министра иностранных дел. Гохман считал, что убийство трудно объяснить с разумных позиций. Автор шел по тонкому льду: ничтоже сумняшеся он повторял очевидную ложь партийной идеологии, ссылаясь в поддержку версии самоубийства на ЦРУ и авторитетного американского журналиста Уолтера Липмана — короче, статья ничем не была бы примечательна, если бы не появилась в центральном органе чехословацкой компартии и если бы автор не просил в заключение советских друзей помочь разобраться в преступлениях, совершенных кликой Берии.

Естественно, такие обвинения, появившиеся на страницах чешских газет, не могли обрадовать председателя КГБ Александра Шелепина — главы ведомства, которое несло ответственность

за эти преступления. И 14 мая 1968 года газета «Советская Россия» провела целенаправленную атаку на Томаша Масарика. Советская пресса обвинила его в финансировании покушения на Ленина. Таким образом, Ян Масарик превратился из сына основателя чехословацкого государства в сына террориста, врага социализма и приспешника буржуазии. Советские нападки были настолько демагогическими, что это не могло быть простым случайностью. Вместо того чтобы достаточно легко отыгаться, признав некоторые ошибки сталинизма и заклеймив секретную службу Чехословакии в преступлениях, советская пропаганда после первой истерической реакции начала обвинять чешских журналистов в разжигании антисоветских настроений.

Далее ситуация вокруг смерти Яна Масарика вступила во вторую фазу развития, которая и продолжалась вплоть до августа 1968 года. Эта фаза характеризовалась тем, что прокуратура предпочла весьма сомнительную версию, предложенную бывшим сотрудником Яна Масарика Любомиром Суоупом. Он считал, что Масарик покончил с собой в знак протеста, что имело место не физическое, а моральное убийство.

Эту версию с небольшими дополнениями поддерживали другие сотрудники министерства иностранных дел. Прокурор Иржи Котлярж ездил в мае 1968 года в Англию для личной беседы с доктором Суоупом. Было похоже, что формула «Физическое убийство? — Нет. Духовное убийство? — Да!» ляжет в основу компромиссного решения. Тем не менее после советской оккупации даже такой вывод показался чересчур смелым, и «расследование» закончилось в декабре 1969 года заключением о том, что произошел несчастный случай. Якобы при бессоннице Масарик любил сидеть потуречки на подоконнике.

Любопытна и другая официальная версия, выдвинутая десятилетиями раньше Индржихом Веселым, представителем «твердолобых» в партийной элите. Он считал, что Яна Масарика хотели похитить английские командос. Весьма интересное мнение, особенно если учесть, что оно исходит от одного из руководителей ТВ, который знал много.

...Когда-нибудь исчезнут все субъективные и объективные, личные и государственные причины, которые удерживали людей поделить правдой о гибели Яна Масарика, и увидят свет новые документы и свидетельства. Где же предстоит искать следы, ведущие к разгадке давнего преступления?

Во-первых, в архивах хранятся еще необнародованные документы и рапорты секретных служб и разведок. Если Масарик действительно собирался бежать за границу, то почти наверняка обратился бы за помощью к британской разведке и своему близкому другу Брюсу Локарту. Но мы знаем, что в то время на высокие посты в британской секретной службе проникли советские агенты Ким Филби, Гай Берджесс и Доналд Маклин, так что любая запланированная акция по спасению Масарика стала бы незамедлительно известна Советам.

И наконец, до сих пор остаются без ответа вопросы: посещал ли Масарика Рудольф Сланский в ту роковую ночь? Что произошло на самом деле во дворце Чернин? Убегал ли кто-то из дворца ночью? Был ли Масарик в аэропорту Ружине в ту ночь? Был ли аэропорт блокирован милицией? Не исчезли ли какие-либо документы из кабинета министра? Какие именно? Привезенные им от Бенеша? Собирался ли Масарик бежать? Почему совпадают почти дословно показания его секретарей о самоубийстве шефа?

Ключ к тайне гибели Масарика — не последние секунды его жизни, а то, с чем он столкнулся лицом к лицу перед своей смертью.

Перевод с английского
Михаила АЛЕКСАНДРОВА

Рояльд ДАЛЬ

Около шести часов вечера я решил, что неплохо будет спуститься вниз, заказать кружку пива и посидеть с ней у бассейна на пригласенном предзакатном солнышке. Взяв свое пиво в бар, я прошел через сад. Вокруг плавательного бассейна было расставлено множество шезлонгов. Я облюбовал себе местечко под веселым желтым зонтиком и огляделся. Вокруг меня все были в купальных костюмах, хотя купались немногие. В воде резвились, перебарываясь большим мячом, две или три девушки и с десяток молодых людей. Девушек я уже видел. Они приехали из Англии и жили в этом же отеле. Юноши, судя по произношению, были американцами. Вероятно, подумал я, это военно-морские кадеты с учебного судна, которое бросило якорь в здешней гавани сегодня утром. Брызг и визга было много, но зрелище это не могло не радовать глаз.

Тут я заметил маленького старичка, шустрыми шажками оглябавшего край бассейна. На нем был безукоризненно сидевший белый костюм и огромная кремовая панama. Он остановился рядом со мной и озярился улыбкой, показав мне при этом два ряда мелких и неровных зубов. Я улыбнулся ему в ответ.

— Извините, пжалста. Могу я здэсь сидеть?

— Разумеется, присаживайтесь, — сказал я.

Он склонился над одним из шезлонгов, попробовал его на прочность и осторожно сел, скрестив ноги. Он был в легких летних ботинках; все в дырочках, для лучшей вентиляции.

— Отличный вечер, — сказал он. — Здэсь, на Ямайке, все вечера отличные.

Я не большой дока по части языков и не мог бы точно сказать, что у него за акцент, но почему-то мне показалось, что откуда-нибудь из Южной Америки. И уже в очень преклонных летах, заметил я, рассмотрев его поближе. Вероятно, ему около семидесяти.

— Да, здэсь чудесно, — сказал я.

— А эти кто? — он ткнул крючковатым пальцем в сторону бассейна. — Они не из эта гостиница...

— Я думаю, они американские моряки. Вернее, учатся на моряков.

— Конечно, они амэрикански. Только амэрикански могут поднять такой шумиха. Вы не амэрикански, нет?

— Нет, — ответил я.

Неожиданно прямо перед нами выросла фигура одного из кадетов. С него все еще стекала вода. Рядом с ним стояла юная англичанка.

— Эти кресла заняты? — спросил он.

— Нет.

— Не будете возражать, если мы тут приземлимся?

— Валийте.

При нем было свернутое трубочкой полотенце, и, когда он сел и развернул его, в нем оказались пачка сигарет и зажигалка. Он предложил сигареты всем поочередно. Девушка отказалась, я взял, а старичок сказал:

Рис. Валерия БОЧКОВА

— Спасибо, я лучше лублю сигару, — и достал из кармана портсигар, отделанный крокодиловой кожей. Оттуда он извлек сигару, кончик которой отрезал специальным ножиком.

— Позвольте, я дам вам прикурить, — сказал парень, поднимая к его сигаре свою зажигалку.

— Эта ваша штука не зашлется при такой вэтер.

— Как это не зашлется! Она всегда срабатывает.

Старичок южноамериканец вынул изо рта сигару, склонил седую голову набок и пристально посмотрел на молодого человека.

— Неушели всегда?

— Ни разу осечки не было. По крайней мере, в моих руках.

— А-ха! — воскликнул старичок. — Значит, вы говорите, что эта ваша зажигалка зашлется всегда. Вы фель так говорить?

— Конечно, — ответил парень. Ему на вид было лет девятнадцать-двадцать. Симпатичное, в веснушках, лицо, островатый, чуть похожий на птичий, носик. Загореть он еще толком не успел, на груди его были видны веснушки. Он держал зажигалку в правой руке, готовый чиркнуть колесиком.

— Она меня никогда не подводила, — сказал он, смеясь. — Ну честное слово, ни разу!

— Одну минуточку, пжалста, — старичок поднял руку с сигарой над головой и слегка вывернул ладонью наружу, словно ему нужно было остановить такси. — Не заклүшить ли нам небольшой пари?

Он говорил, не сводя глаз с молодого человека.

— Не заклүшить ли нам пари на вашу зажигалку?

— Пари? — переспросил парень. — Почему бы и нет, давайте поспорим.

Южанин сделал паузу, посмотрел на кончик своей сигары, и, должен признаться, что-то в его манерах меня насторожило. Он как будто что-то скрывал.

— Я вишу, вы любите спорить. Я тоже люблю... Давайте сделаем хороший пари на эту вашу штуку. Хороший, хороший пари.

— Постояйте, на зажигалку я спорить не буду. Я могу поставить доллар или какие тут у них деньги?

Старик отмахнулся рукой.

— Послушайте меня. Мы сейчас станем веселиться. Мы сейчас заклүшить пари. Потом мы идти в мой номер, где нет никакой вэтер. Я говорю, что вы не можете зашлеть ваша зажигалка десять рраз потрат без осечка.

— А вот и смогу, — сказал юноша.

— О'кэй, отлично! Тогда — пари?

— Пари. Я ставлю доллар.

— Нет-нет. Мы делать большой пари. Я богатый человек и спортсмен. Слюшаюте меня. Перед гостиница стоять мой авто. Это очень шикарный авто. Это амэрикански авто, из ваша страна. «Кадиллак»...

— Нет, сй-богу, это смешно! Я не могу спорить на такие дорогие вещи.

— Нишего смешного здэс нет, молодой человек. Вы зашлеть десять рраз потрат, и «кадиллак» ваш. Вы же хотеть такой авто?

— Понятное дело! Кому ж не хочется иметь «кадиллак»?

— Вот и хорошо. Мы спорить, и я ставить мой «кадиллак».

— А что ставлю я?

Старичок аккуратно снял красное бумажное кольцо с сигары, которую так и не прикурив.

— Я никогда не просить ставить, что вы не можете себе позволить. Я понятно излагать свой мысль?

— Ну так что же будет моей ставкой?

— Это будет совсем просто. Я хотеть, чтобы вы ставить мизинец ваша левая рука.

— Что-что? Мой мизинец?! — парень больше не улыбался.

— Да! Вы побеждать — забирать мой авто. Я побеждать — забирать ваш палец.

— Интересно, как же это вы его заберете?

— Я его отрубать.

— Боже милостивый, что за сумасшедшее пари! Может быть, вы все-таки обойдетесь долларом с моей стороны?

Маленький человечек откинулся назад и чуть презрительно пожал плечами.

— Ай-ай-ай! Я што-то вас не понимать. Вы говорите, што зашпалка безотказный, а пари не дершать. Значит, мы не спорить?

Парень сидел теперь совершенно неподвижно, в задумчивости глядя на купающихся. Потом он вдруг вспомнил, что так и не прикурив свою сигарету. Он зажал ее губами, укрыв зажигалку в ладонях и чиркнул. У него в руках расплел небольшой, но вполне устойчивый огонек желто-синего оттенка.

— Можно мне тоже вашего огоньку? — попросил я.

— О, конечно! Извините, совершенно вылетело из головы.

— Как вам здесь нравится? — спросил я, прикурив.

— Здэс просто великолепно. Мы прекрасно проводим время.

Наступило молчание. Я видел, что своим абсурднейшим предложением старик совсем задумал маленького человека. Юнец сидел словно в трансе, и можно было заметить, как в нем нарастает напряжение. Потом его нервное состояние прорвалось наружу. Он заерзал в своем шезлонге, почесал в затылке, положил руки на колени и забарабанил пальцами по коленным чашечкам.

— Нет, давайте еще раз обсудим условия вашего пари, — сказал он наконец. — Мы идем к вам в номер, я зажигаю свою игрушку десять раз кряду и получаю «кадиллак», так?

— Именно! Отличный пари, но вы, кашется, бонтеус?

— А если я проиграю? Я должен буду вытянуть свой мизинец, чтобы вы мне его оттяпали?

— Нет, так не годится! Вы можете хотеть отказаться отдать мне палец. Поэтому я сначала привязать ваш рука к стол. Когда мы нашать, я буду стоять около вас и иметь нож. Вы ошибитесь — я ррубить.

— Какого года тачка? — быстро спросил парень.

— Извэните, не поняль?

— Я спрашиваю, сколько лет вашему «кадиллаку»?

— А! Какой он старый? Прошлый год. Совсем новый авто. Но я видеть, вы не хотеть спорить. Все амэрикански не хотеть...

Парень сделал еще одну паузу, но на этот раз короткую, обвел нас всех взглядом по очереди и сказал:

— Ладно, пари так пари.

— Отлично! — негромко воскликнул старик, хлопнув в ладоши. — Ошень хорошо! Мы делать это сэйчас. А вы, сэр, — он обратился ко мне, — вы должны быть нашей, как это?.. Судей.

— Ну, не знаю, — ответил я. — Я считаю, что это идиотское пари, и мне оно совсем не по душе.

— И мне тоже, — впервые подала голос девушка. — Это все глупость, варварство какое-то.

— Вы серьезно собираетесь отрубить ему палец, если зажигалка даст осечку? — спросил я старика.

— Конечно! И отдавать «кадиллак» тоже вполне серьезно. Пошли. Мы идти ко мне.

Он поднялся.

— Вы одеться? — спросил он парня.

— Нет, я пойду так, — затем, повернувшись ко мне, он добавил: — Я бы тоже просил вас пойти и рассудить наш спор.

— Хорошо, я пойду, но ваше пари мне активно не нравится.

— Ты тоже иди, — сказал он девушке. — Будешь наблюдать, чтобы все было честно.

Южанин возглавил наше шествие через сад обратно в отель. Он был заметно возбужден и весел — чуть ли не припрыгивал при ходьбе.

— Я жить в апартаменто люкс. Но сначала я хотель показывать вам авто. Вот он стоит.

Он подвел нас к месту, откуда была видна основная автостоянка отеля, и показал бледно-зеленый «кадиллак».

— Классный агрегат! — восхитился наш юноша.

— О, да! И теперь мы идти и смотреть, как вы ее выигрывать.

Мы поднялись наверх, он открыл замок и впустил нас в свои апартаменты, состоявшие из трех комнат. Сквозь двери одной из двух спален был виден валявшийся поперек кровати женский халат.

— Сначала мы пить немного мартини, — он подошел к бару, достал из него бутылку, бокалы, ведро со льдом и принялся смешивать напиток на всех. Покончив с этим, он звонком вызвал горничную. Она явилась через пару минут.

— Здрассуйте, милая. Мы хотеть икрать с мои друзья. Пжалста, принесите для нам две... Нет, три вещи. Мне нужно гвозди, молоток и топорик ррубить мяшо, такой, как у косинеро. Я видеть в кухне...

— Кухонный топорик? — горничная была изумлена до отупения. — Вы хотите настоящий кухонный топорик?

— Да, конечно. И быстро!

— Хорошо, сэр. Я постараюсь, сэр.

Она ушла, а мы взялись за мартини.

— Согласитесь все-таки, что пари идиотское, — сказал я, не обращая ни к кому в особенности.

— А мне оно начинает нравиться, — отозвался парень, стоявший посреди гостиной в одних коричневых плашках. Первый бокал он осушил залпом и сейчас приканчивал второй.

— Нет, это абсолютно несерьезное дело! — сказала девушка. — Что будет, если ты проиграешь?

— Какая разница? Я силосе вспомнить и не могу, чтоб я хоть раз в жизни воспользовался мизинцем своей левой руки. Вот он, смотри, совершенно бесполезный. Так почему бы мне на него не сыграть?

Старик налил мне еще мартини и с улыбочкой сказал:

— Пришеде шем мы нашинать, я передавай нашей... нашему судье клюши от авто, — он действительно достал из кармана ключи от машины и передал их мне.

— Все бумаги... ну, там, паспорт, страховка — в авто.

Вскоре вернулась горничная и принесла все, что просил старик. Он радостно потер ладошкой о ладошку и сказал:

— Отлично! Спасибо, вы можете уходить, — он дождался, пока горничная закрыла за собой дверь. — Пора нас готовить для наша икра... То есть я хотель сказать «игра». Ха-ха! Помогите мне с этот стол, нам нужно его шуть-шуть переставлять.

То был обычный гостиничный письменный стол. Они отодвинули его от стены к центру комнаты и убрали с него все письменные принадлежности.

— Теперь нам нужно кресло, — он взялся за него сам и легко перетащил к столу. Он был оживлен и быстр, как массовый-затейник на детском утреннике. — А сэйчас я забываю... Нет, забывать гвозди.

Он взял гвозди и принялся вколачивать их в полированную поверхность стола. Мы стояли полукругом — парень, девушка и я, — держа бокалы с мартини и наблюдая за работой старика. Сначала он забил два гвоздя на расстоянии примерно шести дюймов друг от друга. Он не стал вгонять их по самые шляпки, изрядная их часть торчала наружу. Потом он своими тощими пальцами проверил, хорошо ли они сидят в дереве.

Нетрудно было даже предположить, что старому мерзавцу случалось проделывать это прежде, подумал я. Выглядело это так, словно он успел хорошо продумать мельчайшие детали.

— А теперь нам нушен крепкий взрвэка, — сказал он и тут же вытащил невесть откуда кусок прочного синтетического шпагата. — Пжалста, молодой человек, садитесь.

Парнишка отхлебнул последний глоток, поставил бокал и сел, куда ему указали.

— Положите ваш левый рука мешду эти гвозди. Я привяшу.

Он плотно обмотал веревку несколько раз вокруг его запястья и намертво притянул руку к гвоздям. И со стороны было видно, что юноша теперь не сможет избавиться от этих пут, даже если очень захочет. Пальцы же его могли двигаться совершенно свободно.

— Так, — сказал злобещий старикан, разглядывая свою работу с довольным видом. — Теперь сошмите кулак. Только мизинеш должен лешать на стол... Отлично! Мы мошем нашать, но мне надо отна сегунда.

Он метнулся за топориком.

— Все! Судья — командовать, вы — нашинать.

Парень силел неподвижно, зажав зажигалку в правой руке и не сводя глаз с топорика. Старик выразительно посмотрел на меня.

— Вы готовы? — спросил я юношу.

— Готов.

— А вы? — это адресовалось старику.

— Да-да, — ответил он и занес топорик, держа его сантиметрах в шестидесяти над пальцем своего оппонента.

— Тогда начали! — поддал я команду.

Но парень промедлил и сказал:

— Пожалуйста, считайте велух.

— Хорошо.

Большим пальцем он откинул крышку зажигалки и резко чиркнул колесиком. Проскочила искра, и фитиль загорелся ровным пламенем.

— Один, — начал отсчет я.

Он не задул огонек, а закрыл крышку, и прошло, вероятно, полных пять секунд, прежде чем он снова откинул ее. Он с силой провернул колесико, и показались пламя.

— Два! — возвестил я.

Больше никто не проронил ни слова. Парень неотрывно смотрел теперь на зажигалку. Старик, держа топорик на весу, тоже не сводил с нее глаз.

— Три!

— Четыре!

— Пять!

— Шесть!

— Семь! — Да, зажигалка работала четко. Искру она выдавала крупную, и длина фитилька была в самый раз. Работал только большой палец правой руки: закрыл крышку, пауза, откинул, щелкнул... Я набрал в легкие воздуха, чтобы сказать: восемь. Промелькнула искра, огонек загорелся опять.

— Восемь! — почти выкрикнул я, и в этот момент распахнулась дверь. Мы все повернулись и увидели, что в дверях стоит темноволосая, смуглая и уже не молодая женщина. На каку-то секунду она замерла, а потом бросилась к старику с криком:

— О, боже мой! Что он делает!

Она сжала ему запястье, вырвала из руки топорик, швырнула его на пол, а старика схватила за лапканы пиджака и принялась яростно трясти, что-то торопливо приговаривая на чужом, непонятном языке. При этом она почти оторвала его шуплое тело от пола. Он совершенно обмяк и не сопротивлялся. Она пихнула его в одно из кресел, и он сидел в нем, часто моргая глазами.

— Извините, извините нас, пожалуйста. Этого не должно было случиться, — сказала она, обращаясь к нам. Говорила она на совершенно правильном английском с едва заметным акцентом. — Моя вина, я не должна была оставлять его ни на минуту.

Парень отяжелял руку от стола. Мы с девушкой стояли молча.

— Он по-настоящему опасен, — продолжала она.

— Там, у нас дома, он отрубил разным людям сорок семь пальцев и проспирал одиннадцать машин. Ему грозила психиатрическая лечебница на всю жизнь, и мне пришлось увезти его сюда.

— Мы только заклүшать небольшой пари, — пробормотал старик.

— Пари! И поставил он, конечно, машину? — спросила нас женщина.

— Да, «кадиллак», — ответил парень.

— Нет у него никакого «кадиллака». Это мой автомобиль. И это самое ужасное — он спорит, хотя ему совершенно нечего поставить на пари. У него вообще ничего нет. Ничего! Я сама выспорила у него все имущество, и уже давно.

— Вот ключи от вашей машины, — сказал я. Она казалась хорошей и разумной женщиной.

Она шагнула вперед и протянула руку за ключами. Я до сих пор вижу ее, эту руку. На ней был только один палец — большой.

ЭКСПРЕСС-ДЕТЕКТИВ

ОТТО СКОРЦЕНИ

Отто Скорцени, или, как его иначе называли, человек со шрамом, с 1943 года возглавлял отряд особого назначения, занимавшийся проведением диверсионных, разведывательных и иных специальных операций. Он подчинялся штабу верховного главнокомандования вермахта и лично Гитлеру.

Отрывки из воспоминаний Скорцени взяты из его книги «Неизвестная война», изданной в Париже.

МЕМУАРЫ ЧЕЛОВЕКА СО ШРАМОМ

АДМИРАЛ КАНАРИС

Посетителей его виллы Грюневальд в Берлине у входа встречал величественный портрет героя войны за независимость Греции (1823 г.) Константина Канариса, с мечом в руках разящего турок.

Шеф абвера вполне серьезно утверждал, что этот Константин был его предком, хотя его семья, родом из Италии, обосновалась в Рейнской области в конце XVIII века. Кроме того, некоторым своим испанским знакомым Канарис разъяснял, что его далекие греческие предки, отважные мореплаватели, в свое время попали на Канарские острова, откуда и происходит его фамилия.

Он родился 1 января 1887 года под Дортмундом, в 1905 году стал гардемариним императорского флота, в звании мичмана служил на крейсере «Дрезден», который в марте 1915 года был потоплен командой у берегов Чили, чтобы не стать жертвой английского броненосца «Глазго». В конце 1916 года Канарису удалось добраться до Испании, в Мадриде он был до октября 1917 года одним из офицеров германских разведслужб и закончил войну в звании капитан-лейтенанта подводного флота. Он не пользовался большим уважением, это самое малое, что можно сказать. 9 мая 1946 года на Нюрнбергском процессе гросс-адмирал Дениц, отвечая на вопрос защитника фельд-маршала Кейтеля Отто Нельте, сухо заметил: «На флоте адмирал Канарис был офицером, которому не очень доверяли. Он весьма отличался от всех нас. Мы говорили, что он был семидушным».

Адмирал Канарис

Уже в 1937 году абвер под руководством Канариса превратился в настоящее «гнездо заговорщиков», как утверждал начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал Альфред Йодль 3 июня 1946 года в Нюрнберге. На этом же процессе один из основных помощников Канариса полковник Эрвин Лахузен заявил 30 ноября 1945 года: «Адмирал Канарис сожалел, что войну не удалось предотвратить, но, как он мне говорил, еще большим злом была бы победа национал-социализма в этой войне, и этому необходимо помешать любыми средствами: вот в чем должны состоять высшая цель и предназначение нашей борьбы».

Следует признать, что эта программа была выполнена, а цель достигнута.

Сегодня известны имена большинства сотрудников и агентов Канариса, упорно работавших на поражение собственной страны. Одним из самых настоящих был полковник, впоследствии генерал, Ганс Остер, руководитель центрального отдела управленияграничных операций абвера. Именно он в августе 1938 года послал в Лондон молодого Эвальда фон Клейст-Шменца, чтобы попросить помощи и поддержки в борьбе против Гитлера у британского правительства.

От имени немецких генералов, готовивших государственный переворот, — генерала Бска, его преемника на посту начальника генерального штаба сухопутных войск Гальдера, генералов Виттлебена (будущего фельдмаршала), Штюнгелля, Брокдорффа, Хейнера и других — Клейст-Шменц вел переговоры с сэр Роберт Ванситартом и Уинстоном Черчиллем. По возвращении в Берлин 28 августа он вскоре получил

очень обнадеживающее письмо от Черчилля, которое он передал Канарису, а адмирал в свою очередь ознакомил с ним Гальдера и Виттлебена. Вследствие этого в начале сентября Гальдер сам отправил в Лондон двух эмиссаров: подполковника Ганса Бем-Теттельбаха и Теодора Кордта. Фактически заговорщики ожидали от Лондона зеленого света для свершения правительства. Мюнхенское соглашение расстроило планы тех, кто называл себя «германскими патриотами».

11 марта 1939 года Остер — опять же с согласия Канариса, вряд ли могло быть иначе — предупредил британские и чешские секретные службы, что немецкая армия войдет в Богемию и в Моравию 16 марта в 6 часов утра, что позволило чехам переправить 14 марта самолетом в Лондон своих главных специалистов разведслужб вместе с их архивами.

16 марта 1948 года голландская комиссия по исторической документации заслушала генерала И. Г. Саса, бывшего военного атташе Голландии в Берлине. Сас показал, что в течение многих лет полковник Остер передавал ему многочисленные данные первостепенной важности, в частности назвал точную дату германского нападения на Норвегию, а также много раз переносившиеся сроки наступления на Западе. Когда Сас доложил эту информацию своему начальнику генералу Рейндерсу, тот заметил: «Этот Остер — совершенно презренный тип».

В то самое время, когда Остер предупреждал полковника Саса, абвер 3 мая 1940 года передал те же сведения своему «досточтимому корреспонденту» в Риме Иозефу Мюллеру, весьма набожному господину, вступившему в Ватикане в контакт с бельгийским, голландским и английским представителями при Святом престоле. Эта организация станет известной под названием Черного оркестра в отличие от Красной капеллы, о которой речь пойдет ниже. Кроме того, у Канариса и Остера был агент в Швейцарии — Ганс Бернд Гизевиус, заместитель консула в Цюрихе, который впоследствии будет поддерживать прекрасные отношения с Алленом Даллесом, руководителем американских разведслужб в Европе, затем шефом ЦРУ.

Эти господа объединились в Цоссене, где располагался штаб сухопутных войск. Именно в Цоссене Остер хранил изобличающие его документы в сейфе, который был вскрыт в сентябре 1944 года после покушения на Гитлера. Кроме того, в начале 1945 года в другом сейфе, принадлежавшем Канарису, обнаружили двенадцать тетрадей его личного дневника. Его поведение было жалким. Будучи уличенным в сговоре с врагом и в заговоре против безопасности государства, он защищал себя, утверждая, что связался еще в 1938 году с заговорщиками и предателями лишь для того, чтобы их разоблачить! Но когда? Уже был апрель 1945 года!

В тюрьме по дороге в душ Канарису удалось спешнать связному Остера в Цюрихе Теодору Шпрунку, который был также арестован по обвинению в измене: «Сваливайте все на Остера и Донани...»

Донани был прямым подчиненным Остера. Канарис до конца вел двойную игру. Некоторое время он даже отрицал, что Остер был руководителем его штаба!

В первом сейфе наряду с убийственными для Канариса документами нашли пятьдесят две тетради с военными донесениями, переданными агентами абвера за рубежом. Все они были изменены и фальсифицированы при расшифровке службой Донани, вследствие чего вермахт получал от абвера ложную информацию. Грязная работа...

По поводу операции «Морской лев» в 1943 году у меня состоялся разговор с генералом Йодлем, заявившим следующее:

«Операция «Морской лев» была задумана относительно поздно, 2 июля. Чтобы понять, почему она не планировалась раньше, надо вспомнить, что произошло 24 мая 1940 года, когда фюрер приказал 41-му и 19-му бронетанковым корпусам Рейнхарда и Гудермана прекратить продвижение к Дюнкерку и Кале. На следующий день стало ясно, что уже нет опасности атаки и прорыва на нашем левом фланге. Тем не менее фюрер оставил свой приказ в силе до полудня 26-го числа. Я думаю, он тогда был уверен, что нам удастся заключить компромиссный мир с Великобританией, и исходя из этого ему не хотелось унижать эту державу, захватив в плен весь экспедиционный корпус лорда Горта».

Гитлер хотел договориться с западноевропейскими державами, и в особенности с Великобританией. Архи-

Отто Скорцени

вные немецкие документы, захваченные союзниками в 1945 году и доступные сегодня, доказывают, что герцог Гобург информировал фюрера в 1936 году о том, что король Эдуард VIII был очень расположен к такому союзу. Этот союз был бы направлен отнюдь не против Франции, а осуществлен вместе с ней. Король Эдуард предложил установить прямую телефонную связь между Букингемским дворцом и рейхсканцелярией.

Сейчас я убежден, что уже 16 июня (когда мы форсировали Луару) Гитлер ждал положительных результатов от переговоров, которые велись через Швейцарию, Испанию, Швецию и Италию в целях заключения мира с Великобританией, и что в этом вопросе он был обманут. Он, кроме того, поверил маршалу Герингу, который уверял, что в любом случае сможет воспрепятствовать эвакуации английского экспедиционного корпуса благодаря действиям Люфтваффе. В результате англичанам удалось вывести 230 000 солдат из 250 000.

Однако громадное количество техники было уничтожено либо оставлено на месте. В своей знаменитой речи, переданной по Би-би-си 4 июня 1940 года, Черчилль воскликнул: «Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах!»

В этот момент, как сообщил настоятель Кентерберийского аббатства, оратор положил руку на микрофон и добавил: «И мы будем бросать бутылки пива в лицо, поскольку это единственное, что у нас есть».

Позднее, и очень официально, британский премьер признал в конгрессе США (26 декабря 1941 г.): «Нам повезло, что у нас было время. Если бы после поражения Франции в июне 1940 года Германия организовала высадку на Британские острова и если бы Япония объявила нам тогда войну, никто не смог бы сказать, какие бы нас постигли катастрофы и какая бы нас ждала агония».

Однако «рыцарь» Канарис делал свое дело. 7 июля 1940 года он отправил Кейтелю конфиденциальный доклад, где говорилось, что в случае высадки в Англии немцы «столкнутся с 20 дивизиями передовой линии и с 19 дивизиями резерва». На деле в то время была всего одна дивизия, должным образом вооруженная и обученная, а именно 3-я дивизия под командованием Монтгомери, о чем тот писал в своих воспоминаниях.

Лживые оценки Канариса в некоторой степени объясняют требования фельдмаршала фон Браухича, которому фюрер доверил командование экспедиционным корпусом: он хотел высадиться широким фронтом с развертыванием 41 дивизии, в том числе шести бронетанковых и трех моторизованных! Естественно, гросс-адмирал Редер ответил, что это невозможно: не было достаточного количества кораблей, кроме того, это требовало абсолютно надежного прикрытия с воздуха.

Воздушная война Геринга против Англии не дала ожидаемых результатов. 16 и 17 сентября нас ночью и днем бомбила английская авиация, а 21 сентября дюжина транспортных кораблей и довольно большое количество лодок были потоплены или повреждены. Нам пришлось оплакивать умерших и раненых, и это в то время создало у нас впечатление, что мы пытались высидеть и потерпели неудачу.

МИССИЯ РУДОЛЬФА ГЕССА

После балканской кампании, незадолго до начала воздушно-десантной операции на Крите, по нашему радио было распространена странная информация. Из нее вечером 11 мая 1941 года я узнал, что Рудольф Гесс, второе лицо в государстве (Геринг был третьим), днем раньше вылетел в Англию.

Официальное коммюнике уточняло, что с некоторых пор здоровье Гесса было неважным, что он «страдал галлюцинаторными расстройствами» и что «этот инцидент ни в коей мере не отражался на войне, навязанной немецкому народу Великобританией».

Несколько лет назад стали известными многие обстоятельства одиссеи Гесса. Другие, в том числе важнейшие, известны в значительно меньшей степени либо вообще неизвестны.

Прежде всего, кто он — одинокий узник Шпандау? Выходец из доблестной буржуазной семьи, его мать по происхождению была англичанкой. Он родился и провел часть детства и юношества в Александрии, получил «английское» воспитание. Когда началась первая мировая война, он храбро сражался в немецкой авиации. Закончил Мюнхенский университет. Именно там он вступил в германскую национал-социалистскую рабочую партию. После путча 9 ноября 1923 года, попав вместе с Гитлером в крепость Ландсберг, он стал самым верным другом фюрера, который продиктовал ему часть своей книги «Майн кампф».

В 1933 году он стал рейхсминистром, в 1935 году был официально назначен личным представителем Гитлера, который в 1939 году публично назвал его своим преемником.

Он всегда был сторонником соглашения между Великобританией и Германией, что совпадало с мнением фюрера. Мне не кажется сомнительным предположение, которое начинает признаваться некоторыми серьезными историками, что Гесс отправился в Англию как чрезвычайный представитель для выработки соглашения накануне войны со Сталиным.

Многие историки утверждают, что план полета был неизвестен Гитлеру. Но он готовился тщательно и долго. Было произведено около двадцати испытательных полетов, в конце — с радионаведением, прежде чем министр отправился на истребителе Me-111, специально оборудованном под личным руководством инженера Мессершмитта. В то же время было обнародовано, что в 1938 году фюрер отдал приказ, категорически запрещавший Гессу управлять самолетом.

Вопреки некоторым утверждениям, фюрер, когда он узнал, что Гесс улетел в Шотландию, в замок герцога Гамильтона, не выразил никакого удивления.

Гесс вручил своему ординарному письмом для передачи фюреру. Его содержание, несомненно, соответствует состоянию души Рудольфа Гесса в тот момент, когда он решился на предприятие, которое было делом не военного преступника, не сумасшедшего, а посланца мира.

Я считаю, что правильное объяснение полета было дано еще в мае 1943 года одним американским журналом. Как сообщил этот журнал, Гитлер лично еще в январе 1941 года осведомился о возможности прямых переговоров с Великобританией в целях заключения долгосрочного мира. Приведу выдержку из журнала, который, следует уточнить, выходит и в наши дни и статьи которого в мае 1943 года проходили цензуру:

«Вопрос Гитлера был обращен не к британскому правительству, а к группе влиятельных англичан — в том числе герцогу Гамильтону, — принадлежавших к англо-германскому обществу, в то время уже распуценному. В роли курьера выступал дипломат с мировым именем».

Имя дипломата не раскрывалось. Из этого анонимного рассказа явствует, что британские корреспонденты дали на эту инициативу сдержанный, достаточно уклончивый ответ. «Осторожные и осмотительные» с обеих сторон контакты продолжались, таким образом, в течение четырех месяцев до того момента, когда на предложение Гитлера провести переговоры в нейтральной стране англичане ответили отказом. Отказ последовал и на предложение Эрнста Боле в качестве посредника, когда в турецкой и южноамериканской печати появились сообщения о том, что Боле поручена «важная и конфиденциальная миссия за рубежом».

Именно тогда Рудольф Гесс появляется на сцене. Как представитель фюрера, он обладает всеми полномочиями для заключения соглашений от его имени. 10 мая 1941 года он летит в Шотландию, в замок герцога Гамильтона Дангвель, возле которого расположен небольшой частный аэродром. Там его ждут. Однако Гесс, выпрыгнувший с парашютом и приземлившись, вывихнув ногу, примерно в 16 километрах от замка, не догадывается, кем в действительности были ожидавшие его люди.

Их личности были раскрыты американским журналом в мае 1943 года: «Первое письмо, отправленное в январе 1941 года, было перехвачено английской секретной службой, которая с этого момента вела всю переписку».

Когда истребительная авиация Королевских ВВС засекла «мессершмитт», неопознанный истребитель, не ответивший должным образом на запросы по радио, дежурный офицер командного центра воскликнул, обращаясь к командиру группы истребителей ВВС, дислоцированной в Шотландии: «Ради бога, скажите им, чтобы его не сбивали!» Таким образом, Гесс удостоился эскорта двух вражеских самолетов. Один из них он заметил. Если бы он не выпрыгнул с парашютом и приземлился на частном аэродроме Гамильтона, тайна была бы сохранена. Но он упал на поле крестьянина Дэвида Маклина и был отведен им на ферму. Он сказал, что его зовут Альфред Горн, и попросил предупредить герцога.

Можно было бы вообразить, что бравый шотландский крестьянин, с вилами в руках смеющийся, как Гесс падает с неба, принадлежал к тому же клану, что и Дональд Маклин, который передал Советам важные ядерные секреты. Он был заподозрен слишком поздно и в 1963 году бежал в СССР. Вот тема интересного исследования для любителей исторических анекдотов. Но здесь речь идет о другом.

Гамильтон, командир авиаполка Королевских ВВС, находился на своем командном пункте. Когда его предупредили по телефону, он заявил, что не знает никакого Альфреда Гесса. На следующий день, увидев Рудольфа Гесса, визита которого он никак не ждал, он был ошеломлен. Людями, ожидавшими Гесса на маленьком аэродроме, были высшие руководители Интеллигенции сервис и офицеры секретной службы, подготовившие ловушку.

Им пришлось буквально вырвать Гесса-Горна из рук полудюжины ополченцев отряда местной обороны, которых вызвал Маклин. В помещении отряда местной обороны потребовалось вмешательство армии, а посланца после предварительного допроса в казарме Мэрихилла был отправлен в военный госпиталь.

Вернемся к рассказу американского журнала: «Гесс предвидел долгие подходы к высшему руководству. Но все произошло несравненно быстрее. Черчилль отправил к нему сэра Айвона Киркпатрика, суперинтенанта времен первой мировой войны, советника британского посольства в Берлине в период между двумя войнами. Тот должен был выслушать предложения Гесса и передать их непосредственно британскому правительству...»

Гитлер предлагал — я резюмирую пункты, изложенные журналом в 1943 году, — прекращение военных действий на Западе, вывод войск из всех оккупированных стран за исключением Эльзаса-Лотарингии и Люксембурга, вывод войск из Югославии, Греции и в целом со Средиземноморского побережья.

В ответ он просил безоговорочного нейтралитета Великобритании в отношении германской политики на Востоке. Ни одна страна, участвующая в войне или нейтральная, не должна требовать репараций.

Гесс настаивал на необходимости покончить с коммунистической опасностью, причем Германия предлагала самостоятельно справиться с этой задачей, и указывал, что в этом случае она должна располагать всей военной продукцией Англии и Франции до того момента, когда эти страны закончат конверсию своей военной промышленности.

Гесс встретился также со своим знакомым министром снабжения лордом Биверброком, лордом Джоном Саймоном и другими членами военного кабинета. Он не виделся с Черчиллем, который немедленно предупредил Рузвельта. Ответ на предложения Гесса был, естественно, отрицательным.

Мартин Борман и Рудольф Гесс. 1941 год

Когда он понял, что его с самого начала жалким образом обманывали и что Великобритания на деле была союзницей Советов, Гесс, как сообщает анонимный автор статьи в журнале, стал действительно жертвой нервного расстройства: «Ложь о его так называемом сумасшествии чуть не стала реальностью».

Когда он узнал, что броненосец «Бисмарк», потопивший крейсер «Худ», в свою очередь пошел ко дну (27 мая 1941 г.), он весь день плакал.

Прямота характера Гесса никогда не ставилась под сомнение ни его друзьями, ни врагами. Он никогда не произнес бы имени Гамильтона, если бы не был уверен, что герцог действует от имени высших британских властей. Вместе с тем все свидетельства идентичны в том, что Гесс сразу же попросил, чтобы уведомили того, кого он считал своим корреспондентом и посредником в переговорах с полномочными представителями, то есть Гамильтона.

Было бы оскорбительным для герцога Гамильтона считать или писать, что он действовал как сообщник британских секретных служб. Его удивление, когда он увидел Гесса, не было притворным, ведь в подложных письмах «его почерк был подделан», чтобы его можно было слить с доверенными документами, написанными его рукой, которые могли сохраниться в Берлине.

Как можно не понимать, что если бы герцог Гамильтон и другие английские политические деятели в течение четырех месяцев 1941 года вели тайную переписку с немцами, и в особенности с Гессом, то после полета их бы судили и осудили за связь с врагом? Ничего подобного не произошло.

Вот почему я верю в версию американского журнала, который в 1974 году напомнил, что факты, приведенные в 1943 году, были изложены «обозревателем с высокой репутацией», который пользовался «исключительно надежными источниками».

Эти факты были не случайно раскрыты именно в то время. В конце апреля 1943 года Черчилль настаивал, чтобы высадка западных союзных войск была осуществлена не в Сицилии, а на Балканах. Ему хотелось, чтобы этот регион «избежал советского господства» и чтобы Югославия, Венгрия, Чехословакия, юго-восточная часть Германии были по возможности заняты англо-американскими войсками. Мнение Рузвельта было иным и имело смысл показать, как Черчилль еще в 1941 году продемонстрировал стремление к союзу с Советами, заманив Гесса в Лондон и отвергнув германские предложения. Кстати, мы увидим, что чуть позже, весной того же, 1943 года, Сталин сделал мирные предложения Францу фон Папену в Анкаре.

Но, если добрая воля одинокого узника Шпандау была полной, очевидно, что он стал жертвой прощупывания врага. Когда он по собственной воле прилетел, чтобы предложить мир, Черчилль сделал его пленником, а затем военным преступником.

Поведение Гитлера также можно понять. Вполне вероятно, что, ознакомившись со всеми документами, касающимися попытки достижения мира на Западе, фюрер в конце концов засомневался. Возможно, что его проинформировали о чем-то подозрительном. Гесс, будучи менее проницательным или более доверчивым, мог не обратить на это внимания.

Историк Аллен Деко в своей книге «Секретные дела истории» (1966 г.) выдвигает другую версию. Он анализирует некоторые поступки Гитлера и Геринга до, во время и сразу после полета, приводит факты и свидетельства, в частности, из сферы деятельности метеослужб и служб перехвата и информации германского радио. Он делает вывод, что Рудольф Гесс отправился в Шотландию с согласия фюрера, а оставленное им письмо должно было позволить Гитлеру в случае неудачи представить его поступок как акт безумия. Он пишет: «В сентябре 1943 года, когда Гитлер поручил Отто Скорени освободить Муссолини, заключенного в Гран Сассо, он наметнул ему на случай с Гессом и сказал, что так же дезавуирует его в случае неудачи».

Фюрер действительно предупредил, что будет вынужден меня дезавуировать, если я потерплю неудачу, но он никогда, ни при какой встрече не упоминал о личности и действиях Рудольфа Гесса.

В начале моего пребывания в Нюрнберге 18 главных обвиняемых содержались вместе со свидетелями в одном крыле тюрьмы. Таким образом, я мог каждый день видеть Рудольфа Гесса во время прогулки во дворе. Запреты на разговоры были драконовскими, и мне было невозможно обратиться к нему, чтобы высказать хотя бы свое сочувствие. Но он отнюдь не показывал мне умиленным. Напротив.

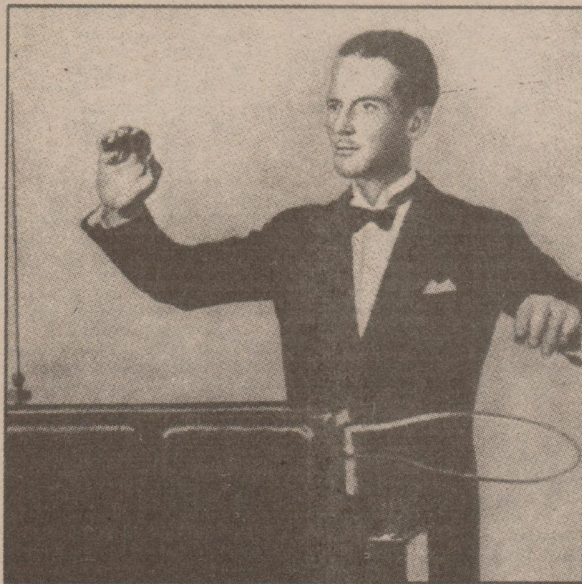
Он ходил прикованным цепью к американскому солдату. При изменении направления он использовал привилегию, которую давало ему его положение «умственно неуравновешенного» человека, и делал столь же резкие, сколь неожиданные движения, имевшие истинной целью привести охранника в замешательство и заставить его поворачиваться вокруг себя самым комичным образом. Становилось не очень ясно, кто же из них двоих был заключенным.

По прямой Гесс ходил твердым шагом, спокойно, с высоко поднятой головой, с большим достоинством, не обращая внимания на солдата, следовавшего за ним с видом прислужника.

Перевод Бориса СКОРОХОДОВА

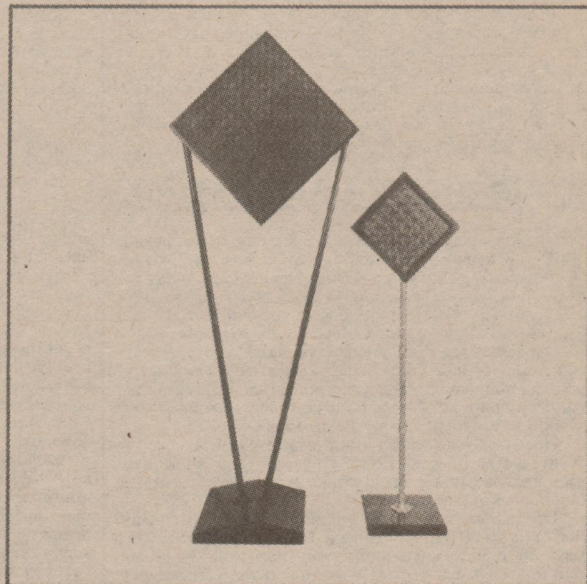
Продолжение в одном из следующих номеров.

Лев Термен демонстрирует игру на терменвоксе. 1922 год

Еще одно изобретение Термена — оригинальные динамики

**МЕХАНИК
ЛЕВ
ТЕРМЕН:**

«Я ПОДСЛУШИВАЛ КРЕМЛЬ»

Лев Сергеевич, как получилось, что вы — заведующий лабораторией Ленинградского физико-технического института — вдруг оказались со специальной миссией в Нью-Йорке?

— Да это не вдруг получилось. В двадцать шестом году я изобрел телевизор. На эту тему выступил с докладом в нашем институте. Об изобретении сообщили в газетах. А вскоре телевизором заинтересовалось военное ведомство. Мои аппараты решили использовать при охране границы, и поэтому изобретение сразу же засекретили.

К тому времени мной уже был изобретен электромузыкальный инструмент терменвокс. И вот в двадцать девятом году Наркомат культуры командировал меня с терменвоксом в Америку. Это было, так сказать, официальным предлогом для поездки. О том, что я еду в Америку еще и по линии военной разведки, естественно, не знал никто.

Перед отъездом я несколько раз был в Москве на собеседованиях. Меня попросили при возможности больше внимания уделять авиации США и быть в курсе всех новых достижений американской науки. С этим и уехал. И прожил в Америке почти восемь лет.

— Где вы жили?

— Вначале снимал гостиницу. Давал концерты с терменвоксом. Появилось много денег. Я купил себе модные костюмы, черный «кадиллак» и взял в аренду на девяносто девять лет прекрасное восьмизаточное здание на Пятдесят четвертой улице в Манхэттене. В этом здании разместились моя компания «Телетач», мастерские, лаборатории и на четвертом этаже моя квартира.

— Деньги на содержание компании вам присылали из Москвы?

— Нет, это были мои деньги, но и из Москвы, естественно, тоже кое-что присылали.

— А что касается военной разведки. Каковы были ваши взаимоотношения в Нью-Йорке?

— Примерно раз в неделю я должен был выходить на связь с моим, так сказать, начальством. Фамилий их я уже сейчас не помню. Помню только, что встречались мы в небольшом ресторанчике в районе Пятой

Этого девяносточетырехлетнего человека в поношенном пиджаке до сих пор можно встретить в гулких коридорах физического факультета МГУ. Однако никто из нескольких сотен студентов и преподавателей этого факультета даже не догадывается, что рядовой механик кафедры акустики, обитатель московской коммуналки Лев Термен в то же время — владелец восьмизаточного здания в центре Нью-Йорка, бывший агент военной разведки и изобретатель подслушивающей аппаратуры.

авеню. Как правило, на встречу приходили два человека и перед началом разговора непременно заставляли меня выпить два стакана водки. До сих пор не понимаю, зачем они это делали. Ну вот, а затем начинались расспросы. Довольно глупые, надо сказать. Ну, например, просили узнать диаметр выхлопной трубы какого-то самолета. Или, положим, систему сигнализации и охраны американских тюрем... И вот я ездил по стране, смотрел что и как. Естественно, эта сторона моей работы держалась в большом секрете. Для американцев я был директором фирмы «Телетач», популярным музыкантом — и не более того.

— В то время вы были уже женаты?

— Впервые я женился еще в Ленинграде. Моя жена была сестрой одного из сотрудников нашего института. Она ездила со мной на гастроли в Париж, Лондон, Берлин, а когда я уехал в Америку, последовала за мной. Здесь ей предложили место в медицинском институте, располагавшемся в пятидесяти километрах от Нью-Йорка, так что встречаться мы стали только по выходным

дням. Однажды в мой офис пришел молодой человек и попросил моего согласия на развод с женой, так как они, мол, любят друг друга. Вначале я отказался, но затем выяснилось, что этот молодой человек — один из предводителей американских фашистов. Об этом стало известно и в советском посольстве. Мне посоветовали развестись. И я развелся. Примерно через четыре года я женился на негритянской танцовщице Лавинии Вильямс. Нас расписали в советском посольстве, и вплоть до моего отъезда из Америки мы прожили вместе счастливые дни. Она скончалась три года тому назад.

— Вы не взяли ее с собой?

— Меня обманули. Сказали, что она придет в Союз через три недели следующим пароходом. Но вскоре по возвращении в Ленинград меня арестовали. Конечно, Лавиния не знала об этом и ждала меня еще долгие годы.

— А вы очутились в лагере?

— Да. Но пробыл я в Магадане по тогдашним понятиям недолго. Каких-нибудь десять месяцев. После этого меня сняли со строительных работ и от-

правили в Москву, в «шарашку», где работали Туполев и многие другие ученые. Это было закрытое конструкторское бюро, занимавшееся вопросами военной авиации. В этом бюро я некоторое время занимался разработкой беспилотного самолета, что-то вроде крылатой ракеты. Моим помощником тогда был Сергей Королев... Ну а потом всех авиационных специалистов освободили. Меня же направили отбывать срок в Ленинград, в секретный институт госбезопасности, где я занял должность заведующего лабораторией.

— Там вы и изобрели свое подслушивающее устройство?

— Да. Это устройство с названием «Буран» предназначалось специально для прослушивания объектов, находящихся на дальнем расстоянии, а также тех объектов, в которых невозможно разместить микрофоны. Прежде всего это касалось дипломатических представительств. Принцип действия «Бурана» заключался в том, что на окно наводился невидимый луч. Во время каких-либо разговоров в комнате оконное стекло выполняло роль мембраны. Соответственно изменялась длина

луча, и принимающее устройство прекрасно все регистрировало. Это было нечто вроде телефона без проводов. И действовал он на расстоянии около километра. Таким образом мы прослушивали американское посольство в Москве. Однако в тех кабинетах, куда наводился луч «Бурана», не происходило ничего интересного. Ничего не значащие разговоры о поездках, покупках и так далее. Насколько мне известно, «Буран» использовался для подслушивания французского и ряда других посольств. За это изобретение мне выплатили огромную премию — что-то около пятидесяти тысяч рублей, а также предоставили квартиру в только что отстроенном доме для сотрудников госбезопасности. Он и сейчас стоит на Ленинском проспекте в Москве. После окончания срока заключения я остался работать в этом закрытом институте и проработал там до шестидесяти шестого года.

— За это время вы сделали еще какие-то изобретения в области шпионской техники?

— В основном совершенствовал эту технику, но самым, пожалуй, интересным была организация прослушивания квартиры Сталина.

— Сталина? Вы не оговорились?

— Нет, нет. В его рабочем столе и в различных частях его квартиры госбезопасностью были установлены специальные микрофоны. Довольно часто мне приходилось прослушивать записанные с помощью этих микрофонов пленки, а затем убирать с них посторонние помехи и шумы. Так что я Сталина себе прекрасно представляю. И ругаю его сегодня, считаю, напрасно.

— Вы ушли из системы госбезопасности по своей воле?

— В общем да. Дело в том, что меня начали заставлять заниматься какой-то ерундой. Какими-то инопланетными, летающими тарелками и так далее. Я считаю, что все это не наука. Потому и ушел.

— Господи, неужели и прищельцы под их контролем...

Беседу вел
Дмитрий ЛИХАНОВ

АКЦИОНЕРАМ И ВКЛАДЧИКАМ МЕЖБАНКОВСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «МЕНАТЕП»

Дорогие друзья!

В связи с повышением розничных цен информируем Вас о том, что устанавливается следующий порядок компенсации по депозитным вкладам и акционерным взносам граждан:

1. Увеличению подлежат депозитные вклады и акционерные взносы, фактически оплаченные по состоянию на 1 марта 1991 года.
2. Номинальная величина депозитных вкладов и акционерных взносов увеличивается на 50%.

Суммы, на которые увеличиваются вклады и взносы, а также начисляемые по этим суммам проценты (дивиденды), будут выплачиваться вкладчикам и акционерам по требованию с 1 марта 1994 года.

3. Предприятия объединения гарантируют выплату 11,84% годовых по суммам увеличения вкладов и взносов.

Телефон для справок: 202-85-56

Совет директоров

МЕЖБАНКОВСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МЕНАТЕП

Der Reichswirtschaftsminister
DBR. 1587/43

Es wird gebeten, dieses Geschäftsvergehen und den
Ortsanstand bei weiteren Schreiben anzugeben

An den

Herrn Reichsminister für Rüstung
und Kriegsproduktion - Rüstungsamt -
Herrn von Herrn Kapitän H.S. v. Heierl
- 0714 -

Berlin, 15. 11. 1943
Behördenstr. 43
Fernsprecher: Ortsdienst Nr. 16 431
Ferndienst Nr. 16 41 21

11111

Geheim!

ЯНТАРНАЯ
КОМНАТА:
ПОИСК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В «Совершенно секретно» (№ 5 за 1990 год) была опубликована фотография неизвестного города, в окрестностях которого, по предположению, находится Янтарная комната. В редакцию пошли письма. Публикуем некоторые из них, надеясь, что читатели (и в СССР, и за рубежом) помогут нам выбрать верный адрес.

Высылаю две фотографии. Одна из них опубликована в вашей газете «Совершенно секретно», другая — вид окрестностей княжества Лихтенштейн, перефотографированный мной из одной лихтенштейнской газеты. По моему, это один и тот же пейзаж. Однако нужно, вероятно, учитывать и то, что выполнены съемки с разных точек.

А. И. КОВАЛЕНКО
Полтава

Янтарную комнату необходимо искать в шахте близ города Гальберштадт, вернее, между городом Гальберштадт и Нордгаузен в Нижней Саксонии.

Я об этом писал много в свое время, но письма передавались по кругу: от «Известий» до Министрства культуры, Прокуратуры УССР и т. д. и т. п. Могу показать эту шахту.

Иван Кириллович КЛИМЕНКО
Киев

Считаю, что на снимке изображен австрийский городок Pernitz Muckendorf (Перниц Мукендорф). Это примерно 200—250 км от Вены в Альпах. К нему проложена узкоколейка, на которой ходил местный поезд из Вены один раз в сутки до конечной станции. Мне пришлось побывать во многих местах, но почти уверен, что изображен именно этот городок.

Георгий ХАРЧЕНКО
Киев

Обращаю ваше внимание на снимок, помещенный в двухтомной энциклопедии ГДР «Майерс Хандлексикон» (Лейпциг, 1977. Т. 2. С. 160). На нем изображен город Оберстдорф (ФРГ). Снимок, правда, очень мелкий, да и план более общий, но при внимательном рассмотрении обоих изображений можно установить много общего: точка, с которой производилась съемка, окружающий ландшафт, вид самого городка (в частности, башня, возвышающаяся над ним). Складывается впечатление, что ваша фотография — это увеличенный фрагмент более общего плана. Иными словами, сходство между обоими сним-

Фото, опубликованное в «Совершенно секретно» № 5 за 1990 год

Фото, присланное А. И. Коваленко

ками, на мой взгляд, несомненно, но не во всем. Есть ряд деталей, не совпадающих друг с другом, поэтому сомнения остаются. В самом деле, мало ли городков на свете, очень похожих друг на друга. Впрочем, посмотрите сами. А вдруг? Может, в каких-либо западных изданиях (в альбомах, на открытках) можно найти более крупное и качественное изображение Оберстдорфа?

ЧИТАТЕЛЬ
Москва

Вам, возможно и ошибочно, сообщает ветеран войны 1941—1945 годов, прошедший с 22-й мотопистолетной инженерно-саперной бригадой, сопровождавшей танковую армию после взятия Берлина до Праги.

Мы продвигались на Прагу, и в один из дней имели ночевку в г. Хабортце (так записано у меня в заметках тех военных времен — 80 км от Дрездена), который теперь на картах значится под названием Chabotovice (3—5 км от г. Кривка и около 8 км от г. Теплице).

Окрестности города Хабортце вызвали настолько приятные эмоции, что вылились в скороспелые записки тех лет: «Природа исключительно интересная. Выйдя на балкон (мы ночевали на 2-м этаже двухэтажного домика), вижу четыре горы, одна одной меньше, а кругом зелено, и солнце, накалив воздух, как бы пелену дымки набросило на горы, и они чуть видны на горизонте, а слева во всей своей красе по склонам гор перека- тами разлилось зеленое море пыльных

крон деревьев — это лес предгорья».

Я помню визуальную правую церков- кирхе (на фото).

Дайте познакомиться знатоку тех мест с моим письмом.

После войны я там не был.

А. В. САМАРИН
Москва

Пористый ландшафт и часть города напоминают мне старинный город Кап- фенберг в Австрии. Если смотреть с высоты Альпийских гор, справа должен быть металлургический завод, а слева вот эта панорама (башня, слева ко- стел, остальные строения заводских складов и жилья). А еще дальше справа был концлагерь «Винкель», о котором страшно вспоминать. Мне в то время было 16 лет, и мы еле выжили. Это были 1942—1945 годы.

Хочу вам еще сообщить, что вокруг города и на заводе в горах имелись штольни (по нашему их называют бом- боубежищами). Мы, работая на ме- таллургическом заводе, часто прятал- ся там от налета американских бом- бардировщиков. Это были хорошо обо- рудованные складские помещения под зем- лей в горах.

Алексей Иванович
Одесса

Снимок сделан в Австрии. Это на запад от Инсбрука, в сторону итальян- ской границы, городок Ландек. На фото горы видны на севере от городка. А фотографировали в полдень, это видно по тени на постройках (солнце стояло в середине дня!). Я не ошибаюсь! А те- перь о себе. В армии во время войны не служил, но был вывезен в Германию. В Баварию был в концлагере «Дахау», по- сле в Инсбруке — «Райхенау» ипшит команда (смертники). Но случайно остался жив. Бежал ночью на этапе в Маутхаузен.

В 1945 году с лейтенантом на «гази- ке» ездил по лагерям наших репатри- рованных. Вот здесь и пришлось по- быть в Ландеке. Он мне особенно за- помнился: война закончилась, но ночью в бинокль были видны костры в горах. Это была часть СС в полной форме и вооружении. Времени прошло очень много, но я до сих пор по ночам все вижу перед собой. А вот постройки не помню — они будничны и повторяются.

Сейчас на пенсии, но продолжаю пи- сать в стиле старых мастеров. Зри- тельная память отличная. Ошибиться не могу. Успеха вам!

Георгий Никифорович ЛИСИЧЕНКО,
художник
Севастополь

Главный редактор
Юлиан СЕМЕНОВ

Редколлегия:

Артем БОРОВИК,
зам. главного редактора
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ,
зам. главного редактора
Михаил ШЕСТОПАЛ,
зам. главного редактора,
главный художник
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Виктор БАНЛАКИ
(Венгрия)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Евгений ДОДОЛЕВ
Дмитрий ЛИХАНОВ
Роджер САЙМОН (США)
Елена СВЕТЛОВА
Вера ЧЕРНИКОВА
Милан ЧОЛИЧ
(Югославия)

Редакционный совет:

Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД (Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Мартин Круз СМИТ
(США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:

Валерий БЕЛЯКОВ
и Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор
Татьяна КОЙРАНСКАЯ
Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию, указанные в выходных данных.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс. 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 5.04.91

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ-СИБ
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Михаил Суслов — серый кардинал

Мата Хари: тайны супершпионки

Мемуары личного шофера Гитлера